

Православие. Традиции. АиДи

Р. А. Баллакшин

Святой князь
Дмитрий Донской

Москва
«Вече»
2010

ОТ АВТОРА

И свет во тьме светит.
И тьма не объяла его.

Ин. 1: 5

Жизнь писателя иногда бывает так же интересна и непредсказуема, как роман, то хотя бы рассказ. Я только что закончил книгу о вологодских губернаторах, правивших Вологодской губернией со времен Екатерининской реформы до 1917 года, и, довольный законченной работой, приехал в Москву, где мне неожиданно предложили написать книгу о Дмитрии Донском. Писатели от века не слишком избалованы заказами, а в нынешние времена в особенности. Чаще всего они пишут, что им интересно, а потом ходят и с нервными переживаниями пристраивают свою рукопись. А тут ничего пристраивать не надо, только пиши. Я, конечно, с радостью согласился. Да что тут говорить: лестно писать о народном герое, имя которого народ помнит седьмое столетие.

Взволнованный, я вышел из редакции. Остановился и оцепенел на крыльце. Волна оторопи, какого-то ужаса окатила меня.

Надо мной и вокруг меня шумела Москва, катились ряды машин, куда-то шли беспечные, не отягощённые ни-

какими думами и вспыхами данными обещаниями люди.

«Боже мой, — громоздились в голове моей панические мысли. — Что я наделал? Ведь я ничего не знаю о Дмитрии Донском, кроме того, что он победил Мамая, а потом пережил трагедию нашествия Тохтамыша, когда улицы Москвы не в переносном, а в буквальном смысле были залиты кровью. Кругом дымились развалины любимой столицы, на укрепление и украшение которой он отдал столько труда, а князь ходил по лепешкам застывшей крови, среди неубранных трупов и рыдал. И ведь наверняка о Дмитрии и о той эпохе написаны горы книг, я же ничего, ничегошеньки не знаю!»

Никогда я не думал и не мечтал писать что-либо о Дмитрии Донском. Писательские мои интересы лежат в современной жизни, только иногда углубляясь в близкий и знакомый век XIX (там Пушкин, Лермонтов и Гоголь). Но XIV век был так далёк от меня, да и я от него тоже. Для меня он был как неведомый Великий океан для Магеллана. Отправляясь в плавание, угрюмый Фернан что-то слышал об океане, но так смутно, глухо... Таким же неведомым, таинственным был для меня XIV век.

Вернуться и отказаться я не мог. «Русские в плен не сдаются», — хорохорился я потом перед друзьями в Вологде. Это — во-первых. Во-вторых, взялся за гуж... И, в-третьих, интересно же, что из всего этого получится.

Вечером того же дня я уезжал домой. За окном привычно мелькали подмосковные станции. Вот и Лавра: колокольня с причудливой золотой раковиной на вер-

хушке — дань манерного XVIII века, большие главы Успенского собора, режущий своим силуэтом надвигающиеся сумерки, как корабль, Сергиевский храм и совсем незаметный, невидимый из вагона, скромный Троицкий собор, где почивают драгоценные мощи всяя России чудотворца преподобного Сергия.

Нередко бывал я тут — и на службах, и на братских молебнах, в академической библиотеке, в издательском отделе. Бывал я в Лавре не раз, но сегодня что-то иное, более тёплое и сердечное почувствовал я к святой обители. Ведь сюда, когда это был совсем малый монастырёк и всё тут было деревянным: и ограда, и церкви, и сама келья великого игумена, — сюда в раздумьях, сомнениях и тревоге прибыл за советом и благословением на смертный бой князь Дмитрий Иванович, ещё не Донской. Прискакал он сюда с небольшой дружиной, а уехал с пополнением: двух иноков дал ему мудрый настоятель, бывалых во времена оны бойцов: Пересвета и Ослябю.

Вагон слегка покачивается, в памяти всплывают хрестоматийные (не из «Родной речи» ли?) картины М. Авилова «Поединок Пересвета и Челубея», А. Бубнова «Утро на Куликовом поле», в стуке колёс выпеваются щемящие строки:

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мёртвым лечь!»

За вечереющим окошком перед душевным взором моим в густеющих сумерках словно поредела и раздёрнулась туманная завеса, отделяющая ясный день от дня померкшего, настоящее от пережитого, и вот...

...Загремели Бубны, тулумбасы, завизжали дудки, свирели. От монгольских рядов отделилась тень. Выехал ханский батыр помериться силой да удалью с русским витязем. Долго ждал он ответа на свой вызов. Переглядывались русские храбрецы друг с другом, но ратный строй их оставался недвижим. Громаден и ужасен монгол. Если бы не был он тут воочию, не поверить бы, что такие люди рождаются на земле.

Да, такой многих срубит в бою. Заплачут матери по убитым им сынам и на Клязьме-реке, и в Коломне, и далёком заволжском Белозерье.

Яр и злобен рослый конь под монголом, под стать седоку. Выше и шире грудью обычных лошадей. Косит конь кровавым оком, роет каменным копытом землю, щерит жёлтые зубы-лопаты.

А монгол толчет конём поле Куликово, изрыгает брань, насмешки, хулит Господа и Пречистую Матерь Его.

Тогда-то дрогнул передний ряд русской рати и неспешным проездом направился к богохульнику русский поединщик. Полнотью снаряжённый для боя, в правой руке держал он крепкое и длинное оглоблистое копьё. Лишь одно выделяло его среди всех: когда он тронул коня на врага, из-под шлема заряяло на ветру чёрное крыло монашеской мантии. С того дня пролетело немало

времени, но и до сего дня историки и писатели рядят и судят, как выехал Пересвет на поединок: в боевом доспехе со шлемом-шишаком на голове или в одной монашеской одежде: в подряснике с крестом на груди и куколе на голове? Надо полагать, что выехал он всё же в доспехе. Лично ему победа была не нужна, как иноку, ему было безразлично, победит он или погибнет. Но как воин в прошлом, он прекрасно понимал значение поединка перед битвой. И хотя всё войско его видеть не могло, для воинов на краю правого и левого крыла он был крошечной, едва различимой фигуркой, но весть об исходе поединка мигом облетит всё войско. Он обязан сделать всё, чтобы победить. Велика сила молитвы, не оборима вера в Божию справедливость. Но, если оратай будет только молиться, соха сама не пойдёт по полю, и гноле останется невспаханным. Господь содействует трудящемуся и воюющему, а не бездельному.

Кто же собрал это войско, привёл сюда, расставил полки, определил командирам и каждому воину цель? Кто он, где? Вот он стоит, не в пламенно-красном княжеском плаще, не в позолоченной, украшенной накладными бляхами из золота и серебра кольчуге, голову его не венчает сверкающий на солнце позолотой шлем. Простая воинская кольчуга облегает его могучие, необъятные плечи, простой шлем надет на голову, от всего княжеского ратного прибора при нём только его надёжный спутник, верный товарищ боёв и схваток, беспощадный булатный меч.

Решение встать в общий строй пришло внезапно. Когда войска сойдутся, всякие команды потеряют смысл. Ещё никогда на Руси не ополчалось столько воинов. А когда все они закричат, сам себя не услышишь. Его место тут, среди всех. Уповать остаётся на милость Божию, на стойкость ратников и воевод, да на мудрость ратоборца Боброка. Да чтоб рука не устала....

Кто-то вошёл в купе, громко заговорил, видение помутнело и исчезло.

Вагонная жизнь самовольно вломилась в мои думы пустыми разговорами, несносным вагонным радио, звяканьем чайных стаканов. И всё же успел я подумать, что в прежней России был хороший обычай добавлять к фамилии человека, совершившего великое дело, названием местности, где это произошло. Обычай хороший, да кто сейчас помнит, кроме преподавателей кафедр истории, что Г.А. Потёмкин ещё и князь Таврический, полководец И.И. Дибич именовался Забалканским, усмирителем поляков И.Ф. Паскевич — Эриванским и Варшавским, и даже народного любимца никто не величает Суворовым-Рымникским. А ведь были ещё: П.А. Румянцев-Задунайский, А.Г. Орлов-Чесменский, Н.Н. Муравьёв-Амурский и Н.Н. Муравьёв-Карский и много других славных сынов России.

И только два человека сохранили на века это почётное прибавление, только эти двое живут в душе народа как Александр Невский и Дмитрий Донской.

Я приехал в Вологду и сразу же пошёл в областную библиотеку. Я заново перечитал «Магеллана» С. Цвейга, пытаясь найти клочик к древности. Ведь век Дмитрия и век Фернана не так уж далеко отстоят на лестнице великих деяний, по которой прошло человечество. Я снова вникал в удивительную магию эпиграфа к «Магеллану»: *Navigare necesse est, vivere non est necesse...*¹

Я пустился в плавание по океану под именем XIV век, я открывал новые для себя острова и архипелаги, маяками, путеводными указателями в этом плавании были для меня наши великие русские историки С.М. Соловьёв и В.О. Ключевский, советские — М.Н. Тихомиров и Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков и В.В. Каргалов, В.А. Кучкин и И.Б. Греков. Я видел, как богата и как — увы! увы! — постыдно незнакома нам своя родная история.

Не раз я просыпался посреди ночи, и тот московский ужас опять окатывал меня, вновь немой вопрос «За что ты взялся?» вставал передо мной как огненные буквы.

Не раз я вспоминал бессмертное *Navigare necesse est...* и понимал, что изречение это приложимо к любой человеческой жизни. Долг перед Отечеством, перед народом превыше всего для каждого человека. Для писателя этот

¹ Гней Помпей должен был доставить суда с хлебом в Рим. В море разразилась буря. Кормчий боялся отправиться в опасное плавание. Тогда Помпей приказал ему плыть и сказал эти слова: «Плавать по морю необходимо, жить не так необходимо».

девиз я сформулировал так: «Книги писать необходимо» — далее по тексту.

Так кем же был этот герой, полководец, народный заступник, верный супруг и любящий отец? Как жил этот человек, лучи жизни которого освещают нам сквозь мрак веков нашу будничную, непамятливую к великим людям жизнь? Если «Христос и вчера и сегодня тот же» (Евр. 13: 8), так и святые Его живут среди нас, просто мы не помним (или плохо помним) о них, отгораживаемся делами, бесплодной суетой. А Дмитрий Донской, вроде бы странно даже говорить это, не только забыт, но и оболган. «Как это забыт, — возразят мне, — мы помним его, это он победил Мамая на Куликовом поле, это он...» И далее наступает молчание. Потому что на этом наши знания о Дмитрии Донском заканчиваются. Прямо скажем, не густо. А именно за этим человеком на Куликово поле пришла Русь, а с поля ушла Россия. Умытая кровью, израненная, стенающая, но Россия. Россия победившая, лиющаяся... Этот человек создал первый каменный Кремль, он дважды отстраивал Москву, своими свершениями он положил один из крепчайших краеугольных камней в прочный фундамент нашего государства, благодаря чему оно и стоит, как несокрушимый утёс, вопреки всем войнам и революциям.

Нам никогда не достичь вершин деяний благоверного князя, никогда не подняться на ту высоту, на которую поднялся он, но мы должны знать о нём больше трех-четырёх строчек в школьном учебнике. И не о нём одном, если мы хотим выжить и сохраниться как великий народ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО

Того же лета родися
князю Ивану Ивановичю сын Дмитрей,
месяца Октября в 12 день.
Никоновская летопись

12 октября 1350 года в Великом княжестве Московском произошло великое событие, впрочем, счастливо всколыхнувшее только одну семью. Тогда не было ещё ни газет, ни телеграфа, и по проводам во все концы России не побежали торопливые строчки о благополучном разрешении от бремени августейшей супруги Государя императора, великого князя Московского, Финляндского и прочее.

На дворе стоял не XIX железный век, когда все события, происходившие в царствующем доме (свадьбы, рождения, кончины), вскоре становились известными десяткам миллионов людей.

По правде говоря, и России как таковой ещё и не существовало. От Белого моря до причерноморских степей и от Пскова до Уральских предгорий разместилось несколько крупных русских княжеств, множество мелких и две республики. Этому лоскутному одеялу ещё только предстояло стать Россией.

Одним из тех, кто сделает для возникновения России необычайно много, был родившийся у звенигородского

князя Ивана Ивановича и супруги его княгини Александры Васильевны младенец. Его назвали в честь великого православного святого воина Дмитрия Солунского, в ту пору почитавшегося наравне с Георгием Победоносцем.

Святой воин Дмитрий Солунский особо прославился при отражении иноземных войск, напавших на его родной город Солунь (Фессалоники).

Младенец, лежавший в колыбельке в княжеском тереме, конечно, не знал, что в будущем и он станет великим князем, военачальником, полководцем, который посвятит свою недолгую жизнь борьбе с иноземным врагом, угнетавшим родную землю. Не знал он и того, что имя его станет символом воинской доблести и полководческого искусства русского народа. Его имя вспомнит в смертельный час опасности патриарший Местоблюститель митрополит Сергий, а 7 ноября 1941 года его имя назовёт глава государства, того государства, в котором долгое время слово «святой» бралось в кавычки.

Великая всенародная слава веет над уютной колыбелькой. Слава не фальшивая, купленная, слава-однодневка, а слава настоящая, заслуженная. Прочная, вековая.

Имя его со временем прозвучит на всю тогдашнюю Россию и ближнюю ойкумену. Более того, это имя будет звучать в России из века в век, оно станет одним из самых почитаемых русскими людьми имён.

Имя князя вспомнит в 1480 году его праправнук великий князь Иван III, давший на берегу Угры решительный отпор хану Ахмату, царь Иван Васильевич Грозный почти

через двести лет самого героического деяния князя назовёт его Донским.

Это имя будет парить орлом над победным русским воинством в последнем походе на Казань, оно незримо будет витать над ратями Минина и Пожарского, над полями Полтавы и Бородина.

А в 1980 году тысячи и тысячи людей сойдутся и сядутся на Куликово поле, чтобы помянуть снова и снова имя великого князя и полководца, шестьсот лет назад сделавшего первый шаг из неволи к свободе.

Когда-то, когда-то всё это будет!

А в октябре 1350 года ни отец, ни мать новорождённого дитя не могли и мечтать о какой-то всенародной, вселенской славе своего сына.

Неоткуда было ожидать её, эту славу. Ни с какой стороны не могла она светить младенцу. Ведь родилось возлюбленное чадо в семье третьего сына великого князя Ивана, прозванного Калитой.

Московским княжеством правил в ту пору старший сын Калиты Симеон. Иван же Иванович был всего-навсего удельным звенигородским князем. Доля отца ожидала и Дмитрия, обычная доля быть подручным у великого князя; верным, храбрым, исполнительным соратником, помощником. Но не более того.

Подробности раннего детства великого князя нам не известны. Как, впрочем, и многих великих людей. По ребёнку не видно, что растёт великий человек, и поэтому детство большинства таких людей остаётся в

небрежении у родителей и современников. С годами всё забывается, и от детства ребёнка у родителей и родственников остаются в памяти три-четыре переиначенных им на детский лад слова, два-три эпизода, не больше. Обычая вести дневники, хранить первые рисунки детей, их забавные милые каракульки, не было, поэтому нам остаётся довольствоваться словами безымянного автора «Слова о житии Димитрия Иоанновича, царя Руськаго»:

«Воспитан же он был в благочестии и славе, с наставлениями душеполезными».

Обычно литературоведы и специалисты по древнерусской литературе объясняют такие характеристики детства великих людей как элементарной нехваткой сведений о детских годах святых угодников, так и некоим трафаретом, который выработался у древних агиографов в процессе составления житий святых. Но отчего же не допустить другое: описания детства святых потому так схожи, что у святых было именно такое детство. Ведь у простых детей детство одинаково, где бы они ни жили — в Москве, в Вологде или во Владивостоке. Кто из детей не играл в прятки, в вершки, не гонял с друзьями мяч, не сражался на палках, не воровал яблоки в соседском саду. Но есть — их очень мало — серьёзные дети. Уже в детстве они ощущают в себе цель жизни, к чему следует идти и стремиться. Они пока не могут определённо уяснить себе эту цель, высказать её словами, но уже образом поведения отличаются от других детей, они не по возрасту задумчивы, сторонятся шумных и тем паче неприличных

забав. Да, таких детей мало, но святых ещё меньше, они большая редкость, как алмаз в глыбе породы. Думается, что и Дмитрий, предизбранный Богом для великой цели, был именно таким ребёнком.

Первое время младенец находился под присмотром дворовых няньшек, исправно рос, у него пошли зубки, в урочное время он сел, пошёл крепенькими ножонками, и, быть может, как это бывает в доброй семейной жизни, счастливые родители шли рядом с ним, вслух считая его первые шаги.

Дмитрию исполнилось два с половиной года, когда в жизни его произошла решительная перемена, коренным образом изменившая всю его жизнь, о которой он по малолетству своему, конечно, не догадывался.

В ту роковую для великого князя Симеона Гордого весну на Руси объявились моровое поветрие. Моровым поветрием, или наказанием Божиим, люди средневековой Руси называли эпидемию чумы. Эпидемии бывали столь опустошительны, что народ называл их повальным. Эти бедствия отмечены как в русских летописях, так и в хрониках западноевропейских государств. Случалось, вымирали целые селения. А города безлюдели чуть ли не на половину, а то и больше. Как нашествия кочевников, так и эпидемии чумы приходили на русскую землю из Азии. В проклятых Богом, выжженных зноем чёрных пустынях зарождались носители этой болезни. С кочующими в поисках пищи грызунами, с караванами купцов бесшумно и невидимо чума проникала в густонаселённые местности.

От морового поветрия не могли защитить ни бдительная стража, ни крепкие и высокие стены. Болезнь не щадила ни скромного жилище землепашца, ни княжеских хором. Равно умирали простые люди и знатные.

Как ни хранились, как ни береглись, отгораживаясь от поветрия строгими заставами, поветрие объявилось в Москве, и вскоре в Кремле послышались рыдания и плач. Один за другим умерли малолетние сыновья Симеона Иван и Семён. Старшему было три года, второму — год. Осиротел велиокняжеский терем. Где недавно звучали детский говор и смех, теперь царила тишина, прерываемая плачем великой княгини да чтением Псалтири у гробов навеки умолкших детей. Как напишет через 400 лет поэт Гаврила Державин:

Где стол был яств,
Там гроб стоит.

Не намного пережил детей и почерневший от горя отец. Болел великий князь недолго, и вот уже загудел на Кремлёвской звоннице похоронным звоном большой колокол, возвещая о его кончине.

Результатом этих смертей было не только то, что преклась мужская линия князя Симеона Ивановича, но и то, что младший брат его Иван Иванович по прозванию Красный нежданно-негаданно возвысился до великого князя Московского, а сын его Дмитрий стал наследником великокняжеского престола.

Семейство переехало из Звенигорода в Москву, которая отныне стала родным городом для мальчика.

На четвёртом году жизни, иногда чуть позднее, княжеских сыновей начинали готовить к основному призванию — быть воином.

Князь на Руси должен быть прежде всего бойцом, этому уделялось самое пристальное внимание, ведь умение владеть конём, биться на мечах, стрелять из лука, метать копьё, в рукопашной схватке владеть ножом, а при случае и биться на кулаках было жизненно необходимо.

В три года княжича посадили на коня. Тогда же ему был дан в учителя кормилицич, так называли опытного дружииника, который должен был воспитать из князя воина.

Обучение было не только индивидуальным. После учёбы с кормилицичем княжич участвовал в учебных поединках. В Западной Европе для этой цели служили рыцарские турниры. Нечто подобное было и в средневековой Руси, только такие турниры именовались «игрушкой». На игрушках чаще всего бились не только учебным, но и боевым оружием. Бывали и смертельные случаи. В 1390 году на игрушке погиб кормилицич великого князя Василия Дмитриевича литовский князь Остей.

Вместе с княжичем учился ратному делу его двоюродный брат князь Владимир Андреевич. Он будет спутником Дмитрия Ивановича в военных походах, командиром Засадного полка на Куликовом поле, будет служить великому князю верой и правдой. И переживёт его на 21 год.

Княжича учили не только оружейному и кулачному бою, но и грамоте. Правда, в летописях то ли с сожалением, то ли с укоризной сообщается, что книжной грамоте князь Дмитрий Иванович был не научен.

Слово летописцу: «Аще и книгам неучен беаше добре, но духовныя книги в сердце своем имяше». (Соловьёв, 297.)

Некоторые историки трактуют этот факт как показатель неграмотности великого князя. Историк В.А. Кучкин пишет вполне определенно: «...который, увы, не умел ни читать, ни писать». (Кучкин, 73.)

Это недоразумение. Можно быть грамотным, но не владеть письменной речью. Много ли среди государственных деятелей писателей? Раз-два и обчёлся.

В самом деле, мы можем допустить, что великий князь диктует что-либо писцу. Но великий князь, не умеющий читать, — это немыслимо для того времени. Известно, что помимо обычной переписки в государстве существует переписка секретная. И что же, великий князь должен иметь рядом с собой особо доверенного человека, без которого шагу ступить не может? Это, конечно, невероятно. Кроме того, бывают также послания сугубо личные, конфиденциальные, о содержании которых не должен знать никто, кроме адресата. А как же князь напишет или прочтёт их, будучи неграмотным?

Раскопки в Новгороде, проводимые В.Л. Яниным, показывают высокую степень грамотности среди простых новгородских горожан (самые ранние находки датируются XI веком). И что же, Дмитрий Донской был менее грамотным, чем простой новгородский мальчишка?

Старший сын великого князя должен был владеть ещё второй «профессией» — быть правителем. Но этой профессии не научишь. Мудрым правителем, достойным сыном Родины и Церкви, заботливым и взыскательным отцом своим подданным, беспощадным и жестоким к врагам воющим и милосердным к врагам поверженным, научиться нельзя, таким правителем нужно родиться.

Дмитрий Иванович Донской, как мы знаем, родился таким правителем.

Если семья живёт доброй, благочестивой жизнью, если родители нелицемерно любят друг друга и детей, то добрые, полезные впечатления отзываются во взрослой жизни. В 1358 году на Русь приехал татарский посол Мамат-хожадля размежевания земель между Московским и Рязанским княжествами и послал об этом известие великому князю Ивану Ивановичу. Но великий князь не пустил татарского посла в своё княжество. В чём это выразилось, в письменном послании или в устном ответе, переданном через гонца, мы не знаем, но это был первый случай открытого, гласного неповиновения ханскому послу, а в его лице и самому хану. Великого князя Ивана Ивановича летописи характеризуют как тихого, кроткого. Видимо, летописцы не до конца распознали характер князя. Конечно, об этом произшествии шли разговоры в велиокняжеском тереме, и мальчик Дмитрий запомнил поступок отца.

Дмитрию исполнилось девять лет, когда в его жизни произошло второе, самое важное событие, перевернувшее всю его жизнь.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ

В лето 6867. Преставися благоверный,
и христолюбивый, и кроткий, и тихий, князь велики
Иван Иванович во иноцах и в схиме...
Никоновская летопись

13 ноября 1359 года в возрасте 33 лет в Бозе² почил,
оплакиваемый женой, детьми, родственниками и бояра-
ми, великий князь Московский Иван Иванович Красный
и великим князем стал девятилетний Дмитрий.

Последняя, предсмертная просьба умирающего князя
была обращена к митрополиту Алексию: не оставить святы-
тельским попечением княжеских сыновей Дмитрия и Ива-
на, особливо Дмитрия, перенявшего отцовскую власть.

В русской истории дети такого возраста не часто ста-
новились правителями государства. Первый, кто вспоми-
нается, — царь Иван Васильевич IV, более известный как
Иван Грозный. К нему власть перешла, когда ему было
всего три года.

В Англии, когда умирал король, на улицах и площадях
Лондона родовитая знать и простой люд кричали: *Le roi
est mort — vive le roi!*³

² В Бозе, т. е. в Боге. Тут чередование согласных «г» и «з» в древне-
русском языке.

³ Король умер — да здравствует король!

На Руси обходились без наигранной театральщины и неуместной торжественности: человек же умер, чему тут радоваться и что праздновать? В Москве всё происходило естественнее и проще. Усопшего великого князя отпели, тело опустили в могилу, напутствуя «вечной памятью», о здравии нового великого князя совершили молебен и велигласно провозгласили ему многолетие. Новому великому князю **всего** лишь месяц назад исполнилось девять лет.

В эти дни закончилось детство Дмитрия Ивановича, а оно, конечно, было. Как ни серьёзны бывают иные дети для своего возраста, но игрушки (деревянная лошадка, игрушечная сабелька) сопутствуют им в этот светлый и беззаботный период жизни.

Началась взрослая жизнь. К одной стороне этой жизни Дмитрий был подготовлен основательно, он совершенно свободно держался в седле, рубил детским мечом, без промаха посыпал стрелы из детского лука в цель — уроки кормилицы не пропали даром. Теперь нужно было учиться быть правителем.

Первым наставником и советчиком был отец, однако он не успел многое передать сыну. Теперь в науке правления мальчика-князя наставляли родной дядя Василий Вельяминов, митрополит Алексий, бояре, которые искренне любили молодого князя и желали помочь ему добрым советом, не рассчитывая на почести и награды.

До нас не дошли географические карты той поры, но они, вероятно, были: если Мамат-хожа приезжал для размежевания, то помимо описания местностей могли,

видимо, существовать и какие-то карты в виде простейших схем, кроков. По ним и объясняли Дмитрию границы его княжества, соседних княжеств: Владимирского, Нижегородского, Тверского, Рязанского, Белозерского, земли Великого Новгорода.

Ему сообщали, какое княжество чем богато в особенности, называли князей, стоявших во главе, их родственников, воевод. Необходимо было запомнить также родню и свойственников своей великокняжеской семьи. Не приведи Господь при встрече, в разговоре забыть или перепутать чьё-нибудь имя или отчество! Твою забывчивость могут истолковать как намеренное оскорбление, пренебрежение. Не следует говорить сразу того, что думаешь ни знакомому, ни родному, а тем паче чужому человеку. Опасайся доверять людям, в которых сомневаешься. Доверчивый человек, раскрыв свою душу перед лукавым человеком, может нанести вред только самому себе, в случае же неразумной доверчивости князя пострадает всё княжество. Доверчивый человек подобен городу без стен и ворот: кто угодно зайдёт в него и возьмёт без спроса, что захочет. Когда разговариваешь с врагом, нельзя верить его посулам и обещаниям. Его задача — обмануть тебя, твоя — не поддаться на обман. Не давай обещаний, если ты не уверен, что исполнишь их. В противном случае люди станут избегать тебя. Но на все случаи жизни советы дать невозможно. Нужно наблюдать за людьми, изучать их, наблюдать, как они говорят, поступают, благое, полезное перенимать, а дурное отвергать.

Прошлазима, первая без отца, миновал Великий пост. После Светлой седмицы стали готовиться в дорогу. Путь предстоял неблизкий и непростой.

Под конец жизни Дмитрий Иванович установит порядок, по которому ярлык на великое княжение будет передаваться в роду московских князей по наследству, станет как бы собственностью Москвы. А нынче надо ехать в Орду, просить, улещать, задаривать хана подношениями, чтобы получить ярлык.

Решение о поездке в Орду Дмитрий принял не сам: за девятилетнего князя пока решали взрослые, святитель Алексий, Василий Васильевич Вельяминов.

Наконец, закончены дорожные хлопоты, отслужен путевой молебен у гробницы святителя Петра, святитель Алексий благословил всех, окропил святой водой и... прощайте московские холмы, соборы и церкви, велико-княжеский терем.

Едва ли не вся Москва вышла провождать молодого князя. Люди стояли густыми рядами вдоль княжеского пути. Дмитрий видел плачущих крестящихся женщин, суровые лица мужчин, неугомонных и тут затеявших шумливую возню мальчишек, своих ровесников. Вскоре, повзрослев, князь поймёт, что власть его крепка не только правом рождения, сильна не только дружиной, но и любовью народной. Кого народ любит, признаёт своим вождём, за ним он и на смерть пойдёт, и готов будет стерпеть всё, даже несправедливость и жестокость, если он чувствует: не для себя князь живёт, для всех.

Так Дмитрий Иванович отправился в первое в своей жизни дальнее путешествие, ехал не просто так, на прогулку, а вести государственное дело. Конечно, ехал он не один, рядом с ним ближние бояре, неленостные заботники и мудрые советчики, и большой конный отряд.

Из Москвы ехали верхом на конях. Достигнув Оки, простились с провожавшим их митрополитом Алексием, пересели на струги и поплыли по Волге. Река была широкая, не в пример реке Москве. Словно по оживлённой дороге повозки, по реке вверх и вниз плыли ладьи, струги, насады, лодки и лодчонки на вёслах, под парусами. Дмитрий целыми днями не уходил с палубы, столько всего нового открывалось перед ним.

Душу его захватывала необъятная речная ширь: чем ниже спускались суда по реке, тем шире и раздольнее становилась она. Ему нравились свежий влажный запах большой реки, шелест воды, когда ладья идёт под парусом. Приятно и радостно было слушать скрип уключин и видеть мощные равномерные взмахи, когда ладья пла на вёслах. Ладья плыла уже не по русским землям, это были владения Орды. И с каждым днём, с каждым часом приближался таинственный город Сарай, в котором обитает грозный повелитель — хан, владыка жизни всех, кто плывёт с ним, да и его самого.

Тысяцкий Василий Вельяминов пояснил, что Сарай в переводе на русский означает «дворец».

По Волге плыли долго. Дни утекали за корму один за другим. Каждый день был занят занятиями: Дмитрий читал книги, которые дал ему в дорогу святитель Алексий,

доверенные бояре наставляли мальчика, как вести себя при ханском дворе.

Наконец, ладья стукнулась бортом о причал.

Сарай оказался большим, шумным, неопрятным городом. Посреди множества разнородных построек возвышалась, крытая осиновым лемехом, главка церкви. Благоверный князь Александр Невский выговорил ещё у Батыя право русских, вольно или невольно проживавших в Сарае, иметь православный храм.

Весть о прибытии русского посольства огнём полыхнула по Сараю. Отовсюду к княжеской процессии сбегались русские люди, измощдённые, в лохмотьях. Были здесь ремесленники, приехавшие на заработки, были невольники, несмотря на угрозу свирепого наказания сбежавшие с хозяйского двора, чтобы взглянуть на своих земляков, были здесь и люди, родившиеся в Сарае и никогда не видевшие русской земли, но слышавшие о ней от невольницы-матери. Некогда угнанные татарами в плен, их матери теперь рабствовали вдалеке от Родины.

Отдельным кружком стояли кугцы. В добрых кафтанах, с ножами у поясов, они чинно кланялись князю.

Миновала неделя, прежде чем хан Науруз принял московское посольство. Это расценивалось как милость (а Мамай позднее примет Дмитрия в день приезда). Обычно хан выдерживал послов месяц, а то и долье.

Грозный владыка, сидевший на ковровом возвышении у задней стенки шатра, оказался маленьkim черноусым человечком с жидкой козлиной бородёнкой.

Дмитрий заметил, что, как только они вошли во дворец, с его спутниками случилась странная перемена, у них округлились спины, точно все они вдруг стали сутулыми, они заговорили какими-то ненатуральными голосами, голоса зазвучали глаже, и в них появилась угодливая сладость. Но его потрясло до глубины души, что едва они переступили порог шатра, где, скрестив ноги, восседал хан, его степенные бояре, которых после отца и матери он любил своим горячим мальчишеским сердцем сильнее прочих людей, вдруг все, даже самые старые и почтенные, которых он видел на коленях только в церкви, вдруг бухнулись на колени. Мало того, так, на коленях, они поклоняли через весь шатёр к хану. Что было делать ему? Вместе со всеми и он вынужден был проделать то же самое.

Затем хан позволил всем стать. Начался приём даров. Бояре передавали тысяцкому Василию Вельяминову, а он вручал хану слитки серебра, связки соболиных и беличьих шкурок, моржовые клыки, добытые у Студёного моря, одежды, шитые золотом и жемчугом (подарок жене хана и его дочерям), богато отделанное оружие. На улице перед шатрами стояли поезда из телег с зерном, сушёной и солёной рыбой, грибами, ягодами, бочонками мёда, пива, медовухи, это не заносили в шатёр, а только передали список. Подарки принимал не сам хан, а стоявший возле него татарин. Хан только кивал с таким скучающим видом, будто всё поднесённое было сущей безделицей, не заслуживающей большого внимания. А сколько было

разговоров, даже споров в Москве об этих подарках: понравится это хану или нет, соизволит ли он принять их или с презрением бросит в лицо послам и, затопав ногами, прикажет вышвырнуть их из шатра?

Ещё не овладев наукой не выдавать своих чувств, Дмитрий готов был выкрикнуть хану слова упрёка, негодования, но, предупреждённый в Москве, что говорить нельзя, пока хан сам не спросит, молчал.

Дмитрий не мог прочесть следующих строк иностранного путешественника Карпини: «Они посылают также за государями земель, чтобы те явились к ним без промедления, а когда они придут, то не получают никакого должного почёта, а считаются наряду с другими презреными личностями». (Чивилихин, 644.)

Если бы Дмитрий прочёл эти строки, ему бы стало понятно поведение хана.

Но и это было ещё не всё. Ежедневно в шатёр великого князя являлись спрашивать о его здоровье ханши, и каждую нужно было одарить, чтобы не ушла с пустыми руками. Дмитрий понимал, что это вымогательство подарков, но поделать ничего было нельзя, таков был обычай. А не дашь, не избежать ханского гнева.

Проездились, истратились, претерпели унижения, насмешки, а поездка оказалась бесплодной. Несмотря на обилие даров, несмотря на умные речи бояр, хан дал ярлык на великое Владимирское княжение князю Андрею Суздальскому. Не приглянулся ему великий князь Московский. «Слишком юн», — сказал хан.

Да и сузальские дары оказались, должно быть, весомее московских.

Поездка оказалась бесплодной, но небесполезной. Чрезвычайно много дала она молодому великому князю. До неё его кругозор был ограничен Москвой, её окрестностями. Теперь он увидел просторы русской равнины, увидел другие города, населённые иными народами. И главное, увидел воочию, лицом к лицу врага, того, кто угнетает его родную землю, кто творит грабежи и убийства, уводит в рабство русских людей.

Когда в душе Дмитрия зародилась мысль о том, что так дальше жить нельзя? Пора, пора подняться и прогнать захватчиков с русской земли. Быть может, впервые это семечко поселялось в раннем детстве, когда перед ним только-только раскрывался во всей своей красе мир Божий? Когда вместе с материнской и отцовской лаской, со сказками нянек, с рассветом над родным городом в душу вдруг вошло чужое колючес слово «татары». Все произносили это слово с опаской, чувствовалось в этом слове что-то нехорошее, тайное, злое. Сказал ли ему об этом слове святитель Алексий, которого он за длинную седую бороду, за строгий голос, но добрые глаза в малолетстве звал дедушкой. Родного дедушку Дмитрий не видел, он умер за десять лет до его рождения. Или, быть может, кормиличич поведал ему о разграблении Рязани и Киева, о тысячах убитых русских воинов, о тысячах увёдённых в плен, о жестоких врагах, не знающих милости ни к старым, ни к малым. Или всего сильней поразила его пере-

мена с **его спутниками**, когда они предстали перед ханом. Или **когда он увидел в Сарае своих земляков**, соотчичей, которых ему было нестерпимо жаль, но которым он **бес-силен был чем-либо помочь...**

Многие важнейшие решения принимаются в детстве. Потом мы о них забываем, но они живут в душе и действуют, как скрытая сила.

Вернувшись в Москву, стали готовиться к поездке на следующий год.

В **этой настойчивости**, стремлении получить ярлык было **много причин**. Проще всего объяснить стремление **получить ярлык патриотическими государственными** **помыслами окружения князя Дмитрия**. Однако всё было проще. Для бояр это было обычное стремление не отдавать того, что уже было у них и что они считали своим по праву. Ведь у какого князя ярлык на великое княжение, у того и больше власти. И больше богатства. Не нужно идеализировать предков, ими могли двигать вполне обычные человеческие мотивы. Времена меняются, но притягательность власти и мест возле носителя власти остаётся прежней. Мысль о собирании земель вокруг Московского княжества как средства окрепнуть силой и освободиться от иноземного ига **ещё не вполне отпечаталась в сознании** **многих современников князя**. Это показали позднее события 1382 года, когда не то что у **Бояр, у князей**, с кем он **бился на Куликовом поле**, **Дмитрий Иванович не нашёл понимания**. Единственный, кто действовал сознательно в общегосударствен-

ном смысле и мог предвидеть будущее, был митрополит Алексий.

Церковь была и остаётся до сего дня единственным общественным институтом, который при любых потрясениях, при любых поворотах судьбы всегда однозначно стоит на страже Русского государства и народа. Это единственный государственный институт, который не ищет корысти именно для себя и, хотя обладает значительным имущественным потенциалом (за что Церковь не раз была осуждена и оклеветана), богатеет не для себя, а для государства⁴. Царство её, как тела Господня, не от мира сего, но поскольку живёт она в миру, то миром и питается и живёт. Могут быть у Церкви несогласия, противоречия с мирской властью, но она единственная или громогласная (во времена патриарха Гермогена), или молчащая (в советские времена) заступница за народ.

Поэтому боярами могли двигать свои мотивы, святителем Алексием свои, но так или иначе, а весной следующего 1361 года, повзрослевший на год князь Дмитрий снова ехал верхом до Оки, затем плыл по Волге и прибыл в Сарай.

⁴ Приведу сведения только о Троице-Сергиевой лавре. В трудные для Отечества годы лавра открывала свою казну, помогая государству. Первый заем взял Борис Годунов (15 440 руб.). Обращался туда и Василий Шуйский (20 255 руб.). Большую финансовую помощь оказала лавра Петру I, сильно нуждавшемуся в деньгах вследствие Северной войны и неудачного Прутского похода. Он взял в лавре около 400 тысяч.

В «грозу двенадцатого года» Сергиева обитель выделила государству 70 тысяч рублей ассигнациями, 2500 рублей серебром и 5 пудов серебра. Не стояла она в стороне от общей борьбы и в Русско-турецкую войну 1877—1878 гг., пожертвовав 50 тысяч рублей.

Если в прошлый раз посольство вернулось ни с чем, но, по крайней мере, пребывание его в Орде не было ничем омрачено, ничто не угрожало жизням послов, то в этот раз общее желание было одно: дай бог унести подобру-поздорову ноги. В Орде случилась «замятня», или прощё — очередная резня, когда в борьбе за власть один хан резал другого и всех его родственников и близёных. Русское посольство очутилось в Сарае как раз в разгар этой резни.

Вот что писал об этом историк С.М. Соловьёв: «Но Москва не думала уступать. Бояре её, привыкшие быть боярами сильнейших князей, князей всея Руси, не хотели сойти на низшую ступень и начали стараться добыть ярлык своему князю. Малютка Дмитрий отправился в Орду; но там ничего нельзя было добиться при сильной смуте, когда один хан сменял другого: Неврус был убит...Хидырем, Хидырь был убит сыном своим Темир-Ходжею; наконец, Орда разделилась между двумя ханами: Абдулом, именем которого правил сильный темник Мамай, и Мюридом. Московские бояре отправили послов последнему и он дал ярлык малолетнему их князю...» (Соловьёв, 255.)

И только с третьей попытки князь Московский Дмитрий получил ярлык на великое княжение. Причём в третью путешествие его не отправили, поостереглись, а то опять начнётся в Орде заваруха.

Мы не знаем, как выглядел обряд венчания на великое княжение Владимирское. Письменных свидетельств

не сохранилось. Псковская летопись, повествуя о князе Довмонте, пишет, что он в храме был торжественно препоясан мечом. Видимо, этот обряд был совершён и с Дмитрием. Это произошло летом 1362 года.

Исследователи много писали о собирательской деятельности великих князей Московских. Но Даниил Александрович и Иван Данилович собирали земли, как копит и приумножает свой капиталец крепенький хозяин. Он не прочь прижать, а то и придушить соперника-конкурента, чтобы завладеть его добром: землями, крестьянами и присоединить к своему. Но это был, скорее всего, хватательный рефлекс собственника. О деятельности Симеона Ивановича и Ивана Ивановича ничего сказать нельзя. Они не успели предпринять что-то крупное, большое.

Но в деятельности Дмитрия Ивановича уже виден не только собственник-феодал, в его делах заметна высокая цель, задача, программа, которую он обдумал и которую воплощал всю свою жизнь. Он не просто увеличивал, расширял княжество, разживался землями и крестьянами, но приращивал княжество и людей для того, чтобы освободиться от хана, чтобы власть над родной землёй была не в чужих, загребущих жирных руках, а в своих.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ГОРЬКОЕ НАСЛЕДСТВО

Закат в крови! Из сердца кровь струится!

Плачь, сердце, плачь...

А.А. Блок

Заполучив великокняжеский ярлык, Дмитрий Иванович вступил в права наследства. Не имущественного, доставшегося ему от отца, а государственного.

Горькое и тяжкое, пропитанное слезами женщин и детей, истерзанных, уводимых в плен; напоенное кровью бойцов, насмерть бившихся на крепостных стенах; озарённое пламенем взятых и разграбленных степными хищниками городов досталось ему наследство.

Чтобы понять это, перелистаем в книге истории нашего народа несколько страниц назад.

Когда в 1246 году нунций папы римского Плano Карпини путешествовал в Каракорум, проезжая южной украиной русских земель, некогда могущественного и процветавшего Киевского княжества, он всюду видел вдоль дороги человеческие черепа и останки скелетов. Для Карпини не было секретом, чьих рук это дело, и, как знать, может быть, в его голове возникали холодящие спину мысли, что вот такие же черепов и костей могли лежать в окрестностях Рима и Парижа, Амстердама и Льежа...

Хотя как знать, может быть, ничего подобного он вовсе и не думал, ведь европейцы народ своеобразный, у них к Руси и русскому народу своё отношение.

Однако вот что писал нунций: «Я увидел там несколько городов, разрушенных татарами, величие и богатство которых неоценимы. Я видел некоторые из них за три дня пути и несколько удивительных гор, состоящих из груды костей тех, кого умертили татары». (Кучкин, 3, 17.)

«И в Средней Азии, и полях под Киевом даже спустя несколько лет после завоевательных походов продолжали белеть кости загубленных ими людей, — пишет современный историк». (Кучкин, 3,17.)

Для Руси беда постучалась в ворота весной 1223 года. До русских князей доходили слухи о появившемся на востоке свирепом народе, которого победить невозможно, так он многочислен и храбр. Нет такого города, который бы устоял перед ним. Захватив город, эти люди истребляют всех: женщин, детей, старииков, лишь малую часть населения уводят в плен. Русские князья, воевавшие с половцами и печенегами, не верили: как это так, женщин и детей?⁵

Князья готовились к войне с незнакомым народом, ожидая, что встретятся с кем-то вроде половцев. Но это был враг более многочисленный, более жестокий и, главное, имевший громадный боевой опыт маневрирования

⁵ Эта черта русского национального характера прослеживается через века. Участник Гражданской войны, белогвардейский генерал с изысканным презрением говорил: «С бабами и детьми не воевал».

конными массами, накопленный в походах по Средней Азии и Закавказью. Русские княжества оказались в том положении, в каком оказалась Красная армия летом 1941 года. Он встретились с врагом, имевшим бесценный полугорагодовой опыт войны в Европе. Войне не научившись в военных училищах, академиях и на манёврах. Войне учатся на самой войне. У Красной армии было время для такой учёбы, у русских князей этого времени не оказалось.

Первая битва на Калке (31 мая 1223 г.) показала боевое превосходство татар, а также их подлость и коварство. Одолев русское войско в поле, монголы осадили лагерь, в котором укрылся с войском князь Мстислав, не участвовавший в битве. Три дня штурма не дали результата. Осадных орудий у захватчиков с собой, видимо, не было, и они дали слово князю, что, если тот сдастся, его войско беспрепятственно пропустят в Киев. Князь Мстислав, к великой печали, не знал, чего стоит монгольское слово, и сложил оружие. Все пленные до единого человека были уничтожены, а двенадцать русских князей умертили особо изощрённым способом. Их повалили на землю, настелили сверху помост из досок, и под хрипы раздавленных князей монголы отпраздновали очередную победу.

Г.Е. Грум-Гржимайло писал: «История показывает, что монголы не придавали большого значения договорам и вообще не стеснялись нарушать своё слово, данное врагу даже при самой торжественной обстановке». (Чивилихин, 633.)

А ведь ещё римский полководец Ю. Цезарь предсторегал: «Разве не верх легкомыслия и позора принимать ответственные решения по совету врага». (Цезарь, кн. 1, 96.)

Битва на Калке, применяя современный термин, была только глубокой разведкой боем. И силы монголов были невелики, всего три тумена. Справедливости ради надо заметить, что победа далась монголам дорогой ценой, они понесли ощутимые потери.

Монголы ушли, чтобы вернуться и учинить погром русской земли.

Следует разочаровать тех, кто полагает, что наше поражение было предопределено раздробленностью Руси и как следствие трудностью объединения всех княжеских дружин под единым командованием. А вот если бы все князья объединились, тогда... Тогда только бы удлинились сроки татарского похода, и ничего иного, так же пылали бы города, так же голосили бы матери и жёны, так же кричали бы и гибли в огне и под копытами коней дети. Монголы были просто сильнее. Сильнее во много раз. В это время нередки были княжеские дружины, насчитывающие до трёх тысяч человек пеших и трехсот конных, в то время как у Батыя, когда он вторгся на Русь, под командой было несколько туменов, каждый по 10 тысяч всадников. И главное преимущество монголов заключалось в том, что у них существовала постоянная армия. Монголам не нужно было к каждой битве собирать ополчение из дружин. У них под рукой была наготове 100—150-тысячная,

мобилизованная, сколоченная, действовавшая как единое целое армия. Пока князья осаждённых городов посыпали в окрестные княжества гонцов с мольбами о помощи, у городских стен уже стояло громадное войско со стенобитными орудиями и метательными машинами.

Большое, если не сказать подавляющее по численности, превосходство монголов доказывается их приёмом непрерывного, круглосуточного штурма. В начале штурма, при первом приступе, на городские стены посыпалось равное количеству защитников.

На смену первой волне атакующих следовала вторая, а первая отводилась на отдых. На смену второй волне приходила третья, а если была возможность, то и четвёртая, и пятая. И когда на штурм снова шла отдохнувшая первая волна, то защитники города были уже по большей части перебиты, да и просто находились в крайнем изнеможении.

Следовательно, когда монголы приступали к городу, у них было по меньшей мере четырёх-пятикратное превосходство над защитниками. То же наблюдалось и в полевых сражениях. Историки пишут, что монголы избегали боя, если не имели численного преимущества. Это отнюдь не говорит о них как о плохих воинах. Сам Наполеон как-то заметил, что Победа любит большие батальоны.

Но зачастую превосходство монголов было столь велико, что храбрость, воинское умение и жертвенность русских воинов мало что могли решить.

Войско, по численности подобное монгольскому, у нас появилось впервые в 1380 году, но после битвы оно

разошлось по княжествам, и в 1382 году не было готового войска, чтобы дать отпор врагу, его нужно было собрать. Тохтамыш ждать этого, естественно, не стал.

Такого огромного войска, нелишне сказать, не было в ту историческую эпоху ни у одного из европейских королей, как бы они себя ни именовали, великими или значились под порядковыми номерами.

Нет необходимости подробно описывать поход Батыя (1237—1241), о нём говорится в школьных учебниках. Пали Рязань, Владимир, Ростов, Кострома, Москва, Ярославль, Устюг... Летописец приводит названия около ста русских городов, обращённых в развалины. Постигла участь быть взятым и разграбленным и мать городов русских — Киев. Завоеватели оставили нетронутым Новгород, Псков и северную часть России.

При взятии городов татары проявляли неслыханную и непостижимую для русских православных людей жестокость.

Слово летописцу: «Великую княжну Агриппину, матери великого князя, з снохами и с прочими княгинями мечи иссекоша, а епископа и священнический чин огню предаша, во святой церкви пожегоша, а инеи многи от оружия падоша, а во граде многих людей, и жены, и дети мечи иссекоша, и иных в реце потопиша; иереи, черноризца до останка иссекоша, и весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство рязанское и сродник их, киевское и черниговское, поимаша, а храмы Божия разориша, и во святых олтарях много крови пролияша».

Летописец, щадя нравственное чувство читателя, умалчивает о самом ужасном, что было страшнее смерти в бою. По военным установлениям Орды воин во время штурма под страхом немедленной смертной казни не имел права взять какую-либо вещь или грабить мирных жителей, он обязан был исполнять главную задачу — уничтожать защитников. После того как сопротивление было полностью подавлено, город отдавался на трое суток в безнаказанное владение воинов. Осатаневшие степняки врывались в уцелевшие дома, набрасываясь на женщин, девушек и девочек. Трудно представить, что творилось... нет, не будем даже представлять.

Но, может быть, монголы так зверствовали только на Руси, есть же историки, которые из кожи вон лезут, изображая их благородными, имевшими своеобразный кодекс чести воинами. Обратимся к истории Ирана.

«Когда город удавалось взять только штурмом или если в уже покорившемся городе вспыхивало восстание, как было в Герате в 1221 г.⁶, монгольские полководцы производили всеобщую резню. Выгнанных в поле горожан, делили между воинами, которые должны были перебить доставшихся на их долю людей “топорами, кирками, саблями, булавами”. Всеобщая резня, согласно источникам, была произведена в Мерве, Балхе, Герате... Хамадане, Мараге, Ардебиле... После резни пленных писцов заставляли подсчитать число убитых. По словам историка

⁶ За два года до Калки.

Джувеини, в Мерве под счётом убитых продолжался 13 дней». (История Ирана, 149.)

Помимо обычной массовой резни непокорных, монголы были своего рода художниками, даже артистами в изобретении разных видов смертной казни. Казалось бы, что за смертная казнь, если человека бьют пяткой по груди. Но бьют-то против сердца, тем самым вызывая обширный инфаркт. Люди, страдающие сердечными приступами, поймут, в каких мучениях умирал казненный⁷.

Разграбив южную часть Руси, монголы пошли в Европу, разбили в сражениях поляков и венгров, крайней точкой их продвижения было Адриатическое море, они дошли до Сплита. Но как ни победоносна была монгольская конница, потери были неизбежны и при штурме городов, и в полевых сражениях. Пополнять свои войска населением оккупированных территорий монголы стали позже, а сейчас были вынуждены вернуться.

Впрочем, в последнее время появилось мнение (Денисов), что нашествие монголов на Русь было (разумеется, за хорошую мзду) направлено папой римским и рыцарскими орденами, враждебными Руси. Таким образом, сражения татар с венграми и поляками были всего лишь демонстрацией своей силы. Монголы непременно добивались своего, возвращаясь туда, где потерпели неудачу, отходили и возвращались с новыми силами. В этот раз они разбили врага и должны были вернуться, чтобы закончить начатое.

⁷ Так был казнён 67-летний черниговский князь Михаил.

Но они не вернулись, а, согласно договорённости, ушли из Европы. В этом случае приходится отказаться от ласкающей наше национальное самолюбие версии, что Русь закрыла собой Европу, но как быть, если и на самом деле обстояло именно так?

Больше монголы не появлялись в Европе. На Руси установилось татаро-монгольское иго. Как английские колонизаторы, захватив Индию, управляли ею, насадив свою администрацию⁸, так и монголы учредили порядок использования территорий. Всё население было обложено налогом (данью), который собирали ханские чиновники — баскаки.

«Огромные материальные ценности извлекались в виде различных ордынских «даней», что подрывало и без того ослабленную экономику страны. Завоеватели создали целую систему ограбления покорённых народов. Много видов ордынских «даней», различных «тягостей» опутывали русские земли. Центральное место среди них занимала «царева дань», называемая также «дань десятинная»...или просто «десятина». Дань являлась постоянным налогом, собиравшимся с городского и сельского населения... Единицей обложения при сборе стало

⁸ Встречается точка зрения, что завоевание татарами Руси не повлекло сразу обложение её данью. Во-первых, сначала татары довольствовались повсеместным грабежом. Во-вторых, англичане тоже не сразу стали обирайть захваченные индийские территории. Решающие битвы, в которых англичане разбили индусов, произошли при Плесси (1757) и Буксаре (1764). А первый акт об управлении английскими владениями в Индии был принят в 1773 г. (СИЭ. Т. 5. С. 860—861).

хозяйство (в городе дом, в сельских местностях — соха или деревня). (Каргалов, № 4, 123.)

И если бы дань взималась единовременно и только, как говорится, чистой монетой. Доктор исторических наук В.В. Каргалов учёл все тяготы, что брала паразитическая верхушка Золотой Орды во второй половине XIII века. Кроме поплужного (по рублю с двух сох) были ещё: ям, тамга, мыт, разного рода дары и почестья, пошлины, поминки... выездное, мимоезжее, ловитва и просто ничем не мотивированное вымогательство ценностей, а общим числом четырнадцать разновидностей поборов! Отдельно собирались пошлины для хана, ханши, родственников хана и ханши... Существовали... нерегулярные, чрезвычайные налоги. К их числу относились «запросы», т. е. единовременные требования монголо-татарских ханов о выплате крупных сумм, сверх установленной дани, на военные расходы и другие цели. Эти «запросы» иногда бывали настолько крупными, что буквально разоряли население. Например, в Волжской Болгарии один из «запросов» привёл к тому, что жители были вынуждены продавать в рабство своих детей». (Чивилихин, 653.)

А вот весточка с другого конца света, опять из Ирана. «Одной из причин экономического упадка в XIII в. была налоговая политика монгольских завоевателей. Наряду со старыми налогами монголы ввели новые... подать — купчур. С кочевников это была подать с поголовья скота... купчур с оседлых районов была подушной податью с мужчин.

... Кроме купчера... взималось ещё более двух десятков податей: сборы для содержания разных чинов и оплаты их разъездов, подать с садов и др. Не менее тяжёлой была и посторонняя повинность — обязанность крестьян и горожан принимать к себе в дом на посторонний эмиров, военных и гражданских чинов с их челядью, грабившей ичинившей насилия над домохозяевами... Тяжела была и ямская повинность — поставка верховых и вьючных животных для почтовых станций. Введённый монголами налог с ремесла и торговли — тамга, составлял... 10% стоимости каждой оптовой и розничной торговой сделки... Нередко случалось, что финансовые чиновники, растратив собранные податные суммы, одни и те же подати взимали с райятов по 2—3 раза в год». (История Ирана, 153.)

Первоначально дань на Руси собирали баскаки, чиновники, посыпаемые ханом, нечто вроде евангельских мытарей. Вели они себя, как ведут обычно захватчики: брали больше, чем положено, не отказывая себе ни в чём. Могли взять понравившегося коня, девушку.

В Великом Устюге жил баскак по имени Буга, грубый самодур. Воспылав похотью к девушке Марии, он похитил её из родительского дома и сделал своей наложницей. Устюжане взбунтовались: ладно нас грабит, так ещё и детей наших на потеху к себе забирает. У ворот дома Буги собралась толпа, жаждавшая расправы. От неминуемой смерти Бугу спасло решение креститься и жениться на Марии. Крещение он принял по нужде, но неслучайно говорится: «Свет Христов просвещает всех». Буга, в

крещении Иоанн, стал примерным христианином и за богоугодную, праведную жизнь был прославлен в лике святых.

Это редкий, мирный, бескровный, даже можно сказать, идиллический случай. Чаще всё заканчивалось иначе. Горожане восставали, убивали баскаков и всех, кто был с ними, а вскоре следовала кровавая расплата. Приходила татарская рать, въезжала в город, и начинались казни.

Вот список народных восстаний: 1252, 1257, 1259, 1262, 1281, 1283 годы.

А вот перечень татарских карательных походов: 1252, 1258, 1273, 1275, 1278, 1281, 1282, 1283, 1284, 1285, 1293 годы (так называемая Дюденева рать; разорены Муром, Москва, Коломна, Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль, Можайск, Волок, Дмитров).

Народ не хотел смиряться, безнадёжные восстания вспыхивали то там, то тут. Сопротивление началось снизу, в народных массах.

Первым князем, который возглавил народный отпор, был брат Александра Невского гордый Андрей Ярославич. Когда в 1252 году.. карательное войско Неврюя подошло к Переяславлю-Залесскому, то, «собрав воинство своё, встретил их князь великий Андрей со своими полками, и сразились полки, и была сеча велика». (Чивилихин, 658.)

«Андрей Ярославич был разбит, но этой битвой открылась эпоха сопротивления, бунтов, восстаний, чаще стихийных, чем организованных... Однако именно эта эпоха

не допустила превращения Руси в один из улусов Орды и предопределила будущее нашего народа». (Там же.)

В отличие от англичан, монголы не смогли создать администрацию из местных кадров. Неспособные жить в городах, невежественные в сельском хозяйстве, озабоченные поиском корма для своих многотысячных табунов, они откочёвывали на пастбища, поручая местное управление зависимым от них русским князьям. Это был их первый серьёзный просчёт.

Среди князей сразу выделились две группы. Писатель Ю.М. Лошиц очень метко назвал первую из них «нетерпеливцы». Эти князя готовы были, несмотря на громадное превосходство врагов в живой силе, несмотря ни на что, драться с ними, не уступать, биться, не давать татарам покоя. Чтобы знали они: русский народ побеждён, но до конца будет драться за свою свободу. Таким князем и был уже упомянутый Андрей Ярославич.

Была и другая группа князей. Они не меньше князя Андрея любили Родину и сострадали народу, но, трезво оценивая обстановку, понимали, что открытое сопротивление ведёт только к бесплодной растрате народной силы. Надо устраивать мирную жизнь, налаживать отношения с монголами, терпеть, ждать и копить силы. Таким был старший брат Андрея святой благоверный князь Александр Невский.

Поэтому, сломив свою гордость (а она была у него как у выдающегося полководца и государственного деятеля), он приехал в ставку Батыя, прошёл меж огней, опустился

на колени перед всемогущим ханом и тем самым завязал дипломатические отношения с Ордой.

Как ни трудно было носить тяжесть в душе, что ты побеждён, нужно было просто жить, любой ценой предотвращать татарские походы, надо было просто дать подрасти населению, ведь убыль его была колоссальной.

На Древней Руси не было статистической службы, поэтому показать размеры опустошения среди населения нам опять помогает история Ирана.

«Огромная убыль населения после истребления, увода в полон и рабство... были первым последствием захвата. Источники приводят огромные цифры убитых жителей... В Балхе было перебито до 200 тыс. жителей, в округе Бейхак (в Хорасане) было 70 тыс. убитых, в Нишше — также 70 тыс. О Нише географ Якут писал: “И убили татары всех, кто там был, и великих, и малых, и женщин, и детей”». (История Ирана, 149.)

Арабский историк Ибн ал-Насир, современник событий, подводит итог: «Не было от Сотворения мира катастрофы более ужасной для человечества и не будет ничего подобного от скончания веков и до Страшного суда». (Чивилихин, 620.)

Обе группы князей были необходимы. Первая не давала погаснуть в сердцах людей вере в неминуемое освобождение, показывала, что есть на русской земле герои, не все согнулись, сломились, покорствуют. Вторая группа готовила это освобождение. Была, конечно, и третья группа: предатели, изменники, для которых своя

маленькая куриная жизнь ценнее вечной орлиной жизни народа и Отечества. Ну что о них говорить?

Прирост населения бывает только при мирной жизни. Значит, нужно было во что бы то ни стало установить мир на Руси. Вот почему, стиснув зубы, Александр был вынужден воевать и против собственного брата Андрея, участвуя в карательном походе.

Чтобы держать под надзором всех князей, монголы выделили среди них старшего, своего рода надзирателя, контролёра над ними. Такому князю выдавали ярлык на великое Владимирское княжение. Владея этим ярлыком, князь получал право старшинства над остальными. Первым такой ярлык получил тверской князь.

Князь мог находиться в Твери, в Нижнем Новгороде, в Москве, но, получив ярлык, он венчался на великое княжение во Владимире в присутствии ордынского посла как свидетеля, что верховная власть всё же принадлежит хану.

Когда татаро-монголы вторглись на русские земли, столичным градом Северной Руси был Владимир, Южной — Киев, сюда некогда переехал из Киева святой князь Андрей Боголюбский, сюда была перенесена общенациональная икона Богородицы, которая так и стала называться Владимирской.

Ко времени Дмитрия Ивановича Владимир полностью утратил своё значение главного города, на это звание претендовали Тверь и набиравшая силу Москва. Поэтому именование ярлыка на великое княжение Владимирское было данью привычке, традиции. Точно так же, как, не

имея реальной власти, а воплощая в себе власть символическую, такими островками традиции были города Реймс во Франции (там с древних времён до 1825 г. короновались французские короли и императоры) и Аахен в Германии (там короновались германские императоры).

Линию поведения Александра Невского, линию малых дел, линию терпеливого выжидания своего часа, линию накопления сил, переняли у Александра Невского его сын Даниил и внук Иван.

Обладая незаурядным умом и горячо веря в Бога, Даниил сумел сделать так, что Москва из малого и неприметного городка стала центром духовной и государственно-военной силы. Всю свою энергию Даниил употребил на увеличение территории собственного Московского удела. При помощи оружия и ловкой дипломатии он сумел прибавить новые земли к своему уделу. Со времени правления этого князя, основателя московской великокняжеской династии, началось непрерывное возвышение Московского княжества над другими.

Даниилу наследовал его сын Иван, хитрый, изворотливый, беспринципный политик. Так считали его современники. Правдами и неправдами приращивал он Московское княжество, интриговал против соседей князей в Орде, устранил неугодного соседа силой, не брезговал принимать личное участие в карательных походах ордынского войска. Руки его обагрены русской кровью. Но во взгляде из будущего очевидно, что почти все его дела оказались на пользу Руси. Сумев войти в доверие к

хану, он получил ярлык на великое Владимирское княжение. Именно благодаря ему баскачество было отменено и ненавистные народу татарские сборщики дани исчезли с улиц русских городов.

Ханов, конечно, не радовали беспокойная обстановка на Руси, восстания, убийства баскаков, других чиновников. Поголовно истребить население они не могли: не с кого тогда будет получать дань. Карательные походы, в XIII веке почти ежемесячные, умиротворяли мятежную Русь ненадолго. Поэтому, когда московский князь Иван Калита стал убеждать хана передать сбор дани со всех русских княжеств ему, тот согласился. Хану нужны были дань и спокойствие. Нет разницы, кто собирает дань, баскак или русский князь. Важно, что дань собрана и доставлена.

Это был второй шаг ордынцев к своему крушению. Ценой неисчислимых жертв, невероятных страданий русский народ добился отмены системы баскаков. Захватчики передоверили сбор дани князьям, местным уроженцам. Это положило начало освобождения от гнёта. Родились князья, которые, как и их расчетливый предшественник Калита, ставили перед собой задачу не столько исправного сбора дани, сколько, пользуясь своим особым положением перед правителями Орды, увеличения прироста своих владений и объединения народных сил для освобождения Родины.

Политика Ивана Калиты привела к тому, что на Руси установилась мирная жизнь. И длилась она довольно долго.

Слово летописцу: «И бысть оттоле тишина велика на 40 лет и престаша погани воевати русскую землю и заколоти христиан, и отдохнуша и починуша христиане от великиа истомы и многиа тягости, от насилия татарского, и бысть оттоле тишина велия по всей земли».

Летописцу вторит В.О. Ключевский: «Успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчётного ужаса отцов и дедов перед татарином; они и вышли на Куликово поле». (Чивилихин, 662.)

Говоря о борьбе русского народа за свободу, мы обычно затрагиваем тему военного, вооружённого сопротивления. Но было и экономическое сопротивление. Оно почти незаметно, но без него не было бы победы ни в Куликовской битве, ни в предшествующих ей сражениях, ни в последующем после кончины Дмитрия Ивановича движении России вперёд.

Надо сказать особые слова благодарности советским историкам за их труды по изучению экономики древнерусских княжеств. Они подвели мощный научный фундамент под обоснование развития именно экономической базы государства. Без её создания были бы невозможны все подвиги и свершения великих князей и народа. Несомненна духовная основа всего происходившего, молитвы монахов в своих кельях не менее важны, чем труд земледельца на пашне, но именно на экономическую основу не обращается внимания ни в художественных произведениях, ни в большинстве военно-исторических

монографий. Но для того чтобы вывести войско на Куликово поле, нужно это войско одеть, вооружить, войско нужно каждый день кормить. Экономическое сопротивление татарскому завоеванию проявлялось в заселении новых территорий, распашке новых земель, повышению урожайности, поголовья домашнего скота, возрождению ремёсел. И как следствие восстановлению государства.

Особо велико значение в освоении новых земель Православной Церкви.

Церковь была свободной от ордынской дани, и народ это знал.

В эпоху подвижнической жизни преподобного Сергия был велик поток монахов, уходивших на север в поисках безмолвной жизни. Этот уход и поселение монахов в глухих ярославских, вологодских, великоустюжских лесах получили в богословской науке название «Школа преподобного Сергия». Всего по благословению преподобного было основано 37 монастырей, из которых только пять южнее Москвы.

Инок поселялся в дремучем лесу, какое-то время совершил свой молитвенный подвиг в срубленной келье, но «свет и во тьме светит» (Ин. 1: 5), люди узнавали об иноке, образовывалась братия. Близ возникшей обители селились крестьяне, строились, распахивали земли.

Основатели монастырей были известны князьям, оказывавшим им покровительство, делавшим имущественные и денежные вклады, жаловавшим обители землями. Князья понимали, что делали. Растёт обитель,

растёт село возле него, множатся окрестные деревни, и растёт сама Русь.

Народ охотно селился возле обителей, работал на них, здесь он был защищён как от поборов сначала ханских, а потом и княжеских взимателей дани, ограждён от произвола княжеских слуг. Рядом с обителями вырастали большие сёла, потом и города (Сергисев Посад, Кириллов, Ферапонтово, Железный Борок и т. д.)

«Письменные и вещественные источники убедительно свидетельствуют, что велика была обрушившаяся на Русь катастрофа, но велики были и силы русского народа, его жизнеспособность, его мужество и настойчивость, с которыми переживал он тяжёлое разорение. В XIII—XIV столетиях, когда уровень производительных сил, свойственный феодальной стране, был неизмеримо более низким по сравнению с последующими временами, именно от физических усилий людей зависело восстановление хозяйства и всей материальной культуры... В этих условиях, подвергаясь постоянной опасности вторжений, не раз прерываясь ими и начинаясь заново, шёл трудный процесс восстановления и дальнейшего развития материальной и духовной культуры Руси». (Сахаров, 29.)

Такое наследство досталось юному великому князю: полуразрушенная, раскроенная на лоскуты княжество русская земля с хомутом ханской дани на шее и с раздорами между князьями, которые заботливо сеяли ханы, с постоянной угрозой грабительского нашествия.

С таким наследством управился бы не всякий взрослый, а теперь оно взвалено на мальчишеские плечи. Конечно, ему помогает святитель Алексий и ближние бояре, но Дмитрий рано уяснил себе, что всё, происходящее в княжестве, люди будут связывать только с его именем. И только ему, а не святителю с боярами отвечать перед Богом за содеянное. На вышнем суде каждый отвечает за себя сам.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!

А.А. Блок

В права наследства Дмитрий вступил, но наследство предстояло брать с боем.

Владевший в то время ярлыком на великое княжение сузальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович ничуть не смущился, получив известие, что ярлык передан московскому князю Дмитрию. Он был не намерен уступать великое княжение какому-то мальчишке, который ему не то что в сыновья, во внуки годился.

Мы представляем татаро-монгольское иго явлением постоянным по силе воздействия в течение двух с половиной веков его существования. Но оно, как и любой общественный процесс, имело свои периоды подъёма и затухания, оно то ослабевало, то крепло. Поэтому русские князья вели себя в соответствии с тем, как обстояли дела в Орде, и, если была возможность, поступали не по ордынскому велению, а по своему хотению. Здраво рассудив, что в результате «замятни» Орда ослабела,

Дмитрий Константинович отказался признавать право Дмитрия Московского на ханский ярлык, понимая, что добивается его не он сам, а для него московские бояре. В конце концов, у нижегородского князя было двое взрослых сыновей, он тоже должен позаботиться о них.

Чтобы не пустить князя Дмитрия во Владимир для венчания на великокняжеский стол, нижегородский князь занял небольшой город Переяславль между Владимиром и Москвой в расчёте перехватить Дмитрия Московского с его немногочисленной дружиной и свитой.

В Москве к этому шагу суздальского князя отнеслись серьёзно, объединили полки Дмитрия, его младшего брата Ивана, двоюродного брата Владимира и могучей колонной двинулись из Москвы по Владимирской дороге. Захрустел снег под тысячами подкованных лошадиных ног, засвистел, заскрипел под полозьями саней, в которых везли стрелы, разные ратные припасы, продукты, мало ли что понадобится в походе.

Задолго до того, как полки тронулись в путь, Дмитрий сумел побывать всюду: и в конюшнях, и в кузницах, и в погребах, и в амбарах. Быстро взрослея, он понимал, что одними наставлениями святителя Алексия и бояр умён не будешь. Ты должен видеть и знать всё сам: как войско собирается в поход, что воины берут с собой, кто отвечает за вооружение, за продукты, как строится войско. Многому научат добрые наставники, но надёжней всего научит сама жизнь.

Идёт, движется московское войско. В «челе» передового полка в ряд едут три мальчика-князя. Дмитрий посередине, одесную родной брат Иван, опшую двоюродный брат Владимир.

Одетые в белые, расшитые узорами тулулочки, в меховых шапках, подбитых бобром, опоясанные детскими мечами, с разрумянившимися щеками, они представляли собой живописную и в то же время трогательную картину. Было радостно и одновременно трогательно видеть, что, несмотря на высокий сан, это ещё дети. Дети, но с детскими заботами и думами.

Отчего Древняя Русь породила столько много великих людей, полководцев, государственников? Наверное, оттого, что дети начинали рано служить, рано расставались с детством, рано начинали не на словах, а в прямом ежедневном деле понимать, что такое долг, обязанность и верность.

Дмитрий Суздальский, не ожидавший, что против него двинут всю московскую силу, бежал (так пишут летописцы) из Переяславля во Владимир, войско шло за ним по пятам, а он метнулся из Владимира в Суздаль.

Московское войско в Суздаль не пошло, а во Владимире князя Дмитрия опоясали дедовским и отцовским мечом. Как ни старался кормиличич, как ни укорачивал ремешки, прикреплявшие меч к поясу, всё равно длинный и тяжёлый мужской меч волочился по полу, когда Дмитрий под пение клиросов вошёл в собор. Чтобы меч пришёлся впору, чтобы можно было выхватить его из ножен и крушить врагов, князю надо было подрасти.

Так закончился первый боевой поход великого князя Дмитрия. Ко всеобщей и обоюдной радости, был он бескровным, не свистели стрелы, не звенели мечи, не пролилась ни одна капля русской крови.

Торжество восшествия на великокняжеский престол завершено. Казалось, теперь можно приступить к государственной работе. Но это было только начало борьбы за ярлык. Уж очень хотелось Дмитрию Константиновичу сесть во Владимире князем.

Некогда единая Золотая Орда давно раскололась на Белую Орду со столицей в Сарае и Синью — со столицей в Кафе (ныне г. Феодосия). В сарайской Орде правил хан Мюрид, а в Синей — хан Абдуллах, ставленник Мамая. Сам Мамай, не будучи потомком Чингиза, не мог законно править, он управлял Ордой через покорных ему ханов.

Бояре посоветовали, что, имея ярлык от Мюрида, надо бы получить его и от Абдуллаха. Решение было ошибочным, потому что дало повод Дмитрию Константиновичу снова искать ярлык. Ханы Мюрид и Абдуллах ненавидели друг друга. И Мюрид, узнав о посольстве москвичей к своему злейшему врагу, сразу вернул ярлык на великое княжение нижегородскому Дмитрию.

Мечта Дмитрия Константиновича сбылась. Летом 1360 года он въехал во Владимир, где в Успенском соборе в присутствии ханского посла был совершён торжественный обряд его венчания на великое княжение, которое он получил, по укоризненному замечанию современников, «не по отчине и не по дедине», то есть имелось в виду, что

ни отец его, ни дедне были великими князьями владимирскими. Увы, недолго длилось его торжество, он пробыл великим князем Владимирским всего 12 дней.

Московское войско снова топтало проторённую дорогу на Владимир. В январе произошло посажение на стол молодого князя Дмитрия, а в декабре всё начиналось сначала.

Дмитрию Константиновичу оставалось одно, как и год назад, — бежать. Опять он бежал в Суздаль, но на этот раз Дмитрий Московский во избежание недомолвок в будущем осадил Суздаль. Несколько дней московское войско стояло у сузальских стен. Наконец, благоразумие взяло верх, до кровопролития дело не дошло. Дмитрий Константинович во второй раз отказался от ханского ярлыка.

Так благополучно завершился 1363 год. Войско дважды побывало в походе, ратной славы не добыло, но никто об этом не печалился. Все были довольны, что молодой московский князь надёжно утвердился на великом Владимирском княжении. Более того, как указывает историк В.А. Кучкин: «Владимирское великое княжение было объявлено отчinnым, наследственным его владением. Права князей других династий на эти территории отрицались, ханские ярлыки не признавались». (Кучкин, 65.)

В наступившем 1364 году великий князь потерпел две утраты: в октябре умер младший брат Иван, а в декабре любимая мать.

Однако великому князю некогда было предаваться скорби, все переживания он носил в душе, не отдаваясь

им целиком. Такова великокняжеская доля: дела государственные зачастую заслоняют дела личные, отодвигают их на задний план.

Конец 1364 года помимо двойной утраты омрачился опять возобновившейся тяжбой за ярлык. Несмотря на заверения не искать его, Дмитрий Константинович не утерпел и послал сына своего Василия в Орду за ярлыком. И тут произошло непредвиденное: за время отсутствия Дмитрия Константиновича в Нижнем город захватил его младший брат Борис и наотрез отказался впустить в него брата. Положение сложилось нелепое: имея на руках ханский ярлык, обладая, казалось бы, высшей властью, Дмитрий Константинович не мог приехать в свой собственный столичный город. Какое уж тут великое княжение! Не становиться же ему с семьёй князем-бродягой, князем-побиушкой. Было стыдно, неловко. Но иного выхода не было, и Дмитрий Константинович отправляется на поклон в Москву, где окончательно отрекается от притязаний на великокняжеский стол и просит помочь ему вернуться в свой город.

Неуважение к старшему восстановило многих против князя Бориса. Возмутителен был и беззаконный захват власти, наглая, прилюдная узурпация её.

Чтобы усомниться, призвать к порядку зарвавшегося Бориса, святитель Алексий послал в Нижний игумена Троицкой обители Сергия.

Будущий молитвенник и заступник за землю русскую родился в 1314 году в семье ростовских бояр Кирилла и

Марии. Родиной его было село Варницы поблизости от Ростова Великого.

С детских лет мечтал он удалиться в пустынь, чтобы отдаваться постническим подвигам и молитве.

По кончине отца с матерью он постригся в монахи, ушёл в глухой лес на гору Маковец, где в 1337 году основал Троицкую обитель.

«Не может град укрыться верху горы стоя». (Мф. 5: 14.) Мала была обитель Сергия и невелика церковь Троицы, но слух о высоте молитвенного подвига пустынника пошёл по Руси.

Преподобный Сергий, верный монашеским обетам, жил очень скромно и бедно. Ризу он носил до тех пор, пока уже не было никакой возможности её чинить и штопать. Справедливо полагая, что нет дороже сокровищ, чем чистое сердце, он не собирал богатств земных.

Издалека прибыл в обитель один поселянин, который слышал о преподобном Сергии как о великом пророке и очень хотел его видеть. Миновав святые врата, он спросил, где сейчас игумен.

— Копает землю на огороде, — сказал ему молодой инок.

Поселянин отправился, куда ему показали, и в самом деле на огороде какой-то старик в ветхой, со множеством заплат ризе прилежно работал лопатой.

Поселянин подумал, что над ним подшутили: не может настоятель известного на всю Русь монастыря одеваться в такие обноски.

На колокольне неожиданно ударили в большой колокол, хотя до вечерни ещё далеко. К святым вратам побежали люди, засуетились, громко заговорили. От врат в алой бархатной шапке, в развевающемся, из тонкого зелёного сукна плаще, опоясанный саблей размашисто шагал высокий мужчина с русой курчавой бородкой.

— Кланяйся, невежа, — прошептали на ухо поселянину. — Не видишь, ротозей, сам князь в обитель пожаловал.

А князь, не глядя на сбежавшихся его приветствовать людей, придя на огород, склонил голову под благословение отставившего лопату в сторону старца.

В недоумении смотрел поселянин на эту картину и дивился смирению игумена Сергия.

За высокую духовную жизнь он был удостоен посещения Пречистой Богородицы, за литургией ему прислуживал ангел.

Сергий не искал мирской славы, но имя его было известно всей православной Руси.

Преподобный никогда не садился ни на лошадь, ни на телегу, самые большие расстояния он преодолевал пешком.

Такой человек был послан к буйному Борису Сузdalскому, чтобы позвать его в Москву для переговоров.

Борис Константинович принадлежал к тому сорту людей, которые приходящих к ним встречают по одёжке. Увидев преподобного в латаном-перелатаном подряснике, в заношенном до крайности шлыке и к тому же с кри-

вой палкой-посохом, он оскорбился и не пустил святого угодника к себе, не то чтобы с ним разговаривать. «Кого они посылают ко мне, какого-то бродягу монаха, да таких в Нижнем пруд пруди, если с каждым разговаривать, некогда княжеством будет управлять», — мог подумать Борис.

Смиренный игумен подождал день, два. Гордыня сжигала князя, лишив его способности трезво мыслить.

Тогда Сергий прибегнул к крайней мере, на которую ещё в Москве его благословил прозорливый святитель Алексий, провидевший, как поведёт себя князь Борис. Преподобный Сергий повелел закрыть все храмы в городе. Церковная жизнь в городе замерла: ни отпеть усопшего, ни окрестить младенца, ни свадьбу сыграть. Князь Борис ярился, понимая, что Сергий оказался сильнее его, но уступать всё равно не хотел. Народ нижегородский роптал, назревал бунт.

Необузданных зверей смиряют силой. Настало время заговорить оружию. Дмитрий Иванович дал Дмитрию Нижегородскому своё войско. Князь Борис в бой вступить не отважился, вышел из городских ворот навстречу подступившему войску с покаянно склонённой головой.

Великий князь Дмитрий мог отправить смутьяна в ссылку на Север, но наказание оказалось мягким, князю Борису позволили удалиться в Городец, где он коротал свои дни.

Так закончился 1364 год, первый натиск на великокняжеский ярлык был отбит. До 1382 года князь Суздальский

и Нижегородский Дмитрий Константинович останется надёжным союзником Москвы.

Но борьба за ярлык продолжится и будет то полыхать ярким пламенем, то тихо тлеть почти до конца жизни благоверного князя. Будут походы, будут гореть города и литься кровь. Зломудро учинили азиатские пришельцы свой порядок на русской земле.

После 1364 года наступил 1365-й — огнепальный.

Не мало было врагов у русских людей в те времена. Но два были самыми страшными и неотвратимыми: монголы и пожары. По многолетней привычке ордынцам, казалось, что и они — порождение природы. Однако если с татарами можно было бороться, как-то договориться, откупиться, то пожар не внимал ни уговорам, ни мольбам. Вспыхивал и брал свою дань без остатка.

Пожары разделялись на рядовые, недостойные упоминания, и великие. О них остались следы в летописях. Таким был и Великий московский пожар 1365 года.

Лето стояло жаркое, знойное.

Слово летописцу: «Того же лета бысть сухмень велии по всей земле и воздух курящеся и земля горяше».

А вот запись о лете 1371 года: «Того же лета бысть знамение в солнце, места чирны по солнцу аки гвозди, и мгла велика была, яко за едину сажень пред собой не видети; и мнози человеци лицем ударяхуся, разшедшеся, в лице друг друга, а птицы по воздуху не видяху летати, но падаху с воздуха на землю, овии о главы человеком ударяхуся; такоже и звери, не видящес, по селом ходяху

и по градом, смешающиеся с человеки, медведи, волци, лисици и прочая звери. ...бысть же тогда и зной и жар мног, яко устрашитися и въстрепетати людем; реки мно-ги пресохша, и езера, и болота; а лесы и боры горяху, и болота, высохши, горяху, и земля горяше, и бысть страх и трепет на всех человечех. И бысть тогда дороговь хлебная велика и глад велий по всей земле».

Перевод: «В тот год были знаки на солнце: пятна чёрные на нём, как гвозди. И была на земле такая мгла, что за сажень ничего было не видно и люди шли и ударялись лицом друг о друга. Птицам не хватало воздуха, чтобы летать, и они падали замертво на землю, даже ударяясь о головы людей. От такой жары по городам и сёлам ходили звери: медведи, волки, лисицы и прочие. Так был силён жар и зной, что всех людей охватил страх и трепет. Пере-сохли многие реки, и озёра, и болота, горели леса и боры. И была великая дороговизна хлеба и голод великий по всей земле».

Так, летом 1365-го где-то полыхнуло, поднялся ветер и погнал огненный вал по городу, пожирая жилища бедняков и бояр, не щадя ни Божии храмы, ни княжеские хоромы.

Люди искали спасения в реке. Вихри раскалённого воздуха переносили дымящиеся головни через реку, и полыхать начинало там. Летописец писал, что головни летали по небу, как галки. Кто жил на окраинах, убегали в близлежащие леса, успев прихватить с собой кое-что из пожитков.

Возможно, такие опустошительные пожары послужили выработке такой важной черты нашего характера, как способности не унывать, а сразу после беды (а то и во время её) браться за дело восстановления. Надо продолжать жить, строиться, особенно если пожар случился зимой. В том же пожарном году Москва начала отстраиваться заново.

На Руси долгое время бытовало ремесло рубки домов впрок. Иностранцы, приезжавшие в Московию, пишут, что в Москве была такая площадь — Скородом. На ней специально для погорельцев продавались готовые избы различных размеров. Выбирай на вкус, покупай и ставь себе новый дом.

Нет худа без добра. Применительно к бедствию, постигшему столичный град и жителей, поговорка эта могла бы показаться кощунственной плоской насмешкой, но государственный человек и в бедствии умеет изыскать нечто полезное. Старый дубовый Кремль, построенный ещё Иваном Калитой (1339), обветшал, противопожарная глиняная обмазка местами давно осыпалась, а местами из-за невыносимого жара обваливалась прямо на глазах.

Дмитрий Иванович решил построить новый Кремль, но не деревянный, а каменный.

Слово летописцу: «Тое же зимы князь великии Дмитрий Иванович посоветова со князем Володимером Андреевичем и со своими старейшими бояры ставити град Москву камен, да еже умыслиша, то и сотвориши: тое же убо зимы повезоща камень ко граду».

Размеры работ были огромны. Предстояло разобрать дубовые стены и воздвигнуть каменную стену длиной почти полторы версты. А для этого нужно заготовить блоки из белого камня в каменоломнях села Мячкова, что в двадцати верстах от Москвы, доставить блоки в Москву, а также пережечь громадное количество непригодного для строительства камня на известь. Камень и известь заготавливали летом, в Москву доставляли зимой. Современные исследователи установили, что на доставке блоков и извести одновременно работали четыре с половиной тысячи возчиков, нескончаемая вереница саней тянулась от Мячкова в Москву и обратно. Всего было заготовлено 50 тысяч кубометров белого камня.

Работы начались весной 1367 года. Работали быстро, но качественно. «Кремль был построен так основательно, что местами современные стены и теперь опираются на древний белокаменный фундамент». (Викторов, 33.)

Возведение Кремля в столь короткие сроки тем более поразительно, что «в XII — XIV вв. на Руси не было таких специалистов, которых мы называем архитекторами, геологами, горняками, транспортниками, экономистами. Древний строитель был один во всех лицах... Сейчас нам только остаётся восхищаться технической интуицией древнерусских зодчих, которые из множества слоёв известняков выбрали лишь те... которые обладали достаточной прочностью и морозостойкостью». (Викторов, 17.)

На строительство нужны были немалые деньги. И деньги были. Ханский выход исправно собирался

каждый год, но не увозился. В Орде замятня. Куда везти: в Сарай или к Мамаю?

В связи с постройкой московской твердыни вспоминаются нынешние пустопорожние дискуссии о наступательном и оборонительном оружии. Когда войско наступает, тогда оружие (меч, винтовка, танк, самолёт) являются наступательным оружием; когда отступают, тогда наоборот. Даже противопехотные и противотанковые мины в зависимости от обстановки могут способствовать наступлению, а могут крепить оборону. Сугубо оборонительным оружием без всяких оговорок можно считать только крепостные стены. Войско может выйти из крепости в наступление, но сами стены в наступление пойти не могут.

Таким оборонительным оружием и вооружилась Московская Русь. Многие наступательные войны разбились о него. С позором уходил от Кремля спесивый князь Литовский Ольгерд, убрался несолоно хлебавши хан Едигей, когда создатель крепости неодолимой уже давно покоился в сырой земле. Да, Дмитрий Иванович умер в своё время, а оружие его продолжало воевать.

Постройка Кремля была не простой заменой дубовой крепости на каменную, она имела большое политическое значение. Она показывала не только возросшую военную, но и экономическую силу Московского княжества. Кремль показывал зрелость государственного мышления великого князя, его дар предвидения. Забегая вперёд, скажем, что если бы Ольгерд в свой первый поход взял

Москву (а без каменного Кремля ему ничто не воспрепятствовало бы в этом), то история нашего государства могла изменить свой ход.

Весть о строительстве Кремля, единственного на северо-востоке Руси, разошлась по всем русским землям, и это поднимало значимость Москвы в глазах многих и многих людей.

Это политическое значение возведения Кремля чутко уловил летописец из враждебного Москве тверского стана.

Слово летописцу: «Того же лета на Москве почали ставит город камен, надеяся на свою великую силу, князи русськыи начаша приводити в свою волю, а который почал не повиноваться их воле, на тых почали посягать злобою».

Летописцу ясно, что Кремль возведён не только для защиты Москвы, а именно как оплот московской воинской силы, государственной воли, чтобы привести в свою волю иных князей.

Площадь каменного Кремля 1367 года почти равняется современной, в него не входила лишь северо-восточная оконечность нынешнего кремлёвского треугольника.

Кремль — это символ единения. Как Кремль охватывает своими каменными руками холм, замкнув в себе сокровища и святыни московские, так и великокняжеская власть должна замкнуть, объединить в себе всю Русь, чтобы была она ещё крепче, ещё могучей.

Должно быть, мечталось князю, с новым Кремлём строится новая Русь.

Строился Кремль, и вместе с ним созидалась новая, семейная жизнь князя. Удивительной видится одновременность этих событий.

Великий князь достиг того возраста, когда юноши в Древней Руси женились. Выбрать невесту для великого князя было вопросом серьёзным, без преувеличения делом государственной важности.

Невесту подыскивали тщательно, взвешивали все «за» и «против». И нашли. Ею оказалась дочь нижегородского князя Дмитрия Константиновича Евдокия.

Как удивительна история! Мог ли двенадцатилетний мальчик, отправляясь в свой первый военный поход на Нижегородское княжество, подумать, что выступает в поход против своего будущего тестя?

Видимо, в этих походах, в приездах Дмитрия в Нижний Новгород мальчик и девочка увидели друг друга. Впрочем, не будем ничего додумывать, досочинять за них, поле для фантазий тут безграничное.

Конечно, Дмитрия женили не только из политических соображений, скорее всего, молодые люди подружились и полюбили друг друга.

Несомненно, династические соображения играли немаловажную роль при заключении этого брака, но всё-таки главным было чувство. Чувство настоящей, прочной любви, которая не кончается со смертью одного из супругов.

Династические браки замышаются с далекой идущими целями, но достигают, как правило, целей самых близких. Примеров в мировой истории тому не счесть. Приведём наиболее близкий нам и по времени, и по последствиям. Брак царя Николая II на принцессе из дармштадтского дома Алисе (в крещении: Александре) не помешал нашим странам сразиться в мировой войне, результатом чего была гибель обеих империй.

Так получилось и с браком Дмитрия Ивановича и Евдокии Дмитриевны. Он послужил установлению добрососедских, родственных отношений между Московским и Нижегородским княжествами. Но в 1382 году он никак не помешал совершиться самому низкому предательству, оплаченному десятками тысяч жизней мирных москвичей.

Слово летописцу: «Тое же зимы (1366 года), месяца генваря в 18 день, женился князь великий Дмитрий Иванович у великаго князя у Дмитреа Константиновича у Сузdalского и у Новагорода Нижнего, поя дщерь его Евдокею, а свадьба бысть на Коломне».

А в следующем году было завершено строительство нового Кремля. Вокруг него состоялся грандиозный крестный ход, который возглавил митрополит Алексий, кропивший белоснежные стены святой водой. Радостный московский люд во все глаза глядел на своего князя и его молодую княгиню.

ГЛАВА ПЯТАЯ. СВЯТИТЕЛЬ

Таков бо нам подобаше архиерей:
преподобен, незлобив, безсквернен,
отлучен от грешник и выше небес бывый.
Евр. 7: 26

Митрополит Московский Алексий — великий человек как в истории Православной Церкви, так и в истории нашего государства. В диптихе Русской Православной Церкви он почитается наряду с другими московскими святытелями так же, как в диптихе Вселенского православия почитаются Отцы Церкви: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст.

Родился он в семье черниговского боярина Фёдора Бяконта, приехавшего на службу к великому князю Московскому Даниилу Александровичу.

Крестным отцом будущего святителя был Иван Калита, а нарекли младенца Елевферием. Раннее детство святителя прошло при дворе великого князя. С младых лет был он погружен в быстротекущий поток дней, где политика властно вмешивалась в повседневную жизнь людей. С детства заботы и тревоги Московского княжества и Церкви были близки ему.

Елевферий тянулся к книгам, много читал. «Еще детищем буде, — читаем в его житии, — изучися всей грамоте и в уности сый всем книгам иззыче». (Карташов, 307.)

Юношай он постригся в монахи с именем Алексий. Начитанный, смышленый, искусно владевший устным и письменным словом, он был замечен и приближен митрополитом Феогностом, греком по происхождению.

Когда Феогност преставился в селения Небесные, Алексий, уже в сане епископа, отправился в Константинополь для посвящения в митрополиты.

В Царыграде он прожил год. Константинопольский патриарх должен был убедиться, достоин ли кандидат быть митрополитом. Для этого святителю пришлось пройти ряд испытаний, нечто вроде нынешних экзаменов; кроме того, за ним наблюдали, как он ходит, как разговаривает, опытен ли в богословской дискуссии, не теряет ли выдержку, не горячится ли по пустякам, как выстраивает доказательства, как правит службу, произносит проповеди. Не обинуясь, ему дали понять, что патриарх и вся Константинопольская Церковь отрицательно относятся к тому, чтобы митрополитом в Москве был русский, и поставление Алексия — это случай исключительный.

Такое отношение к русским объяснялось вообще весьма высокомерным обращением византийцев к иноzemцам. Как древние римляне, к потомкам которых они себя причисляли, всех невизантийцев они называли вар-

варами. Также в Константинополе с тревогой замечали, что Русь постепенно оправляется после монгольского погрома и московские князья всё чаще задумываются и говорят о национальной Русской Церкви, самостоятельной, не зависящей от Церкви Византийской. Такой ход событий не мог вызвать сочувствие в Константинополе. Империя переживала трудные времена, и перспектива лишиться материальной поддержки Руси её страшила.

Но вот все испытания позади, и 30 июня 1354 года Алексий был возведён в митрополиты.

Ещё при жизни святитель был прославлен как молитвенник и чудотворец.

Возвращаясь из второго путешествия в Константинополь, митрополит со спутниками едва не погиб. Корабль с путешественниками уже почти пересёк Чёрное море, скоро должен был показаться берег, как вдруг налетела страшная буря. Громадные волны швыряли корабль, как ореховую скорлупу, открылась течь, все готовились к смерти. Святитель Алексий в своей каюте-келье молился Господу и дал обет в случае спасения основать монастырь. Господь услышал молитвы святителя, ветер утих, волны улеглись. Все на корабле были ошеломлены свершившимся на их глазах чудом. Должно быть, точно так же были поражены апостолы, когда Господь укротил бурю на Тивериадском море. (Мк. 4:39.)

В ознаменование чудесного спасения святитель Алексий основал вблизи Москвы Спасо-Андроников монастырь.

В те годы Ордой правил хан Джанибек. У него занемогла жена, ханша Тайдула. Она почти совсем перестала видеть. Совсем недавно здоровая женщина уподобилась беспомощному малому ребёнку: куда бы ни захотела она пойти, всюду ей требовался провожатый. Джанибек выписал лучших врачей из далёкого Китая, по его приказу из далёкой страны Саха доставили шамана, славившегося необычайной чудодейственной силой. Шаман прыгал вокруг ханши, бил в бубен, кричал, окуривал больную дымом, но только рассмешил её. Сквозь мутную пелену, застилавшую её глаза, ханше было уморительно смешно видеть его прыжки и ужимки.

Горевавшей Тайдуле однажды приснился сон. К ней подошёл старец с длинной седой бородой, положил ей на голову руку, и она прозрела. Во сне она вспомнила, что старец — это московский владыка Алексий, посетивший хана и ханшу в своём первом путешествии в Византию.

Наутро из орды в Москву помчался гонец.

Не хотелось ехать святителю в Орду, но пришлось. Не тягот пути опасался он, вместе с гонцом прибыл отборный отряд ханских конников сопровождать его. Святителя смущала сама просьба, почти приказ. «Кто я такой, — смиленно размышлял святитель, — чтобы повторить чудо, явленное Самим Господом, исцелившим слепого Вартимея?»

В Орде по молитвам святого угодника Тайдула прозрела. Радости её не было границ. Джанибек с богатыми дарами отпустил святителя в Москву, и, как заметил

летописец, «он был очень добр к христианству и при нём была большая льгота земле русской». (Соловьёв, 254.) Исцеление Тайдулы произошло в день чуда архистратига Михаила в Хонех. В память об этом событии святитель Алексий основал в Московском Кремле Чудов монастырь.

Внутренняя и внешняя политическая обстановка сложилась таким образом, что владыка Алексий был вынужден взять на себя помимо креста церковного ещё и крест государственного управления, стать не только церковным, но и государственным деятелем, заботясь о благе не одной Церкви, но всего государства.

Великий князь Симеон, умирая, завещал брату своему Ивану быть в послушании митрополиту Алексию: «Слушали бы есте отца нашего владыки Алексия, тако же старых бояр, кто хотел отцю нашему добра и нам».

Через пять лет, прощаясь с жизнью, уже сам Иван Иванович оставлял на попечение владыки всё княжество Московское. Взрослых князей в роду живых не осталось никого, а государство не оставишь без управления. Бояре под княжеской волей честно несут свою службу, но убери держащую их в повиновении волю, то даже у самых благонамеренных и верных зашевелятся мысли о власти.

Святитель Алексий известен как выдающийся иерарх, много сделавший для укрепления и развития Церкви, основатель и возобновитель монастырей (Спасо-Андроникова, Чудова, Симонова и др.), автор духовных сочинений.

Для нас наибольший интерес представляет деятельность святителя как воспитателя будущего национального героя нашего народа Дмитрия Ивановича. Отсвет славы воспитанника падает и на его воспитателя. Не умаляя заслуг святителя Алексия перед Церковью и государством, мы всё же вспоминаем о нём в связи с Дмитрием Донским. Так устроилась наша жизнь в XX веке, что в современной России святителя Алексия помнит тонкий слой историков церкви и немногочисленный церковный народ, а Дмитрия Донского без преувеличения помнят все.

Непростая задача стояла перед святителем, когда он стал негласным опекуном, а по сути дела, вторым отцом мальчика. Он должен был подготовить его к будущей деятельности правителя, великого князя. Управленческой науки тогда не существовало, учились на опыте предков, и крайне важно, кто стоял рядом с молодым князем, добродетельный наставник или себялюбец. Что будет внушать он несмышлёному княжичу? Будет ли говорить ему о долге перед Богом, княжеством и народом, о первенстве государственных обязанностей перед личной жизнью, о том, что нужно быть милосердным, но немягкотелым, карать врагов государства беспощадной железной рукой, но не казнить человека проштрафившегося, оступившегося, не поддаваться капризу и настроению, в разговоре быть одинаково ровным со всеми: с ближним боярином и рядовым воином.

Мы знаем о плодах деятельности святителя. Он воспитал того, кого и должен был воспитать.

Здесь самое место вернуться к проблеме грамотности великого князя. Так был ли он грамотным или нет? Святитель Алексий, как принято сейчас говорить, был одним из образованнейших людей своего времени. Помимо русского языка, он прекрасно знал греческий язык (его перевод на русский язык Евангелия говорит сам за себя). И вот этот человек, светило учёности, воспитывает молодого великого князя. Он прекрасно знает о его будущности, будущности человека, не только заседающего в Боярской думе, не только восседающего на коне, но и обязанного читать множество документов, самому составлять грамоты или читать написанные писцами. Кажется, абсолютно невероятным, что митрополит не приложил даже малейших усилий, чтобы научить мальчика читать и писать. В ту пору в Москве при церквях овладевали грамотой сыновья бояр, а сам великий князь, получается, бил баклушки, гонял голубей на заднем дворе или тешился игрой в свайку? Если самому святителю было недосуг заниматься с князем, он мог обязать заняться этим какого-либо монаха или попа, обладавшего учительным даром. Нет, не мог великий князь при таком наставнике остаться неграмотным.

Несколько лет, пока княжич не подрос, не вошёл в силу, святитель Алексий практически управлял Московским княжеством. «Митрополит прилагал все старания, чтобы сохранить дитя и удержать за ним страну и власть, причём весь предался этому делу». (Карташов, 310.)

Но и потом, будучи самовластным правителем, великий князь не предпринимал важных решений, не посо-

ветовавшись со святителем и с опытными, завоевавшими его доверие боярами.

Имя великого человека и после его смерти не знает покоя. Тело упокоится в могиле, душа обретёт своё пристанище на небесах, а имя его треплют и полощут историки. Давно Цезарь перешёл Рубикон, давно истлели кости переходивших с ним реку легионеров, и от самого Рима остались руины, а историки до сих пор спорят: правильно ли поступил Гай Юлий? Не лучше ли ему было поладить с Помпеем и сенатом и не затевать гражданскую войну?

То же самое происходит и с великим князем. Мощи его почивают в Архангельском соборе, душа предстоит престолу Божию, а историки спорят: не свидетельствует ли его манера обсуждать всё и вся о его зависимости от святителя Алексия, от бояр, о его несамостоятельности, или, напротив, это говорит о его мудрости как администратора, управленца? Ум хорошо, а два лучше, как ни всеобъемлющ и глубок бывает ум одного человека, но и он не в силах охватить все, выражаясь научно, аспекты проблемы, от решения которой зависит судьба княжества и подвластного князю народа. Почему же не посоветоваться, не узнать точку зрения близких и доверенных тебе мудрых людей?

А если бы великий князь ни с кем не советовался, всё решал бы единолично, его бы обвинили в диктаторстве, в самодурстве. Разве так уж редка в жизни ситуация, о которой повествуется в Евангелии: пришёл Иоанн Креститель, не ест, не пьёт, про него говорят: он одер-

жим бесом. Пришёл Господь, ест и пьёт с грешниками. Про него говорят, вот человек любящий выпить и поесть, друг мытарям и грешникам. (Мф. 11: 18—19.) Людской молве не угодишь.

Всё было во взаимоотношениях между князем и святым: и споры, и согласие, и недовольство друг другом, и прощение обид, и радость, и горе. Одна история со священником Митяем и митрополитом Киприаном чего стоит.

Великий князь уважал и почитал митрополита при жизни и после его смерти. Почуяв приближение конца, святитель Алексий завещал похоронить его вне церкви, за алтарём собора Чудова монастыря.

Однако великий князь повелел погрести тело святителя внутри храма близ алтаря.

Это было признанием заслуг митрополита Алексия перед великим князем и народом. Это была высшая почесть, какую князь посмертно мог оказать своему наставнику, учителю и второму отцу.

«В отечественной историографии практически единогласно высказывается мнение, что именно политическая линия митрополита Алексия, в которой интересы Церкви были подчинены интересам крепнущей Москвы, обеспечила Руси победу на Куликовом поле». (Хорошев, 110.)

В.О. Ключевский писал: «Митрополит Алексей шёл боевым политическим путём, был преемственно главным советником трёх великих князей московских, руководил их боярской думой, ездил в Орду ублажать ханов, отмали-

вая их от злых замыслов к Руси, воинствовал с недругами Москвы всеми средствами своего сана, карал церковным отлучением русских князей, непослушных московскому государю, поддерживал его первенство, с неослабной энергией отстаивал значение Москвы как единственного средоточия всей политически разбитой русской земли». (Хорошев, 111.)

После разрушения в 1929 году построек Чудова монастыря мощи святителя хранились в музеях Московского Кремля. В 1947 году их возвратили Церкви, ныне они почивают в Патриаршем Богоявленском соборе в Елохове.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ДЕЛА ТВЕРСКИЕ

Прииде с восточныя страны царь Батыи
на Рускую землю ратью со многими силами.
...поплени и высече князи руския... и многи грады плени...
Тверь, Кашин и ины многи города.
Устюжская летопись

Более настойчивым и упорным, нежели княжество Нижегородское, в борьбе за великокняжеский ярлык, как и следовало ожидать, оказалось княжество Тверское.

Тверь ещё в конце XIII века стремилась возглавить русские земли и довольно высокомерно поглядывала на появившегося соперника в виде княжества Московского. Тверские князья полагали, что имеют полное право гордиться и величаться перед князьями московскими. Когда Батый воевал русские земли, Тверь уже была столицей известного княжества, а Москва — лишь захудальным городишком. Тверь первая оказала сопротивление захватчикам, там впервые монголы узнали силу русского оружия. Если московский летописец писал с укоризной о нижегородском князе Дмитрии, что он получил ярлык не по отчине и не по дедине, это же мог написать о московских князьях тверской летописец. Ибо, когда рухнула система баскачества и ордынские ханы были вынуждены были по-

ручить сбор дани местным, русским князьям, то именно тверской князь был обладателем первого ярлыка.

Среди русских князей всех больше тверских князей-страстотерпцев приняло мученическую кончину в Орде. Княгиня Анна Кашинская не дождалась из Орды своего мужа, великого князя Михаила, от смерти которого содрогнулась вся Русь, двоих сыновей (Александра и Дмитрия) и внука (Фёдора). Провожала она их живыми, а на родимой тверской земле встречала их бездыханные тела в гробах.

У молодого Московского княжества не было таких жертв и заслуг, но князья его проявили себя прежде всего как люди оборотистые, хваткие. Уважая славу предков, они предпочитали жить сегодняшним днём, всячески стараясь увеличить, расширить своё княжество. В первые годы XIV века московский князь Даниил Александрович присоединил к Москве Коломенское княжество, благодаря чему всё течение Москвы-реки оказалось под его властью. С присоединением Переяславского княжества с его многочисленным населением, плодородными землями, рыбными ловлями могущество московского князя возросло ещё более.

Сын Даниила Иван Калита попытался вообще покончить с самостоятельностью Тверского княжества. В 1339 году он снял в Твери соборный колокол и увёз его в Москву. Это был сильный удар по Твери, не столько военный, сколько моральный. Обычай брать в плен колокола имел символический смысл. Большие колокола

были тогда весьма редки на Руси, а увезти главный, соборный колокол как бы означало взять в плен голос, душу стольного города.

Тверь в свою очередь пыталась подчинить своему влиянию Москву. Москва, конечно, не уступала. В 1314 году в Орду поехали за ярлыками Михаил Тверской и московский князь Юрий Данилович, Орда взяла сторону Михаила. Между Тверью и Москвой возник спор о Новгороде, который привёл в 1315 году к сражению. «Быть сеча зла». Победителем оказался тверской князь (в его войске были и татары).

Однако чрезмерное усиление тверского князя не могло понравиться Орде, которая вела двуличную политику, натравливая княжество на княжество. Хан Узбек стал поддерживать московского князя. В 1318 году московский князь Юрий с татарами пошёл к Твери и опять потерпел поражение.

Под давлением Орды между Москвой и Тверью был заключён мирный договор, одним из пунктов которого была обязательная поездка обоих князей в Орду. Для тверского князя Михаила эта поездка закончилась кровавой расправой (1318), его оговорил перед ханом Юрий. Видимо, за эту услугу хан вознаградил Юрия, предоставив ему ярлык великого Владимирского княжения. Но позднее был убит и Юрий.

В эпоху Дмитрия Донского в Твери княжил Михаил Александрович, который был старше Дмитрия на 17 лет. Вообще, все, с кем Дмитрий Иванович не по своей воле

вступил в политическое соперничество и борьбу, были старше его. Нижегородский князь Дмитрий, его тесть, был старше Дмитрия на 27 лет. Не установлены точно года рождения Ольгерда Литовского, Олега Рязанского, но они однозначно были уже зрелыми мужами. И самый главный соперник, а по большому счёту, смертельный враг его и Руси, хан Мамай, когда Дмитрию было всего семь лет, уже командовал туменом (применительно к нынешним понятиям был командиром кавалерийской дивизии или даже корпуса).

Как ни странно, детский, юный возраст благоприятствовал князю. Противники его понимали умом, что Дмитрием руководят, не он сам принимает решения, их принимают за него опытные государственные люди, он только соглашается с ними, но в сердцах их продолжал жить образ мальчика, подростка. Помимо своей воли противники его не могли оторваться от сознания, что воюют с мальчишкой. Они не признавали его достойным соперником, не принимали всерьёз и вследствие этого принимали легкомысленные решения. Поступали наобум, совершили непростительные промахи и ошибки. Ум утверждал одно, а сердце говорило другое.

Но к тому времени, когда после нижегородских дел Дмитрий Иванович обратился к делам тверским, он был уже далеко не мальчик, и Михаил Тверской скоро почувствовал это.

Михаил Александрович был внуком святого Михаила Ярославича, святая Анна Кашинская была ему бабушкой.

Разные исторические судьбы были уготованы обоим князьям. Михаил Александрович был последним тверским князем, спорившим с Москвой за великокняжеский ярлык, а Дмитрий Иванович был первым князем, совершившим героический шаг к освобождению Руси (в том числе и Твери) от иноземного ига.

Славная история Тверского княжества клонилась к закату.

Правда истории была на стороне Москвы. Но ни Тверь, ни Москва не знали об этом. Жизнь устроена так, что поиски правды истории затягиваются на десятилетия. Когда же выясняется, что именно та правда, которую отстаивала одна из сторон, и есть правда подлинная, необходимая и народу, и государству, в ходе её бывают принесены большие невозвратимые жертвы. В борьбе тверских и московских князей было пролито много крови.

Увы, ни Михаил Тверской, ни Дмитрий Московский не могли взять с полки учебник истории и прочитать, что же происходит. Поскольку они сами были и авторами и главными действующими лицами этого учебника.

Случай, из-за которого между княжествами разгорелась вражда на десятилетия, был пустяковый. Как отмечают историки, подобные вещи были не единичны на Руси как в до-, так и в монгольское время.

К 1366 году Михаил Александрович Тверской взял в свои руки власть почти над всем Тверским княжеством. Его родственник, дядя по отцу, князь Василий Кашинский мечтал сам править в Твери, но не имел для этого

достаточных сил. Оценив ситуацию как выгодную, Москва решила вмешаться в неё, чтобы иметь в стане противников своего союзника, и помогла князю Василию изгнать Михаила из Твери.

Михаил Тверской уехал за помощью к своему шурину князю Ольгерду Литовскому и в октябре 1367 года с литовским войском вошёл беспрепятственно в никем не защищаемую Тверь. Соперника его, Василий Михайлович, был в Кашине. С литовской ратью Михаил двинулся на Кашин. Дядя, уклонившись от сражения, выпел ему на встречу и отказался от всяких прав на Тверь.

Казалось бы, конфликт был исчерпан, всё вернулось на круги своя. Однако Василий Кашинский убежал в Москву и попросился на службу к Дмитрию Московскому.

Михаил думал, что Дмитрий пошлёт на него войско. Но великий князь Дмитрий и митрополит Алексий миролюбиво пригласили Михаила в Москву на переговоры. Опасаясь ловушки, Михаил медлил принять приглашение, и тогда митрополит Алексий целовал крест, что ничего худого в Москве князя не ждёт. Понадеявшись на слова митрополита, Михаил приехал в Москву, но на переговорах, видимо, стал спорить столь яростно и неуступчиво, что Дмитрий Иванович и святитель Алексий, придавшись к его несдержанному поведению, арестовали Михаила и посадили в темницу. Князя поместили в сруб, в железа, и держали его в истоме.

Это был крайне ошибочный шаг князя Дмитрия. В летописях ничего не говорится о мотивах поступка князя

и митрополита, но подумаем, почему же они поступили так.

Возможно, они намеревались решить тверской вопрос одним решительным ударом. В Евангелии говорится: «Поражу пастыря и разыдутся овцы». (Мф. 26: 31.) Тверское княжество, оставшись без возглавителя, станет лёгкой добычей Москвы. Как Василий Кашинский, на службу Москве перейдут и все тверские бояре.

Однако этого не произошло. Общественное мнение Твери было на стороне Михаила, захваченного с нарушением крестного целования, которое дал не кто-нибудь, а сам правящий митрополит.

Что было делать дальше? Уморить голодом или убить князя было нельзя, против этого восставала совесть. Простыть в молодые годы душегубом и клятвопреступником, такая перспектива страшила Дмитрия Ивановича, он не был лиходеем в душе, ему чужды были обманы, удары из-за угла. И в случае убийства падёт тень и на святителя как соучастника злодеяния.

Получалось так, что, намереваясь решить вопрос простым путём, князь и митрополит сами создали себе почти неразрешимую проблему.

Ситуация неловкая и для потомков (для нас с вами), скользкая и соблазнительная. Как же так, оба, святитель и князь, прославлены в лице святых и не сдержали слова. Зазывая тверского князя в Москву, митрополит Алексий крест целовал, чтобы князь ехал без опаски. И вдруг арест, темница, оковы. Летописец пишет: держали в истоме,

то есть держали впроголодь. Читаем у В.И. Даля: «*Взять город истомой, выморить*». И по обычаям того времени князь Михаил мог просидеть в срубе и год, и два, и десять, и двадцать.

Один Бог без греха, а люди все прегрешают: и большие, и малые, и праведные, и нечестивые. Но Церковь прославляет не за грех, а за покаяние. После освобождения тверского князя мы не встречаем ничего подобного ни в деятельности святителя, ни благоверного князя.

Обычно в исторической, а особенно в житийной литературе об этом эпизоде умалчивается, потому что ни оправдать, ни извинить святителя нельзя. Конечно, он был здесь главным действующим лицом, Дмитрий был ещё слишком молод. Но что было, то было. Политик в душе митрополита взял верх над архипастырем. Собор, состоявшийся в Константинополе уже после кончины святителя в 1389 году, определил, что он «принял на себя вместо спасения и поучения христиан мирское начальствование, вследствие чего, призванный учить миру и согласию, увлекся в войны, брани и раздоры...».

Попутно заметим, что святитель Алексий был не более вероломен и коварен, нежели, допустим, Иван Калита. Если для святителя это было исключение, досадный промах, то у Калиты это была линия жизни. Калиту ценят и восхваляют за государственный ум, но на руках Алексия нет русской крови, а по проискам Калиты был убит в Орде Александр Михайлович Тверской. Калита ходил с татарским войском на русскую землю не как Александр

Невский, чтобы ценой малой крови избежать крови большой, а исходя из своих внутриполитических интересов.

Освободиться Михаила из неволи помогли ордынцы. В Орде скоро стало известно об аресте Михаила, что вызвало большую тревогу. Если Москва завладеет Тверью, она так усилится, что с ней не будет никакого сладу. И так князь Дмитрий ведёт себя чересчур вольно, женился без ведома хана, никого не спросясь, соорудил в Москве крепость, задерживает дань, а что будет, если и Тверь окажется под Москвой. Допустить этого нельзя.

Из Сарай прибывает ордынское посольство с требованием немедленно освободить тверского князя.

Дмитрий вынужден был выпустить Михаила, понимая, что выпускает на свободу врага. Если до ареста он был соперником, противником, то теперь это был враг, который будет делать всё, чтобы отомстить за унижение и обиду, за поношение крестного целования. Летописец пишет, что до этого времени Михаил к митрополиту Алексию «веру имел паче всех, яко по истине святителю».

Историк В.А. Кучкин пишет, что Михаила освободили не только потому, что подчинились татарским послам, но и потому, что опасались, как бы татары, воспользовавшись расприами между князьями, не вторглись на русскую землю. Предлог был подходящий: вступиться за Михаила (а заодно и пограбить княжества). (Кучкин, 67.)

С сердцем, переполненным кипящей яростью, покидал Михаил Москву. Как! Его, свободного человека, схватили, поволокли и бросили в сырой, грязный и воню-

чий погреб! Держали на хлебе и воде, как распоследнего подлого вора! И кто, кто был виновник его унижения? Не кто иной, как митрополит, которому он доверял, как самому себе. Как он мог так поступить? Ладно Дмитрий, он во всём покорен митрополиту и глядит ему в рот, но святитель, святитель! Нет, теперь только месть. Они заплатят за всё.

Ненадолго заскочив в Тверь, Михаил поспешил в Вильно к родне, к великому князю Литовскому Ольгерду.

Можно представить, с какой гневной страстью расписывал он Ольгерду свои злоключения в Москве, как просил, заклинал, молил его отомстить Дмитрию за его обиду, его боль.

Малые княжества и государства всегда бывают игрушками в руках государств более могущественных.

Так же как Дмитрий был рад поводу вмешаться в дела тверские, так и Ольгерд ухватился за возможность встремить в дела московские.

Поздней осенью 1368 года он предпринял первый поход против Дмитрия.

Косвенным виновником литовского похода был и сам московский князь: если бы не арест Михаила, нашествия литовцев (впрочем, среди них были и русские полки) могло не быть.

Поход закончился неудачей для Ольгерда, поставленных целей он не добился, но Московское княжество понесло большой урон. Дмитрия и войско спас новый Кремль.

С этого времени началось пятилетнее противоборство Москвы и Твери.

В 1370 году, когда Ольгерд увяз в боях с Тевтонским орденом, князь Дмитрий не преминул воевать смоленские земли, принадлежавшие Литве. Оставленный шурином один, без какой-либо поддержки, Михаил попробовал установить дружеские отношения с Москвой и послал в город своего епископа с предложением «побовь крепити». Дмитрий не ответил Михаилу, а, напротив, в сентябре двинул войска в Тверское княжество, взял и разграбил город Зубцов, а людей увёл в полон.

Б.А. Рыбаков говорит об этом так: «а в 1370 г. они выступили в поход против тверского князя и взяли Зубцов и Микулин. В отличие от тверичей и литовцев, жестоко относившихся к побеждённому населению, Дмитрий Иванович «скоты их взяша в свою землю». А брать полон отказался: «люди выпустили куды кому любо»». (Рыбаков, 383.)

Слово летописцу: «Князь велики Дмитрей Иванович... взял град Тверский Зубец, и пожже вся и поплени, также и другой град взя Микулин и также пожже и поплени, и вся власти и села Тверския повоева... а людей много множество в полон поведе и все богатство их взя, и вся скоты взяша в свою землю; и тако князь велики Дмитрей Иванович прииде на Москву с многим богатством и корыстию... и смириша Тверичь до зела».

При всём уважении к академику Б.А. Рыбакову надо сказать, что не нужно идеализировать великого князя, утеплять его. Он был человеком своего времени, воевал

так, как было принято тогда. И рубил мечом, и стрелял из лука, и жёг города, и брал полон. Но не более того. Нет за благоверным князем случаев не оправданной обстоятельствами жестокости. Война, вообще, дело кровавое. Один из наиболее человечных полководцев, жалевших как своих, так и чужих солдат (военнопленных), А.В. Суворов, признавался: «Я пролил реки крови».

И нужно различать, зачем людей уводили в полон: новгородцы и ордынцы на продажу в рабство, а князья — как работников в княжество.

А Михаил Тверской, получивший отказ от московского князя «любовь крепити», побежал к последнему заступнику, который, по его мнению, мог обуздить Дмитрия. В конце октября 1370 года он отправился к Мамаю. Всесильный темник, к тому времени заменивший на ханском престоле хана Абдуллаха ханом Мухаммедом, милостиво принял тверича и одарил его ярлыком на великое княжение.

Только обладание ярлыком ничего не дало Михаилу. Дмитрий Иванович просто не пустил его во Владимир. Все дороги перекрыли заставы, имевшие приказ схватить Михаила, если он только приблизится к Владимиру. Избежав расставленных сетей, Михаил принужден был бежать даже не в родную Тверь, где его тоже стерегли заставы, а опять к шурину Ольгерду.

Князь Дмитрий Иванович не стал натягивать и без того тугую струну ханского терпения. Чтобы избежать возможного нападения Литвы, Твери и Орды, в июне

1371 года он поехал в Орду выказать смирение и покорность. До Оки его сопровождал, как в давние годы, святитель Алексий.

Пролетело 10 лет, как князь был в Орде последний раз. Из мальчика, почти ребёнка, он вырос во взрослого молодого мужчину, который всё крепче и увереннее забирал власть в княжестве в свои руки. Да, по-прежнему он прислушивался к советам митрополита Алексия (и так было до последних дней владыки) и бояр. Но всё чаще высказывал своё взвешенное мнение и принимал такое решение, какое он полагал нужным.

Мамай принял великого князя Московского, но за его улыбками и приветливыми словами Дмитрий видел опасного азиатского зверя, который не прочь бы вцепиться ему в глотку, а то и распороть ему кинжалом грудь и вырвать из груди и показать всем на ладони ещё бьющееся княжеское сердце. Кормиличич рассказывал юному князю о таком способе казни в Орде. Но Бог переменил Орду, Орда слабела, Русь постепенно крепла, и Мамай скрывал злобу за маской тороватого хозяина.

Жаль, что в те годы не велось стенограмм. Было бы чрезвычайно интересно узнать, как великий князь вёл нелегкий дипломатический поединок с ханом. Мамай наверняка вменял ему в вину, что он ни во что не ставит ханский ярлык, ежели не пускает Михаила Тверского во Владимир, на что тот имел полное право. А что отвечал князь хану по поводу своей женитьбы, строительства Кремля, задержки дани?

Отвечал князь умно и взвешенно, потому и возвращался в Москву с ханским ярлыком и обещанием Мамая неподдерживать Михаила Тверского. Хотя ханское слово не дорого стоит. Вернее сказать, ничего не стоит: захочет и сегодня с лёгкостью отменит то, что обещал вчера.

Расположение хана обошлось недёшево: дорогие дары Мамаю, жадным, завистливым ханшам изрядно опустошили княжескую казну. Дмитрий вернулся из Орды с многими пленниками, за которых нужно было заплатить немалый выкуп. Тяготы по его сбору и выплате легли на простой народ.

Некоторое время спустя Дмитрий Иванович выкупил за 10 тысяч рублей томившегося в заложниках у Мамая старшего сына Михаила Тверского Ивана. Сумма громадная, почти равная годовому бюджету Московского княжества.

В начале 1374 года между Москвой и Тверью наступил короткий период улучшения отношений. Между ними был заключён мир. Михаил Тверской уступил земли Владимирского княжества, некогда захваченные им, внёс выкуп за сына, и Дмитрий отпустил Ивана к отцу.

Слово летописцу: «Того же лета по малех днии Божиєю милостию сътворися мир и любовь великому князю Михаилу Александровичу Тверскому с великим князем Дмитрием Ивановичем Московьским, и сына его князя Ивана князь велики Дмитрей Ивановичъ с любовию отпустил из Москвы во Тверь, а князь велики Михайло Александрович Тверской с княжения своего наместники

свел, и бысть тишина и от уз разрешение христианом (д. б. пленников отпустили), и радостию возрадовашася, а врази их облекошася в студ».

Вроде бы между двумя княжествами наступило дипломатическое и военное затишье.

Длилось оно недолго и, взорвавшись, вылилось в войну.

Всё началось, как это бывает, с события вполне мирного, печального, но не предвещавшего ничего необычного. В Москве в преклонных годах скончался один из наставников Дмитрия Ивановича в его детстве и отрочестве, тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов. Тысяцкий по значимости и объёму власти занимал второе место в Москве, да, пожалуй, и в государстве. В руках его сосредоточивалась вся военная и гражданская власть в столице. В былые годы такое положение было терпимым. Но княжество росло, росла и власть тысяцкого, со временем он стал могущественнее многих князей, иногда при отъезде князя из Москвы замещал его и становился опасен для великокняжеской власти. (Например, в Европе мажордом Пипин Короткий стал королём, свергнув своего господина и основав династию Каролингов.) Становясь всё более самостоятельным, Дмитрий иногда ощущал противодействие тысяцкого и не хотел ни с кем делить власть.

Должность тысяцкого передавалась по наследству. Преемником Василия Вельяминова стал его сын Иван, ожидавший, что тысяцким будет он. Надеждам его не суждено было сбыться.

Указ великого князя упразднил должность тысяцкого, распределив его обязанности между ближними боярами.

Обиженный, оскорблённый Иван Вельяминов не нашёл ничего лучшего, как бежать из Москвы.

Этобыла государственная измена. Поступая к великому князю на службу, уроженец Московского княжества или приезжий из других краёв (как Дмитрий Боброк Волынский, происходивший из Волынского княжества) целовал крест и давал клятву служить князю «честно и грозно».

Крестоцелование можно было сложить и перейти на службу к другому князю. Сделать это было очень затруднительно, но всё-таки возможно.

Однако уйти самовольно значило бросить вызов великому князю, открыто презреть крестоцелование и торжественную клятву.

И бежал он не куда-нибудь, а в Тверь, к Михаилу Александровичу, с которым у Дмитрия Ивановича хоть и был мир, но мир шаткий и ненадёжный, что и показали последовавшие события.

Иван Вельяминов бежал не один, с купцом-сурожанином Некоматом. Мечты о великом ярлыке на Владимирское княжение вспыхнули в душе Михаила Александровича, как тлевший костёр, в который бросили сухих веток. Недолго раздумывая, он послал в Москву гонца с вестью о расторжении мира, а беглецы уже спешили по его приказу в Орду — просить у Мамая ярлык для Михаила.

Мамай, готовый при любой возможности посеять раздор между двумя наиболее влиятельными русскими князьями (чем дольше усобица, тем сильнее ослабеет московский князь), с охотой дал ярлык на великое княжение посланцам Михаила. Мамай помнил слова хана Узбека: владимирский ярлык — это игральная кость. Пусть русские псы грызутся за неё.

13 июля в Тверь из Орды вернулся Некомат с послом Мамая Ачихожей, привёзшим князю Михаилу ярлык. Монах в келье грустно заносит в летопись: «на великую погибель христианскую граду Тфери».

Великий князь Дмитрий действует молниеносно. Он рассыпает гонцов в соседние княжества, и к Волоку Ламскому сходятся рати, чтобы наказать тверского смутяна. Пришли сузdalско-нижегородская рать, ополчение из Ростова, дружины из Ярославля, из Мологи, из Стародуба.

Такое же воинство собиралось, когда Иван Даниилович Калита подневольно, по приказу из Орды, собирал войско против Александра Тверского. А сейчас все собрались добровольно, *против воли Орды*, чтобы отменить прихоть Мамая, «чтобы объявить Михаилу Тверскому: Русь не желает себе такого, как он, князя Владимицкого. Ныне у неё есть другой господин, ей, а не ордынцам... угодный».

(Лошиц, 199.)

Московское войско подошло к Твери. Михаил рассчитывал на помощь Ольгерда, и тот двинулся было, но, услыхав о величине московского войска, остановился.

Войско Дмитрия осадило Тверь, сделало приступ, но Тверь взять не смогло, а когда чуть отступило, тверичи сделали удачную вылазку, какие туры поsekли, какие пожгли и побили много людей. Но больше ничего Михаил добиться не мог, помошь не приходила, а войска Дмитрия опустошали окрестности.

«Собравшаяся против Твери коалиция была весьма внушительна по своей численности и силе. Но ещё внушительнее, — считает И. У. Будовниц, — был самый факт совместного выступления всех русских князей под руководством Москвы. Современникам был вполне ясен исторический смысл этого союза, всем остирём направленного против самого опасного и смертельного врага Руси — Золотой Орды». (Прохоров, 36.)

Слово летописцу: «А князь великий Михайло Александрович затворися во граде Твери, а князь великии Дмитрий Иванович Московский стоял со всеми силами под градом Тверью четыре недели, и посад весь пожгла, и власти и села повоеваша и пожгла, и имение их все взяша, а самех инех избиша, а иных в полон поведоша многое множество, а град Тверь острогом оградиша, а чрез Волгу два мосту великиа сътвориша».

Дни шли, московские войска продолжали разорять окрестности. Михаил сдался на милость победителя.

Слово летописцу: «И посла (Михаил) к великому князю Дмитрию Ивановичю изо Твери владыку Евфимия и старейших и нарочитых бояр своих с челобитием, прося мира о во всю волю даяся. Он же видев покорение его себе, и не

восхоте разорения граду и кровопролития христианского, и взя с ним мир по всей своей воле, и тако докончаша, и грамоты пописаша, и отступиша от града, и разыдошася кожно в свояси».

Тогда Михаил отправил к Дмитрию владыку Евфимия и бояр с просьбой о мире. Михаил видел, чем дольше длится осада, тем больше его владения подвергаются разорению. Он вынужден был просить епископа Евфимия пойти к Дмитрию и просить мира и милости.

По условиям мира тверской князь считался младшим братом Дмитрия. И следовательно, если великий князь Московский или его брат выступят в поход, то и тверской князь садится на коня; если великий князь пошлёт своих воевод, то и тверской обязан послать. Михаил обязался не искать ни Московского, ни Новгородского княжения, обязался не искать великого Владимирского княжения и не принимать его от татар, также Кашинское княжество становилось независимым, что особенно было тяжко для Твери. Ибо одно княжество делилось на две части.

Уже не раз было, что они мирились и крест целовали, а всё начиналось сызнова. В этот раз Дмитрий выдвинул суровые условия мира: Михаил признаёт главенство московского князя, отказывается от притязаний на велико-княжеский стол, если придут татары или сам Дмитрий пойдёт на них, Тверь должна идти биться против них. То же самое относилось и к Литве.

«Михаил вынужден просить мира. И ещё раз сверкнул необычными для того времени гранями характер Дмитрия

Ивановича. Никто не мог спасти Михаила от гибели. Тверь могла быть взята приступом. Михаила ждала гибель. Дмитрий Иванович не жаждет крови соперника, он бережёт русских людей. Князь Михаил остаётся великим князем Тверским, он по договору теперь всего лишь “молодший” брат московского князя». (Шахмагонов, 40.)

Договор оговаривал неприкосновенность недвижимого имущества всех «бояр и слуг», перебежавших во время конфликта из Москвы в Тверь или обратно, за исключением двух человек — тех, от которых «огнь загореся» и началась «христианьская напасть»: Ивана Васильевича Вельяминова и Некомата Сурожанина.

Тверской князь Михаил принужден был также этим договором признать великое Владимирское княжение наследственным достоянием московского князя, а «это означало, что оно перестаёт быть объектом пожалования золотоордынских ханов, что последние лишаются верного средства вносить сумятицу и путаницу в политические отношения Руси, в кровавых раздорах за великое княжество сталкивать лбами русских князей, вымогать у них дополнительные дани, искусственно дробить и ослаблять русские земли». (Прохоров, 38.)

Наказание Твери разгневало и Мамая, и Ольгерда, но большого похода они предпринять сейчас не могли.

Слово летописцу: «Того же лета (1376) Татарове Мамаевы приидоша ратью в Нижней Новъгород, глаголюще: “почто есся ходили ратью на великаго князя Михаила Александровича Тверскаго?” И тако всю землю Новаго-

рода Нижняго поплениша и с многим полоном возвратившися в Орду» (с такой формулировкой говорится о походе Ольгерда на Смоленск, а потом татар под Новосиль).

Тут же и о словах в договоре: «Если мы пойдём на них!» Это уже не тайные думы в княжеском тереме, слова написаны в договоре с князем Михаилом, который легко сносится с Ордой, это уже и не намерение, это звучит как решённое дело». (Шахмагонов, 40.)

Этот договор был справедливо охарактеризован А.Е. Пресняковым как «крупный шаг в деле территориально-политического самоопределения Великороссии, постепенно определявшей свой национально — политический состав»: «Накануне Куликовской битвы великому князю удалось порвать связи Твери с Литвою и Ордой, привести её как часть великорусского политического целого к признанию своей великокняжеской власти». «Отныне военные ресурсы Тверского княжества были повернуты против Золотой Орды и Литвы». (Прохоров, 38.)

Так счастливо для Москвы кончилась борьба с Тверью, то есть с Литвою по поводу Твери. Однако на Куликовом поле тверичей не было; пришла только небольшая дружина из Кашина.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ДЕЛА ЛИТОВСКИЕ

Литва ли, Русь ли.

Что гудок, что гусли.

Русская поговорка

Удивительная наука — историческая география. Нет увлекательней занятия, чем рассматривать карты минувших времён, следить, как изменялись границы государств, как на малый срок возникали одни государства, с шумом рушились в пропасть исторического небытия другие, как продолжали жить вопреки невзгодам, войнам, нашествиям иноплеменных трети, развиваться, расти и крепнуть.

Право, такие занятия интереснее, а главное, душеполезнее чтения любого самого расхваленного, разрекламированного детектива. В детективе всё выдумано, нарочито закручено, обострено, а здесь, на карте, всё — правда, за начертанием новых, изменившихся границ внимательный читатель увидит судьбы народов, для которых порою новый изгиб линии границы оплачивался их кровью и страданиями.

Помню, когда я впервые прочитал выражение «Великое княжество Литовское», то невольно снисходительно улыбнулся. Великое княжество? Да вся Литва — это не

более чем малозаметная припёка сбоку увесистого советского каравая⁹.

Но так было не всегда. Погружаясь в глубины XIV века, мы должны забыть всё, к чему привыкли с детства, что со школьной скамьи приучены видеть на картах и глобусах. Мы должны напрочь забыть о той стране, про которую советские солдаты пели в строевой песне:

Храним её мы свято
От Братска до Карпат...

Мы должны представить государство средних размеров, быть может, чуть больше современной Московской области. Это и будет Великое княжество Московское. К югу от него разместилось княжество Рязанское, на северо-востоке расположилось Великое княжество Тверское, на севере раскинулись владения Господина Великого Новгорода, а западнее от побережья Балтийского моря почти да самого моря Чёрного тысячевёрстной полосой протянулось на юг Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтийское, ибо так именовалось оно.

Великое княжество Литовское включало в себя нынешнюю Белоруссию, почти всю Украину, русские города Смоленск, Брянск, превосходя таким образом и по площади, и по населению Московское княжество.

⁹ Великое княжество Литовское во второй четверти XIV в. имело территорию в 650 тыс. кв. км. Литовская ССР в 1989 г. занимала площадь в 65 тыс. кв. км (0,3 % площади СССР).

В описываемый период Русь ещё только начала приблизяться к Уральскому хребту.

Как же стало возможным возникновение такого могущественного Литовского княжества? Только в результате монгольского нашествия, когда государственное тело Древней Руси было разрублено на северную и южную части.

Соразмерно территории и народонаселению соответствующими были самомнение и притязания великого князя Ольгерда Литовского.

Три похода предпринял Ольгерд против князя Московского. Все они имели тверскую подоплеку. Но было бы ошибкой думать, что Ольгердтратил свои силы и средства только ради того, чтобы угодить Михаилу Тверскому. Тверь была прикрытием, ширмой, укрываясь за которой он мечтал совершить великие дела. Но совершить ему удалось немногое. И главным препятствием на его пути оказалась Москва, чего он никак не ожидал.

Весомы были притязания Ольгерда и широкообъемлющи его замыслы. Не князя Московского, не князя Тверского, а себя видел он собирателем и объединителем всех русских земель вокруг Литвы. И имел на это все основания. Кто, как не он, в 1362 году разбил на Синих Водах войско трёх татарских ханов? Это было первое их поражение на землях Древней Руси. Кто, как не он, князь Ольгерд, предпринял более двадцати походов против крестоносцев Тевтонского ордена, воюя за древние жемайтийские земли? Кто, как не он, намного развинул границы Литовского княжества?

Если бы не промысел Божий о Руси, вполне вероятно, что сердце нашей Родины билось бы не на берегах Москвы, а на берегу Немана. Ведь за верховенство на русских землях боролись родственники. Великий князь Московский Симеон Гордый (дядя Дмитрия Ивановича) был женат на сестре Ольгерда Айгусте.

Поэтому Ольгерд так охотно откликнулся на моление Михаила Тверского о помощи и, не мешкая, собрался в поход (1368 г.). Приезд Михаила был для Ольгерда подарком судьбы. Беспричинно вторгнуться в Московское княжество было нельзя, а в случае с Михаилом он выступал борцом за справедливость, вразумителем обидчика.

Чутьё старого вояки предвещало ему хорошую жизнь.

«Князь Дмитрий, — мог рассуждать Ольгерд, — в военном деле глуп. Митрополит Алексий опытен как иерарх и политик, но в военном деле недалеко ушёл от князя. Среди ближних бояр Дмитрия нет ни одного воеводы с громким военным именем».

Старый, испытанный воин, Ольгерд славился тем, что готовил свои планы скрытно даже от своих ближайших сподвижников. Если о его планах не знали сподвижники, не знали о них и враги. Ольгерд удивлял, ошеломлял врага внезапностью. Его не ждут, а он тут, рядом.

Первый поход, за исключением неприятного момента в самом конце, протекал под диктовку литовского князя. Известие о появившейся в княжестве литовской рати поразило Дмитрия как гром среди ясного неба. Больших сил

у него под рукой не было, он разослал гонцов собирать их, а сам в надежде хотя бы задержать продвижение литовцев двинул им навстречу слабосильный сторожевой полк, который 21 октября у реки Тросны Ольгерд без особого труда разгромил и рассеял.

Ждать, когда подойдут войска из соседних княжеств, было некогда, нужно спасаться, и Дмитрий с митрополитом Алексием, двоюродным братом Владимиром Андреевичем, москвичами и жителями подгородных деревень заперся в Кремле.

Новопостроенной крепости предстояло боевое крещение.

Слухи о построенном Дмитрием новом Кремле доходили до Ольгерда. Их привозили литовские купцы и пронырливые соглядатаи, которых он посыпал разведывать, что творится в Москве, о чём толкует народ. Постройка не была новостью для него.

Но, когда во главе войска он выехал из леса и Кремль воочию предстал перед ним, один вид его поразил Ольгерда прямо в сердце. Дожди, ветры, долгие морозные зимы ещё не успели наложить свой отпечаток на Кремль, не обветрили, не пригасили белоснежности добытого из недр земных камня, и Кремль величаво сиял в лучах прорвавшегося из-за туч солнца. Картина была великолепная, глаз не оторвать. Словно белое облако опустилось на землю и застыло, отливвшись в грузные очертания башен и снеговую линию стен. Не ожидали увидеть такую красоту и воины литовского князя. Войско остановилось

без команды, и все: литовцы и жмудины, поляки и русские — словно зачарованные смотрели на представшее им невиданное чудо. И Бог ведает, может быть, в сердце Михаила Тверского, перебиравшего поводья коня, шевельнулось чувство гордости за московского князя: какую же лепоту-то он соорудил!

Опытным взглядом полководца Ольгерд оценил не-приступность твердыни. Её можно было взять только штурмом. Но для этого не было главного — штурмовых лестниц, а изготовить их было не из чего, по приказанию Дмитрия вокруг Москвы были повсеместно сожжены все строения. Штурмовали города также при помощи «примета» (от слова «приметать», т.е. подкинуть к стенам), материал для которого нельзя было найти по той же причине.

Глядя на Кремль, Ольгерд в тот же миг понял, что поход окончился неудачей, ни одна из целей не достигнута: войско московского князя не разбито (сторожевой полк не в счёт), он не приневолен к переговорам, Кремль не взят, а уходящий от неприятельской крепости полководец, не сумевший ни взять её, ни продиктовать свою волю побеждённому противнику, не может говорить об одержанной победе.

Три дня стоял литовский князь у кремлёвских стен. Дольше стоять было нельзя, каждый день, проведённый у Кремля, — это день позора.

Досада и бессильная ярость Ольгерда были велики. Он, бесстрашный рубака, умелый строитель ратей, бив-

ший самих закованных в железо крестоносцев, уходит, не справившись с не умеющим воевать князем. Только этой яростью Ольгерда можно объяснить те неслыханные в отношении Руси зверства, которые сопровождали отход литовского войска. Литовцы без жалости уничтожали всё на своём пути: сжигали жильё, угнали скот, убивали всех, кто попадал под руку, угнали огромное количество людей всех возрастов в плен.

Потрясённый летописец записал, что только татары поступали так. Народ назвал это время литовщиной.

Поход Ольгерда был первой настоящей военной кампанией князя Дмитрия. Походы против князя Михаила были всего лишь демонстрацией силы и намерений, до боевых столкновений дело так и не дошло.

Наблюдая со стен Кремля за вражеским войском, он проходил курс военного училища и академии. Каждый новый поход, каждая боевая схватка что-то прибавляли в его копилку военного опыта. Он учился войне в боях, в долгих походах под палящим солнцем и под проливным дождём. Весь этот опыт пригодится в битвах на реке Воже и поле Куликовом.

В сентябре 1368 года Дмитрий увидел, как важна на войне внезапность. И в то же время понял, что необходимо принять срочные меры, чтобы эта внезапность не повторилась. Надо создавать охрану рубежей княжества, вести постоянную, а не временную, от похода к походу, разведку. В результате уроков первого похода Ольгерда было организовано некое подобие нынешней совре-

менной генеральной службы, учреждены постоянные сторожевые посты.

В 1369 году Ольгерд опять воевал с Тевтонским орденом. Пока Ольгерд бился с немцами, Дмитрий отправился воевать Смоленское княжество, удержал за собой Ржев, захватил Калугу, Мценск.

Ольгерд не мог оставить это безнаказанным и вторично собрался в поход на Москву. На походе настаивал Михаил Тверской, да и жажда реванша точила душу литовца.

26 ноября 1370 года литовское войско вместе дружиной тверского князя двинулось на Москву. К изумлению Ольгерда, теперь поход протекал не так гладко, как первый раз. Несмотря на меры предосторожности, войско его было обнаружено: все русские деревни, через которые оно проходило, были пусты, жители, предупреждённые о приближении вражеского войска, прятались в лесах. Когда Ольгерд подошёл, как и в прошлый раз, к Волоку Ламскому, он обнаружил, что теперь город готов к осаде. После двухдневной бесплодной осады Ольгерд направился к Москве. События продолжали повторяться. На этот раз Ольгерд стоял под Москвой восемь дней, на штурм так и не решился, но, чтобы сохранить лицо, завязал с Дмитрием Ивановичем переговоры. Литовский князь просил заключить мир между княжествами и предложил, как залог искреннего дружелюбия, выдать за князя Владимира Андреевича свою дочь Елену.

Дмитрий Иванович мир заключать отказался, согласившись только на перемирие, что означало тогда и

означает сейчас приостановку военных действий. Перемирие заключили до 29 июня 1371 года. Также в тексте перемирия были пункты, по которым Михаил Тверской лишился поддержки Ольгерда.

Когда читаешь летописи, исторические труды с описанием походов князей, сражений, заключений договоров и их нарушений, обманов, именующихся или дипломатическими уловками, или военными хитростями, на память приходят исторические хроники Шекспира. Наши летописи, наша история ничуть не менее интересна и увлекательна, с точки зрения исторического романиста или драматурга. Но если хроники Шекспира или описания войны Алой и Белой розы читаются с интересом, то при чтении отечественных летописцев ловишь себя на мысли, что читать это тебе грустно и больно. Какое мне дело до англичан, до Ланкастеров и Йорков, до того, как они резали, топили, душили, травили друг друга, для меня они чужие люди, а здесь-то свои, родные, русские, жалко их и через сотни лет.

В 1371 году Михаил Тверской поехал в Орду за ярлыком, возвратился с искомым предметом и татарским послом Сары-Ходжой.

В начале 1372 года шумно и весело отпраздновали женитьбу князя Владимира Андреевича на Елене Ольгердовне, что вовсе не помешало её отцу дождаться истечения срока перемирия и летом 1372 года пойти в третий раз походом на князя Дмитрия Ивановича и новоиспечённого зятя. Настойчив был великий князь Литовский, всё-таки

хотел добиться своего, склонить московского князя под свою волю, окончательно расставить все точки над «и»¹⁰.

Поход окончился полным провалом, точки расставлял московский князь, и Ольгерд убедился в незаурядном государственном и военном уме Дмитрия Ивановича, в его способности быстро учиться и не повторять промахов.

Литовское войско встретили, едва оно пересекло границу княжества Московского. Ольгерд в бою старался всегда ударить первым, чтобы стать хозяином положения. Но Дмитрий Иванович опередил его и нанёс столь сокрушительный удар по сторожевому полку, что тот был смят и побежал. С великим трудом восстановив порядок, Ольгерд отвёл полк на другую сторону оврага. Дмитрий Иванович не преследовал врага. Историки говорят, что в этом сказалась его неопытность, нерешительность, он мог бы истребить растерявшегося противника, но ничто не мешает нам предположить, что князь Московский просто не хотел лишней крови: ведь перед ним были не татары.

Несколько дней два войска стояли друг против друга на берегах глубокого оврага. Наступление любого войска вело к его неизбежной гибели.

Для Ольгерда, пользовавшегося славой бывалого и удачливого воина, было позорным такое стояние. Третий раз он идёт походом на Дмитрия, которого, как воина,

¹⁰ Выдавая свою дочь за Владимира Андреевича, Ольгерд, быть может, рассчитывал обрести в нём союзника, но посечь разлад между братьями ему не удалось.

он считал гораздо слабее себя, и всё безрезультатно, он не может одержать внушительной победы над молодым московским князем. Получалось по русской пословице: пошёл по щерстя, а вернулся стриженым.

Поход 1372 г. закончился неприятным для литовцев перемирием в Любутске, по которому тверской князь Михаил обещал возвратить Дмитрию все занятые им московские города. Ольгерд не должен был вступаться за Михаила, все жалобы на тверского князя передавались на рассмотрение ханского суда. Влияние Литвы на Тверь окончательно прекратилось, князь Дмитрий мог быть спокоен за границы своего княжества с тверского и литовского направлений.

«Заключённое в 1372 г. соглашение положило конец попыткам литовских князей вмешиваться в политическую жизнь княжеств Северо-Восточной Руси, чтобы подчинить их своей власти и влиянию. В упорной борьбе Дмитрий Иванович (!) не только остановил литовское наступление, но и вырвал из-под литовского влияния княжества Черниговской земли, расположенные в верховьях Оки. Тем самым для русских земель данного региона была обеспечена возможность самостоятельного развития». (Православная энциклопедия, 119.)

А для литовского князя итогом трёх походов было осознание того, как вырос, возмужал московский князь и какую он приобрёл силу. Даже язык летописи свидетельствует об этом. Если после первого похода Ольгерд неспешно возвращался в Литву, безнаказанно творя, что

ему вздумается, то после второго уходил, озираясь, то есть опасаясь преследования и удара с тыла, в третьем и вообще побежал.

Ольгерд уяснил, что больше голыми руками Дмитрия не возьмёшь. Этот отрезвляющий эффект сработал в 1380 году, когда Великим княжеством Литовским правил сын Ольгерда Ягайло. Ягайло, согласно источникам, не очень торопился на соединение с Мамаем. Третий поход его отца имел для литовского войска тот же отрезвляющий и долговременный эффект, какой имели для японской армии бои на реке Халхин-Гол в 1939 году, не решившейся впоследствии напасть на СССР.

После Любутского договора минуло 7 лет, из Вильно пришла весть: умер князь Ольгерд. Хоронили его по языческому обряду, тело сожгли на костре, на костёр возложили рыцарские княжеские доспехи, саблю, копьё, сожгли также 18 боевых коней. Из сосновых брёвен устроили сруб, куда положили князя и всё, что предназначалось ему для последнего похода — в загробный мир. Затем сруб подожгли.

Престол его наследовал сын Ягайло. Другому сыну Ольгерда — Дмитрию — службы в Литовском княжестве не нашлось, и он пришёл в Москву, попросившись на службу к князю Дмитрию.

Дмитрий Иванович принял его с великой честью, сразу дал в княжение город Переяславль. Потомок Ольгерда был принят не как простой перебежчик, а как удельный русский князь.

Этим жестом Дмитрий Иванович приглашал к себе на службу и других литовских (и не только литовских) князей. Пришёл на службу в Москву и брат Дмитрия Ольгердовича Андрей. Оба они стали героями великой Куликовской битвы..

Как много в истории наших народов примеров братства по оружию, когда мы вместе в одном строю бились против общего врага, но нам навязывают случаи, когда мы воевали друг против друга, а сердца наши пылали злой и ненавистью.

Через тридцать лет после Куликовской битвы, где заодно с русскими за русскую землю дрались литовцы, в едином ополчении под командой польского короля Ягайло и литовского великого князя Витовта в бою с немецкими крестоносцами сошлись русские полки из Смоленска и Брянска. В критический момент битвы, когда крестоносцы потеснили литовские хоругви и уже праздновали победу, положение спасли русские полки, стойко отбивавшие все нападки врага. Там, на поле Грюнвальда, решались судьбы Польши и Литвы.

Мы давно с литовцами в родстве, ведь не только князья женились на литовских княжнах, но и простые люди.

Но врагу рода человеческого невыгодно, чтобы народы жили в дружбе и, нам, славянским народам, предлагаю помнить не это, не общие подвиги, не совместно пролитую кровь, нас стравливают историей с мнимой оккупацией 1940 года.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ДЕЛА НОВГОРОДСКИЕ

Славен Киев-град князем ласковым
Да делами богатырскими;
Только Новгород ещё славней...
А и славен велик Новоргод,
Что людьми торговыми да своей вольной волюшкой.
Opera «Садко»

Нас, русских, частенько укоряют в отсталости (экономической, политической и культурной), изображают Россию тысячелетней работой и многозначительно кивают в ту сторону, куда заходит солнце: вот, дескать, посмотрите, как люди-то живут. Но прежде чем тянуть шею в западном направлении, полезней оглядеться вокруг, и на Руси мы увидим то же самое, чем кичится и гордится Европа. В Европе красовались королевства, герцогства да маркграфства, а на Руси были княжества. В Европе процветали Венецианская да Генуэзская республики, на Руси не уступали им духом вольности Новгород и Псков.

В Новгородской республике, как и в Древнем Риме, было народное собрание (вече), сенат (именитые бояре и купцы), консулы (посадник, тысяцкий).

Сходство римского и новгородского политического устройства прослеживается легко, с учётом местных усло-

вий, конечно. Но в Новгороде не было поста диктатора, который назначался в Риме в случае важных, как правило, связанных с войной событий. Новгородцы для этого приглашали князя.

Полной, абсолютной независимости у Новгорода не было. Зародившийся на русской земле и населённый русскими, город был связан с Киевом и в определённой мере подчинялся киевскому великому князю.

Внешне могло сложиться обманчивое впечатление подчинённости Новгорода Киеву, но не раз бывало, что недовольное чем-либо вече изгоняло неугодного князя из города, а с XII века вообще выбирало князя по своему хотению.

Татаро-монголы не разграбили Новгород. Народное предание гласит, будто завоеватели из-за болот не нашли Новгорода. Эта выдумка призвана была подсластить тот факт, что вольный город платил татарам дань. В Новгород и из Новгорода в Торжок, Тверь, Москву проезжали гонцы, купцы, прочий люд, дорога была торная. Татары воевали зимой, когда не только реки, но и болота замерзали, так что дойти до Новгорода им не составило бы большого труда. Ничто не остановило бы татар. Святой князь Александр Невский за выкуп упросил не воевать город.

Тем не менее, в Новгороде вспыхнуло одно из первых восстаний против оккупантов (1257—1259), когда они хотели переписать население. Восстание подавил сам Александр Невский, чтобы предотвратить карательный поход татар.

Перетянуть на свою сторону Новгород, включить его в сферу своего влияния желали и тверской князь, и московский, и великий князь Литовский. К XIV веку новгородским князем по традиции становится великий князь Владимирский.

Поэтому, когда Дмитрий Иванович не пустил Михаила во Владимир, то он и стал князем в Новгороде.

Новгородцы сами не могли претендовать на получение великокняжеского ярлыка, но, если им это было выгодно, вступали в эту борьбу. Когда малолетний Дмитрий боролся с нижегородским князем Дмитрием Константиновичем за ярлык, Новгород неожиданно взял сторону Нижнего Новгорода, потому что московский князь, как только новгородцы начинали своевольничать, перекрывал пути подвоза хлеба к Новгороду. Новгород сам себя не мог прокормить хлебом из-за скудости местных почв и хлеб покупал. Новгородцы рассчитывали, что если ярлык получит Дмитрий Константинович, то он приструнит московского князя.

Эту же политику перехвата торговых путей с хлебом, чтобы принудить новгородцев к послушанию, вёл и тверской князь. Тогда в дело вмешивался московский князь, не дававший Новгород в обиду. Москва, соперничавшая с Тверью, нуждалась в Новгороде как в союзнике. В то же время Новгород давал Москве немалые денежные средства, которые московские князья нередко требовали от Новгородской республики в чрезвычайном порядке (так называемый «чёрный бор»).

Но чаще всего Новгород был для Москвы, как говорят сейчас, головной болью.

В древние времена купцы не брезговали разбойным промыслом. В Новгороде сформировалась особая прослойка горожан, которая только и занималась речным разбоем. Этих людей называли ушкуйниками.

Доселе ушкуйники грабили на Волге суда по выбору, не трогая ордынских купцов. Воспользовавшись «затмней» в Орде, не боясь расплаты, потому что татарам сейчас было не до них, они стали нападать на купцов, торговавших с Ордой, делали налёты на ордынские приречные городки и поселения. Безнаказанность, вера в разбойничью удачу лишила ушкуйников рассудка, они отбросили даже малейшие правила приличия. Ушкуйники стали грабить караваны русских купцов, уподобившись врагам русского народа — ордынцам.

Вскоре после свадьбы великого князя в 1366 году новгородцы предприняли большой поход на Волгу. Они напали на Нижний Новгород, а затем плыли по Волге и грабили всех подряд, не делая разбора, как иноземных, так и русских купцов. «Со многим прибытком» (Кучкин, 66) они вернулись в Новгород, где, вне сомнения, были приняты как герои. Но Дмитрий Иванович понимал, что «геройство» ушкуйников могло выйти Руси боком. Купцы пожалуются хану, и неизвестно, что предпримет очередной хозяин Орды: двинется ли на Русь походом, воспользовавшись бесчинствами новгородцев как пред-

логом для грабежа, или согласится удовольствоватьсь подарками и возмещением ущерба купцам.

«Великий князь разорвал за это мир с новгородцами, велел сказать им: “Зачем вы ходили на Волгу и гостей моих пограбили?” Новгородцы отвечали: “Ходили люди молодые на Волгу без нашего слова, но твоих гостей не грабили, били только бусурман; и ты нелюбовь отложи от нас”. (Соловьев, 285.)

Закрыть глаза на разбои ушкуйников было нельзя. Дмитрий Иванович приказал награбленную добычу передать в велиокняжескую казну и, чтобы придать своему приказу большую силу, перекрыл вооружёнными отрядами дороги, соединяющие Новгород с принадлежавшей ему Двинской землёй, а также велел взять в Вологде под стражу видного новгородского боярина Василия Даниловича Машкова с сыном Иваном. «А то не складно получается: ушкуйникам хмель, а всей Руси похмелье». (Лошиц, 91.)

Новгород поупрямился, но в следующем 1367 году пошёл на мировую. К великому князю отправилось посольство из лучших новгородских людей с поклоном, извинениями и дарами. Великий князь отправил в Новгород своего наместника и освободил боярина Машкова с сыном.

А вскоре князь Московский помог своему западному соседу.

В Новгороде случилось страшное бедствие: пожар такой истребительной силы, что от него выгорел внутри

Новгородский детинец, обрушился Владычный двор, а в Софийском соборе опалило иконы и книги.

Прослышав о таком несчастье, немцы, рыцари Ливонского ордена, начали готовиться в поход.

По старинному обычаю, великий князь Владимирский на первый же призыв Новгорода о воинской помощи должен откликнуться, прибыть сам с дружиной или, если не может, послать взрослого сына.

Старший сын Дмитрия Ивановича, Даниил, лежал ещё в пелёнках, и в Новгород с воеводами и отборной дружиной отправился Владимир Андреевич.

Дороги Владимир Андреевич выбирал окольные, дальние, шёл скрытно. Прямой путь пролегал через тверское княжество, в котором, как и в Вильно, праздновали победу¹¹, и если бы там про знали о походе Владимира Андреевича, то всемерно попытались бы воспрепятствовать ему.

В Новгороде князя Владимира приняли как дорогого, долгожданного гостя, ведь не жаловали в Новгород князья Московские.

В Новгороде Владимир Андреевич особо не задержался и выехал в Псков, где убедился: ливонская опасность наяву.

В городе Юрьеве¹² ливонцы задержали новгородских купцов. А новгородцы в свою очередь взяли под стражу немецких гостей.

¹¹ По завершении первого похода Ольгерда. Пиршественное вино, правда, горчило: Кремль-то взять не удалось. Но что об этом вспоминать.

¹² Исконное, русское название г. Тарту.

Псковское Торжище находилось сразу за городской стеной, но Владимир не увидел здесь гостей — ни немцев, ни ордынцев, ни булгар. По псковскому строжайшему правилу инородцев на Торжище не допускали¹³, чтобы не выведывали цены, установленные между своих, да не тёрлись возле градских стен, прощупывая, как в Пскове камень к камню лепят. Для заморских гостей торг был на том берегу. (Лопиц, 147.)

В прошлый год немцы подошли почти к самому городу, стояли на другом берегу Псковы не один день, но переправиться побоялись, пограбили, пожгли ближние деревни и по-волчьи исчезли в лесу.

Почти полгода пробыл князь Владимир Андреевич в псковских краях. О том, что он тут, знали теперь и в Твери, и в Литве, конечно, и среди немцев. Пусть все знают, что московский князь не оставит без внимания, а если понадобится, и без военной помощи новгородцев и псковичей. Живём мы в разных княжествах и городах, но вера у нас одна, один язык, одна судьба и одна мать сыра-земля.

Справедливо писали и пишут историки о политике татаро-монгольских ханов, натравливавших княжество на княжество, город на город.

Но надо посмотреть правде в глаза: пока всё и вся не объединила под своей самодержавной волей единая великокняжеская, а потом и царская власть, разве не было так, что княжество грызлось с другим княжеством? Было.

¹³ Какой мудрый обычай! Пора нам учиться у наших предков.

Резались, рубились друг с другом, лили православную, русскую кровь, как воду. Многократны кровавые стычки между Тверью и Новгородом за Торжок, главный пункт, через который шло снабжение Новгорода хлебом.

В 1371 году князь Михаил Александрович захватил Торжок и посадил в нём своего наместника. Возмущённые новгородцы послали ватагу ушкуйников, которые, ворвавшись в город, выгнали наместника Михаила и заодно перебили всех тверских купцов и прочих тверичей, оказавшихся в городе.

В мае 1372 года к Торжку подошёл Михаил Тверской, потребовав, чтобы горожане выдали тех, кто грабил купцов, и вновь приняли его наместников. Новгородцы решили сразиться с тверичами, но в поле воевать не умели. Ушкуйники построились для боя, однако не сдержали и первого натиска тверичей, бросились бежать, одни побежали по новгородской дороге, другие заперлись в Торжке. Михаил приказал поджечь посад, ветер дул на город, и вскоре он весь заполыхал. Тверское войско ворвалось в город, начались убийства, грабежи и насилия. Воины раздевали женщин донага, те бросались со стыда в реку и тонули...

Слово летописцу: «Иконы окладов и всякого серебра много побрали... Святые церкви пожжены, город весь пуст; и от поганых никогда не бывало такого зла; убитых, погорелых, утопших наметали пять скудельниц, а иные сгорели без остатка, другие потонули и без вести поплыли вниз по Тверце».

Новгородцы издревле гордились своей вольностью. Но вольность хороша, если она не ущемляет и не презирает чужую свободу. Ушкуйники же чужую свободу не ставили ни во что.

«Между тем, — пишет С.М. Соловьёв, — разбой новгородской вольницы не прекращались: в 1369 году осенью шло 10 ушкуев (разбойничьих судов), а иные шли Камою... В следующем году дважды ходили новгородцы Волгою и много зла наделали. В 1371 году ушкуйники разграбили Ярославль и Кострому. В 1374 году разбойники в 90 (!) ушкуях разграбили Вятку, потом взяли Болгары и хотели зажечь город, но жители откупились в 300 рублей... В 1375 году, когда великий князь Дмитрий стоял под Тверью, новгородские разбойники на 70 ушкуях под начальством Прокопа... явились под Костромой...» (Соловьёв, 286.)

Здесь мы прервём цитирование и обратим внимание на то, что историк прямо называет ушкуйников разбойниками.

Имя «ушкуйники» овеяно романтикой. Оно происходит от названия быстроходного, особого рода речного судна — ушкуй. Прислушайтесь, что-то в этом слове звучит от «шкуки», чутся в нём что-то злобное и хищное.

Но в крови, в страданиях, в слезах жертв бандитов, в какую бы эпоху они ни жили, ничего романтичного нет. В сущности, ушкуйники и пираты одно и то же, только классические пираты душегубствовали на морях и океанах, а театром действий новгородцев была преимущественно Волга.

Народ хранит в памяти своей имена святых угодников, полководцев, государственных мужей, рядовых воинов от витязей Куликова поля до героев Великой Отечественной войны, предпочитавших умереть под пытками (Ю. Смирнов), а не выдать военную тайну. Но ни одного имени разбойника не хранит память нашего народа. Русский православный народ понимает, что не бывает благородных Робин Гудов, разбой — это разбой. А благими намерениями (и благородными разбоями) вымощена дорога в ад. Есть только один разбойник, живущий в народной памяти, да и тот только потому, что раскаялся в злодействах своих и «сам Кудеяр в монастырь пошёл, Богу и людям служить»¹⁴.

Поход, цитату о котором мы прервали, закончился для ушкуйников позорной и лютой смертью.

Хотя ничто не предвещало этого. Сначала им благоприятствовала удача, или на воровском языке — фарт. Ушкуйники числом около двух тысяч высадились у Костромы. Городской воевода Плещеев с пятитысячной ратью стал супротив их. Главарь ушкуйников, обладавший воинской смекалкой, отделил часть своего отряда и направил его в обход. Пока большая часть ушкуйников дралась с войском воеводы, другая часть обошла ко-

¹⁴ Иногда ушкуйников называют землепроходцами. Но ими можно назвать отряд Ермака Тимофеевича, позднее отряды Дежнева, Хабарова. Люди шли на восток, в далёкую Сибирь, не ради корысти, не из-за стремления поживиться, набить мешну и прогулять награбленное, а открыть новые земли, узнать неведомое, распространить веру Христову.

стромичей с тыла. Целую неделю потом после побоища ушкуйники пировали в Костроме, грабили, пили и гуляли напропалую. Взяв многочисленный полон и богатую добычу, разбойники двинулись вниз по Волге. Добыча была так велика, что ненужные им вещи они бросали в реку. Ограбив и зажегши Нижний Новгород, в Булгаре они продали костромских женщин и девушек и поплыли до самой Астрахани, грабя встречные и попутные суда без разбора. Астраханский хан, возможно, не знал русской поговорки: «С волками жить — по волчьи выть», но поступил сообразно ей. Разузнав о богатой добыче, награбленной разбойниками, он принял их, как желанных гостей, устроил обильный пир и, когда ушкуйники упились, приказал слугам перерезать всех до единого. Возможно, и сам не побрезговал этой забавой.

Вроде бы положено посочувствовать землякам, павшим жертвами коварного азиата, но не сочувствуется.

«Никакая другая торговля на Чёрном море в XIV—XV вв., — писал наш великий хранитель памяти В. Чивилихин, — не могла сравниться по важности с поставкой рабов в Египет. В работорговле Золотой Орды с Египтом, Сирией, Италией и Францией основным товаром были женщины. Самая большая цена была заплачена за семнадцатилетнюю русскую девушку — 2093 лиры, а самый ходовой товар сбывался по цене 136—139 лир». (Чивилихин, 647.)

Кто поручится, что та невольница, проданная, как вещь, на утеху и забаву неведомому богатею, не была девушкой из Костромы?

Слово летописцу: «Такову кончину прияша воевода Прокофей и другий воевода Смолнянин со всею дружиною их; в нюже меру мершиа, возмерися им».

Москва гневалась на Новгород, случалось, и собирала против него рать, мирилась с ушкуйниками, как с неизбежным злом, но в то же время понимала: другого щита против нашествия с запада у Руси нет.

А Новгород лавировал между сильными соседями, стараясь не быть явно на чьей-то стороне. Приглашая к себе князя из Москвы, новгородцы не порывали связей и с Литвой, то заигрывали, то дрались не на живот, а на смерть с Тверью.

Так обстояли дела в западной части русских земель перед надвигавшимся на Родину смертельным испытанием.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. РЯЗАНСКИЕ ДЕЛЫ

Подступал тута царь Бахмет турецкий,
И разорял он старую Рязань — город подлесную,
И полонил он народу во полон сорок тысячей,
Увёл весь полон во свою землю.
Авдотья Рязаночка. Баллада.

Страдалица — земля русская. Что довелось ей испытать и пережить в годину монгольского нашествия, не пережил и не испытал ни один народ в мире. Но и на этой земли был особый, многострадальный уголок. Это — Рязанское княжество.

К нему, первому русскому городу, в декабре 1236 года подошли несметные орды сытых кровью и убийствами степняков. Глядя на обыкновенные бревенчатые городские стены, монголы предвкушали: разнесут их стенобитными машинами, и наступит час мщения. Ведь дерзкие послы местного князя на требование отдать десятую часть всего, чем они владеют, ответили: «Когда никого из нас не будет, всё будет ваше».

Пять дней продолжался непрерывный штурм Рязани, на стены рядом с обессилевшими, изнурёнными воинами вышли их жёны, сёстры, мальчики-подростки. Они бросали вниз камни, рубили топорами, кололи вилами лезущих, подобно саранче, врагов.

Город пал. На улицах не было слышно ни плача, ни рыданий, всюду лежали мертвецы: кто не погиб в бою, не сгорел в пожарах, тех настигла кривая сабля или стрела.

Рязань не возродилась, не восстала из пепла. Жители основали город на новом месте.

Божиим промыслом место, где впервые пролилось столько русской крови, крови воинов, священников, женщин и девушек, невинных детей, стало сакральным, священным. Здесь не должны больше звучать песни и пляски, веселье должно умолкнуть здесь навсегда. Люди тут не живут, сюда приезжают археологи, и только они через века видят свидетельства общегородского подвига: разрубленные татарскими саблями черепа, толстый слой пепла от горевших храмов и домов, нательные кресты, остатки посуды, утвари.

Но, несмотря на перемену местожительства, всё равно не было в ту пору княжества более многострадального, несчастного, чем княжество Рязанское. Всю свою злобу, досаду на неудачи с княжеством Московским ханы выменивали на нём.

Все грабительские набеги, что учиняли татаро-монголы, начинались с рязанской земли. Сюда с визгом и воем врывались конные отряды, грабили, жгли и несли дальше мучение и смерть.

Первыми пострадали рязанцы, первыми приняли муки, но, пожалуй, и одними из первых стали давать отпор захватчикам, давать острястку.

В 1365 году на Рязанское княжество налетел хан Тагай. Много пограбил, захватил большой полон и сжёг Переяславль-Рязанский. Князь Олег не смог сразу сразиться с врагом и, только соединившись с Владимиром Пронским и Титом Козельским, пустился за татарами в погоню. Русские дружины догнали грабителей у Шишковского леса и с ходу атаковали их. Татары, не успев развернуться в боевой порядок, смешались, но выпрямились. Бой, как заметил летописец, был лютый. Русские не жалели себя, татары не хотели уступать. И всё же наша взяла, воины Тагая не устояли, обратились в бегство. Бежал с ними и Тагай, только так он спас свою жизнь. Хотя неизвестно, что было бы, если б он остался жив и попал в плен. Может быть, его обменяли бы на какого-нибудь знатного русского, захваченного татарами в плен, может, отпустили бы за выкуп.

Князья праздновали полную победу, едва ли не первую со времён легендарного Евпатия Коловрата, тоже рязанца.

С Московским княжеством Рязань жила в добром согласии, делить им пока было нечего, на ярлык Рязань не претендовала, их взаимоотношения не шли в сравнение с тверскими, были спокойнее и миролюбивее. Во втором походе Ольгерда рязанские полки пришли на помощь московскому князю, однако в 1371 году по неизвестным причинам согласие нарушилось. Дело дошло до войны.

14 декабря 1371 года велиокняжеская рать ушла на Рязань. Великий князь поручил её возглавить Дмитрию

Михайловичу, недавно перешедшему на московскую службу. Потомкам он известен как воевода Боброк.

Рати сошлись у Скорнищева. Рязанцы, закалённые в боях и стычках с татарами, посмеивались над московскими ратниками, бахвалились, что возьмут их голыми руками. Удивительно, но в захваченном после битвы рязанском обозе нашли много верёвок, которыми рязанцы намеревались вязать пленников. Самоуверенность не доводит до добра, к тому же известно, что боятся воины, а воюют воеводы. Дмитрий Михайлович Боброк был искуснее рязанца. Войско князя Олега потерпело сокрушительное поражение.

Князь Олег укрылся в потайном месте в глухих лесах, где он имел обыкновение скрываться, когда на Рязань нападали татары, а сопротивление было, очевидно, бесмысленным.

Дмитрий Иванович использовал победу в своих интересах, занял Рязань, но присоединить Рязанское княжество к Московскому у него не было сил. И воевать пришлось **со** всем княжеством: рязанцы любили своего князя. А ввязываться в длительную, с неясным исходом кампанию Дмитрий Иванович не захотел. На рязанский стол он посадил двоюродного брата Олега князя Владимира Дмитриевича Пронского. Это была ошибка, которая принесла горе пронекому князю. Накопив сил, Олег прогнал брата, ставленника Москвы, и жизнь его, скорее всего, насильственно прервалась, летописи больше не упоминают о нём.

В 1373 году татары из Мамаевой Орды опустошили Рязанское княжество; великий князь Московский всё лето простоял на берегу Оки и не пустил татар на свою сторону.

К лету 1373 года относятся первые признаки готовности Москвы пойти на военный конфликт с Мамаем.

Слово летописцу: «Того же лета (1373 г.) прииодша Татарове ратью из Орды от Мамаа на Рязань, на великого князя Олга Ивановича Рязанского, и грады его пожгоша, и людей много множество избиша и плениша... А князь велики Дмитрей Ивановичъ Московъский събрася с всею силою своею и стоял у реки Оки на брезе, и брат его, иже из двоюродных, князь Володимер Андреевичъ прииде к нему из Нижнега Новагорода на брег ко Оке реке, и татар не пустиша...»

С высокого окского берега Дмитрий Иванович видел пожары, скакавшие вдали по полям и дорогам татарские отряды, но предпринять что-либо не мог. Малейшая стычка могла подтолкнуть Мамая к большой войне, к которой Московское княжество было не готово. Но сам факт появления московского войска, как заслона, преграды татарским войскам вызывал у Мамая гнев и злобу.

Жесткому разорению подверглось Рязанское княжество в 1378 году, когда Мамай, рассвирепев от разгрома войска Бегича на реке Воже, посчитал косвенно виновным в этом князя Рязанского Олега и, желая покарать его, послал войско, буквально опустошившее рязанскую землю.

«Осеню неожиданным набегом татары захватили Переяславль Рязанский. Князь Олег, не будучи готов к обороне, “град свой поверже и перебежа за Оку”, на севере. Рязанскую землю постигла та же судьба, что не-задолго перед этим нижегородскую: столицу татары “огнем пожгоша, и волости и села повоеваша, а люди много посекоша, а иные в полон поведоша и возвратиша во страну свою, много зла сотворившее”». (Прохоров, 74.)

Потом, накануне Куликовской битвы, отношения между Рязанью и Москвой омрачились и стали враждебными, но князя Олега осуждать трудно.

Над мифическим царём Дамоклом висел меч, а реальный, живой Олег Рязанский, как никто из русских князей, изо дня в день ходил под ханской саблей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. СЕМЬЯ

Сего ради оставит человек отца своего и матери,
и прилепится к жене своей,
и будета два в плоть едину. Тайна сия велика есть...
Еф. 5:31

Когда думаешь о семье благоверного князя Дмитрия и княгини Евдокии, то в душе возникает убедительное чувство об их счастливой семейной, супружеской жизни. Хотя документов, на основании которых можно было бы с уверенностью говорить о таком чувстве, нет. Я понимаю, что таких документов и быть не может. Никто не выдаст справку: «Дана настоящая в том, что у гражданина Дмитрия Донского и его законной супруги Евдокии Дмитриевны была счастливая семейная жизнь».

В летописях о частной, личной жизни людей, населяющих летописное пространство, вообще не говорится ни слова. Летописи изначально предназначены для фиксации событий, а не человеческих чувств. И сам летописный стиль подчёркнуто бесстрастен, летописец описывает происходящее отстранённо, находясь как бы сбоку. Даже если в жизни исторического персонажа происходят трагические изменения, интонация летописи не меняется.

«Того ж лета (1445 г.) князь Дмитрий Шемяка да князь Иван Андреевич Можайской с советники выняли очи (т. е. ослепили. — Р.Б.) у князя Василия Васильевича и сослаша его на Углечь в тюрму». (ПСРЛ, т. 37, 170.)

Между прочим, этот Василий Васильевич — родной внук Дмитрия Ивановича.

В те годы люди не вели дневников, не писали друг другу пространых писем, во всяком случае, ни одно такое письмо до нас не дошло.

Мы не можем составить себе впечатление о семейной жизни того или иного великого князя и его жены, как позволяют нам сделать это дневники и переписка государя Николая Александровича и государыни Александры Фёдоровны.

Но отчего же это чувство неотступно живёт в душе? Документальных подтверждений нет, а чувство живёт, и чем чаще вспоминаешь о князе и княгине, думаешь о них, тем оно становится сильнее и сильнее.

Как мы обычно судим о том, счастливо ли люди прожили жизнь?

Чаще всего по их долголетнему совместному житию? Но мы знаем, что друг возле друга (а не душа в душу) можно прожить очень долго и при этом остаться чужими, а то и враждебными друг другу людьми. А в наше лучшее время, если супруги прожили тридцать или сорок лет и не развелись, это им чуть ли не в подвиг вменяется. Длительность жития — не показатель счастья.

Может быть, о счастливой жизни говорит наличие детей? У Дмитрия Ивановича и великой княгини Евдокии было 11 детей. Но и количество детей не показатель любви, лада и счастья в семье.

Остаётся довольствоваться строчками из жития великого князя, в котором «прославляется строгая жизнь Дмитрия, отвращение от забав, благочестие, незлобие, целомудрие до брака и после брака...» (Соловьёв, 296.)

Но отчего не допустить, что это написано из вежливости, из того уважения не к человеку, а к его кончине, когда над могилой люди произносят установленные приличиями добрые слова?

Мало, что даёт нам и житие великой княгини: да, любила; да, хранила верность покойному мужу, но разве мало женщин любило мужчин, недостойных их любви, и потому прощало им всё и хранило свою любовь до конца дней?

Повторяю, у нас нет никаких сведений о счастливой велиокняжеской, дружной семье, ни одного факта, свидетельства со стороны.

И всё же это была дружная, счастливая семья, где всё строилось на любви: родители любили детей, а дети родителей и друг друга. Почему же мы можем так утверждать?

Отгадка тайны живёт в строках летописей.

Когда изо дня в день, из месяца в месяц читаешь летописные тексты, когда войдёшь, вчитаешься в них, то в

какие-то мгновения происходит волшебство, с тропинок строк к душе твоей тянутся неуследимые тончайшие токи, летопись словно оживает. Летопись цветёт давно увянувшими запахами, говорит с тобой давно умолкшими голосами.

Читаешь о проводах князя в поход и видишь её, Евдокию, со слезами и молитвами застывшую у стеклянного оконца: там, вдали на шляхе, стоит стена пыли от уходящего войска. Читаешь о возвращении князя из похода и видишь деток, стайкой летящих по гульбищу княжеского терема навстречу весёлому, в багряном плаще, обветренному, загорелому в поле отцу.

Как, читая жития Николая-угодника, вскоре начинаешь чувствовать его, его бессмертная душа сообщается с твоей, и ты чуешь его, как человека внешне сурового, с виду даже неприступного, немногословного, но имеющего в душе своей неисчерпаемый кладезь любви к людям. Он выражает свою любовь в добрых делах и делает их спокойно, без показухи, не нуждаясь ни в похвале, ни в признательности. Ему не нужно этого, его призвание — делать добро, и он творит его. Но при всём обилии любви это человек-кремень, скала, его не сдвинуть, не поколебать в его убеждениях и вере.

Многие жития святых напоены этим внутренним светом, когда лик давно усопшего человека оживает, проявляется сквозь узор слов.

Не могло быть у Дмитрия Донского иной жены, кроме той, которая полностью отвечала настрою его души.

У святых Дмитрия и Евдокии была дружная, крепкая, добрая семья, как и большинство семей в то время на Руси. Мы привычно повторяем штамп: семья — ячейка общества. Рассуждая о развитии, расширении и возвеличивании державы Российской, мы сразу подразумеваем великих князей, царей, героев-полководцев, предприимчивых, деловитых купцов, говорим об экономическом могуществе государства, но не было бы великой России, если бы не было главного в людской жизни — дружной семьи, если бы вся страна наша не была под скипетром великого князя, царя, отца; если бы вся она не была одной семьёй, где все заботятся, переживают друг за друга, в болезни желают выздоровления, возвращения из похода или с войны, из поездки в лес, на ярмарку, на отхожий промысле.

Только потому, что на Руси была крепкая семья как общегосударственное явление, и стала она великой, и не просто великой, можно быть великой страной, но страной-монстром, страной-чудовищем, какой была на скорую руку сбитая в один ком нагайкой и саблей великая Орда. Мы любим говорить о силе и молнии державы, но забываем о великой силе любви, которую заповедал русскому народу Господь. Россия за всю свою историю никому не причинила зла, потому что в русской семье воспитывались труженики, воины, строители, молитвенники, а не хищники, изверги и разбойники. Потому что в ней жили такие Богом венчанные супруги, как Дмитрий и Евдокия Московские.

Великий князь по своему положению был един во многих лицах. Он — глава правительства и министр обороны, министр иностранных дел, министр экономики, внешней торговли и внутренних дел и т. д. Семейный быт был для Дмитрия Ивановича скорее лакомством в этой жизни, нежели повседневной пищей. Едва ли не больше половины своей семейной жизни он провёл в походах, боях, совещаниях с боярами, в обдумывании самых разных и, как всегда, неотложных дел.

Дмитрию Донскому довелось жить в такое время, когда вся жизнь была, как говорили в Советской армии, каждый день на ремень. Он редко бывал дома, только когда не предвиделось походов и боёв, а так случалось только ранней весной или поздней осенью, когда замирало всякое сообщение.

Конечно, он любил детей, радовался их первым словам, шагам, праздновал Пасху и Рождество и в мирные годы большую часть времени проводил в семье...

Читайте летописи, в них всё сказано. Доверяйтесь им. Вчитайтесь, вчувствуйтесь в них. Да, это не просто, да, это трудно. Но потрудитесь, не поленитесь. Вы узнаете много интересного и необходимого русскому человеку. Вы прикоснётесь к кондовому патриархальному русскому языку, которому нет износа.

Господь сказал: «Собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет». (Мф: 6.20.)

А как мы относимся к нашему русскому языку, к нашему сокровищу? Бережём ли, храним ли от всякого

мусора, который враги наши нынче непомерно валят в него? Всегда ли мы сторонимся чуждых по звуковой природе, не имеющих корней в нашей душе, всё мертвяющих вокруг себя, холодных нерусских слов?

И ещё сказал Он: «...где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». (Мф. 6: 21.)

Вот краткие сведения о детях Дмитрия Донского.

Даниил Дмитриевич — первый сын, умер мальчиком.

Василий Дмитриевич — второй сын (30.12.1371 — 27.2.1425). При нём продолжалось объединение русских земель: в 1392 году присоединены Нижегородское и Муромское княжества; в 1397—1398 годах Бежецкий Верх, Вологда, Устюг и земли коми. В связи с усилением власти великого князя происходило изъятие из ведения феодалов наиболее важных судебных дел и передача их в руки великокняжеских наместников. Для предотвращения Восточной опасности (Золотая Орда) Василий Дмитриевич вступил в союз с Литвой (1392), который оказался непрочным, так как князь Витовт претендовал на русские земли и в 1403—1404 годах захватил Вязьму и Смоленск. После разгрома в 1391 году и 1395 году Золотой Орды Тимуром перестал платить ей выход; после нашествия Едигея в 1408 году восстановил уплату дани Орде. Был женат на Софии, дочери Витовта.

Семён — третий сын (? — сентябрь 1379).

Юрий (Георгий) Дмитриевич — четвёртый сын (князь Галицкий) (26.11. 1374—5.7.1434). Князь Звенигородско-

Галицкий. Получил в удел Звенигород, Галич, Рузу и пр. При Василии Дмитриевиче деятельность Юрия ограничивалась походами на врагов великого князя. В 1425 году умер Василий Дмитриевич и великокняжеский стол занял сын его Василий. Немедленно после того начались столкновения между великим князем и Георгием Дмитриевичем, искавшим великокняжеского стола. В Орде, куда спор был перенесён в 1430 году, проиграл его, получив только выморочный удел брата своего Петра — Дмитров.

Андрей Дмитриевич — пятый сын (1382—1432) (князь Можайский).

Удел его составляли Можайск, Верея, Медынь, Калуга и Белозерск. Был всегда верным союзником своего старшего брата и его сына Василия Тёмного.

Пётр Дмитриевич — шестой сын (1385—1428) (князь Дмитровский).

По духовному завещанию своего отца получил Дмитров, Углич и несколько сёл. Во время нападений на Псков и Новгород в 1406 году был послан в Новгород с войском. В 1408 году во время нападения Едигея на русскую землю оставлен великим князем для защиты Москвы. В своей духовной Василий Дмитриевич поручил жену с сыном Витовту и братьям Андрею и Петру.

Иван — седьмой сын (? — 1393).

Константин Дмитриевич — восьмой сын (16.5. 1389—1434) (князь Угличский). Родился за несколько дней до смерти отца. Удел Константина много раз менялся

вследствие переделов между братьями, пока, наконец, не утвердился за ним Углич. Был наместником великого князя в Пскове и Новгороде. В 1419 году великий князь Василий лишил его удела, бояр его арестовал, сёла и пожитки отписал в свою казну. В 1421 году отношения между братьями улучшились, и Константин приехал в Москву.

Сведения о дочерях кратки и обрывчаты. Дочери: Анастасия, Мария (†1399), Анна (1388 —?), София.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ВОЙНА

Страхись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных
Сердца их мщеньем зажжены...
А. С. Пушкин

К сожалению, мы живём в мире заученных понятий, задумываться над которыми не хотим или нам некогда. Как уже упоминалось, в памяти многих людей имя Дмитрия Донского связано только с Куликовской битвой, хотя жизнь его вместила много иных значительных событий.

Так же заученно мы думаем и о самой Куликовской битве. Для нас это отдельный эпизод в борьбе между Дмитрием Ивановичем и Мамаем. Хан вздумал наказать Дмитрия Донского, принудить его к повиновению, собрал войско. Московский князь не захотел уступить. И на Куликовом поле они сошлись в сражении.

На самом деле Куликовская битва не была изолированным, абсолютно самостоятельным, независимым от предшествующей ей политической обстановки явлением, она была звеном в длительной войне. Она была последним, завершающим эпизодом в войне Дмитрия

Ивановича с Мамаем, но предпоследним в войне между Московским княжеством и Ордой.

И пусть в военных энциклопедиях нет статьи «Русско-татарская (ордынская) война 1373—1380 гг.», это была война с налесением ударов друг другу, причём на удар русского (московского) войска вскоре следовал удар татар.

Всё началось в 1373 году, когда летописец записал: «Князю великому Дмитрию Московьскому бышеть розмирие с Тотары и с Мамаем».

Война началась с «розмирия», то есть Москва и Орда размирились. Хотя настоящего мира, основанного на неподдельном уважении каждой из сторон, не было никогда. Орда при каждом удобном случае вела себя как хозяин, а Московскому княжеству была определена роль подчинённого. Истинного равноправия не было никогда. Было мирное сосуществование, нарушающее, впрочем, по произволу Орды без объяснения причин набегами на русские княжества.

Взаимоотношения Московского княжества и Орды напоминали пожар на торфяном болоте. Идёшь по мягкому болотному мху, цветёт брусника, порхают бабочки, трепещут радужными крылышками стрекозы — летняя идиллическая картина. А под твоими ногами, в каком-нибудь полумetre под землёй, бушует и клокочет вулкан огня. Неосторожный шаг, резкое движение, проломилась слабая земная корка, и ввысь выметнулся столб огня.

Началась война. Конечно, не было никаких письменных актов, дипломатических нот об объявлении войны.

Дмитрий Иванович перестал платить дань, всем своим поведением показывая, что с Мамаем считаться не намерен.

Поэтому, когда татары в 1373 году в очередной раз стали грабить многострадальное Рязанское княжество, князь Дмитрий занял с войском московский берег Оки, недвусмысленно давая понять: если татары сунутся, получат отпор.

Это можно было истолковать однозначно как во-пиющую дерзость, как вызов хану. «Что же я не смею карать своих подданных, когда захочу? — мог возмутиться Мамай. — Что же я должен спрашивать дозволения у московского князя, если захочу нагрянуть даже и в его княжество? С каких это пор данники вольны поступать, как им заблагорассудится?»

Думал так Мамай или нет, но ему становилось ясно: князь Московский решился на вооружённое сопротивление. Дело движется к войне. Следующие события подтвердили его догадки.

В 1374 году у Дмитрия Ивановича родился сын Юрий. На празднование крестин счастливый отец пригласил князей. Так в Переяславле состоялся княжеский съезд. О чём говорили князья, о чём толковали — неведомо, протоколов и стенограмм подобных мероприятий не велось, но историки, исследующие эту эпоху, почти единогласно утверждают, что на переяславском съезде была принята программа борьбы с татарами. На съезд не был приглашён представитель Орды, что явно противо-

речилю принятым правилам и тоже могло расцениваться как вызов.

Съезд имел продолжение. От слов перешли к делам.

В Нижнем Новгороде содержался под стражей татарский посол Сары Ака, в летописях именуемый Сарайкой. Какова была цель посольства, не сообщается, но, видимо, он вёл себя не как подобает послу, его арестовали, а вместе с ним и его свиту, ни много ни мало полторы тысячи человек. Вероятно, на княжеском съезде было решено Сарайку и всех его спутников перебить. В Нижний Новгород прибыл гонец, но татары каким-то образом узнали о своей участии, восстали, пытались бежать, но полегли все до единого. Сарайка мужественно бился до конца, отстреливался из лука и был убит.

Следующим шагом был поход на город Булгар. Находился он поблизости от нынешней Казани, был крупным торговым узлом, где сходились речные и сухопутные торговые пути, и в то же время опорным пунктом, базой для совершения набегов на Нижегородское, Рязанское княжество, а в направлении на север на Галич, Кострому, Великий Устюг.

Весной 1377 года русское войско под командованием Д.М. Боброка-Волынского подошло к Булгару. Город окружали крепостные стены, и горожане принялись защищаться. Во время одной из вылазок они пошли в атаку на московское войско на верблюдах, рассчитывая психологически подействовать на воинов, но верблюды были отогнаны стрелами. При осаде Булгар летописцы

впервые отмечают применение огнестрельного оружия, с городских стен гремели пушки. Однако пушки того времени были настолько несовершены, что производили большей частью шумовой эффект, были скорее психологическим оружием вроде упомянутых верблюдов.

Булгар сдался, заплатил выкуп 5 тысяч рублей, в нём был посажен представитель княжеской власти — даруга (сборщик дани) и таможенник.

Булгарский поход состоялся в марте, на него сразу же последовал ответный ордынский удар.

Мамай негодовал. Русское войско вторглось во владения Орды и захватило, пусть на короткое время, небольшой кусочек ордынской земли. К Мамаю в ту пору из Синей Орды из-за Волги перешёл на службу царевич Араб-шах (в летописях — Арапша). Мамай дал ему первое поручение: идти изгоном на Русь и как следует наказать нижегородского князя.

Слово летописцу: «Того же лета (1377 г.) перебежа из Синие орды за Волгу некий царевич именем Арапша, в Мамаеву Орду Воложскую; и бе той царевич Арапша свереп зело, и ратник велий, и мужествен, и крепок, возрастом же телесным отнюдь мал зело (мал ростом. — Р.Б.), мужеством же велий и победи многих...»

Узнав о походе Арапши, Дмитрий Константинович Нижегородский послал к зятю просьбу о помощи. Скоро собрав войско, Дмитрий Иванович повел его на соединение с войском Дмитрия Константиновича. Войска встретились вблизи реки Пьяны. С именем этой реки связана

одна из самых горьких и постыдных страниц русской военной истории.

Царевич Арапша задумал перехитрить русских, не стал торопиться вступить в бой, а, пользуясь поддержкой местных мордовских князей, затаился, да так умело, что дозоры великого князя доносили: приближающегося вражеского войска нигде нет.

Дмитрий Иванович подождал ещё немного и уехал в Москву, опрометчиво предположив, что повторяется прошлый год, когда войско долго стояло на Оке, так и не дождавшись татар.

С отъездом великого князя пошатнулась, а потом и вовсе исчезла дисциплина. Оружие, кольчуги и шлемы лежали в телегах обоза. Потеряв бдительность, предавшись беспечности, думая, что враг далеко, воины и воеводы запировали, забражничали. Как же тяжело будет для большинства из них похмелье!

У Арапши наверняка были лазутчики, сообщившие об отъезде князя и о разброде в войске. Местные мордовские князьки потайными тропами подвели татар к самому русскому стану.

Нападение было внезапным и жестоким. В исторических трудах событие 2 августа 1377 года называют битвой на реке Пьяне. Но битвы не было, было избиение пьяных, разомлевших на жаре людей, которых рубили саблями, разили стрелами, резали ножами, вязали руки верёвками и пинками сгоняли в обезумевшую от страха пьяную толпу. А сколько людей утонуло в реке!

Слово летописцу: «И прииде к ним весть, поведая им царевича Арапшу на Волчих водах (обманули их ложной вестью. — Р.Б.), они же начаша веселитися, яко корысть многу мнящее обрести, таже потом и ини вести приидоша к ним, они же оплошишася и ни во что же сие положиша ... И начаша ходити и ездити во охабнех и в сарафанех, а доспехи своя на телеги и в сумы скуташа... также и щиты и шоломы; и ездиша, порты своя с плеч спущающе, а петли растегавши, аки в банде разсперевши, бе бо в то время знайно зело. Любляху же пианство зело, и егда где наезжаху пиво и мед и вино, упивахуся без меры, и ездяху пьяни глаголюще в себе каждо их, яко “может един от нас на сто Татаринов ехати, по истине никто же может противу нас стати”».

Уничтожив княжеское войско на Пьяне, Арапша ринулся на Нижний Новгород, захватил и разграбил его. Жители, спасаясь от татар, выплыли на лодках на середину Волги, со слезами и рыданиями наблюдая, как горит город, как погибают их дома, имущество, домашний скот, как угоняют в плен тех, кто не успел укрыться.

Слово летописцу: «Гражане же Новогородстии розбежашся на судех по Волге к Городцу. Татарове же приидоша к Новугороду.. августа в 5 день... и люди остаточныя поимаша, и град весь и церкви и монастыри пожгоша, и згорело церквей во граде 32... власти и села пленяще и жгуще, и со множеством безчисленным полоном отъидаша во свояси».

Надеясь, что после пьянского поражения Нижегородское княжество осталось без защиты, мордва приплыла по

Волге в Нижегородский уезд и разграбила то, что осталось от татар.

Слово летописцу: «Того же лета Мордва пришедшее изгоном по Волге безвестно, Нижнего Новагорода уезд пограбиша и множество людей избиша, а иных плениша; власти же и села остаточныя от Татар и от них пожени быша, и возвратиша во свояси».

Дмитрий Иванович горевал о бесславной гибели такого числа воинов и об уведённом полоне, винил и самого себя, но сильней всего изумила и озлобила его измена мордовских князей. Почему, зачем они это сделали? Разве хоть чем-нибудь за все эти годы обидел он их? Купил их Арапша или запугал? Это можно понять и простить. Но зачем они вслед за татарами налетели в жажде безнаказанного грабежа на Нижний?

Мордовские племена ждала страшная кара. Объединённое московско-нижегородское войско зимой напало на кочевья мордвы.

Это была карательная экспедиция, войско шло от села к селу, не щадя ни старого, ни малого, горели избы, угонялся скот. Неизвестны побудительные причины, толкнувшие мордовских князьков на пособничество Арапше, но дети, женщины и старики? Почему они должны отвечать за дела своих князей? И никуда не спрятаться. Летом можно было бы убежать, укрыться в лесу, а зима была морозная, не долго усидишь в лесу без еды и тепла, особенно если с тобой малолетние детишки. К великому прискорбию, так уж повелось в мировой истории, что за

ошибки, промахи, преступления взрослых расплачиваются ни в чём не повинные дети.

Увы, увы, но не только светлыми узорами выткан ковёр русской истории, встречаются на нём — прости нас, Господи — узоры, вытканные и чёрными нитями, цветом боли и слёз.

Слово летописцу: «То же зимы быша мрази велици и студень безпрестанна, и изомроша мнози человеци и скоты, и в малых местех вода обреташся: изсякла бо вода от многих мразов и в болотех, и в езерах, и в реках. То же зимы посла велики князь Дмитрей Константинович (и) князь великий Дмитрей Иванович Московский свою рать... и пришедше воеваша землю Мордовьскую, и власти и села и погосты и зимници пограбиша, а самех избиша, а жены их и дети плениша... а коих живых приведоша в Новъгород, тех казниша смертною казнию и травиша их псы на леду на Волзе».

Мордовских князей затравили насмерть охотничими псами.

Зима и весна наступившего нового, 1378 года прошла в подготовке к летней кампании. То, что Мамай тоже готовится, доносили купцы, торговавшие с Ордой. Скорее всего, Мамай постарается развить успех и добить московского князя или нанести ему такой урон, чтобы заставить смириться и принудить выполнить волю князя.

Что сталоось впоследствии с Арапшой, куда он подевался, история умалчивает. Убежал ли он туда, откуда появился, или чем-либо не угодил Мамаю и его зарезали

или удавили в собственном шатре, не суть важно, со страниц русских летописей он исчезает.

На следующий год на Русь большое войско повёл мурза Бегич, опытный военачальник.

Дмитрий Иванович выступил навстречу врагу. Войска встретились на берегах реки Вожи, на землях Рязанского княжества. Как Пётр I называл победу при Лесной, где был разгромлен корпус Левенгаупта, матерью Полтавской батальи, так сражение при Воже можно смело именовать матерью Куликовской победы.

В описании битвы на Воже, как и в описании многих битв того времени, встречаются разнотечения. Одни источники говорят, что русское войско и татарское встретились на берегу Вожи, и татарское войско тут же, не раздумывая, начало переправу (что с тактической точки зрения абсолютно неразумно и маловероятно); другой источник указывает, что обе рати стояли друг напротив друга несколько дней.

Бегич был не так глуп и самонадеян, чтобы начать переправу в виду неприятельского войска. Войско, форсирующее реку, на это время становится беззащитным, его можно просто расстреливать из луков с берега. Поэтому полководцы (и в те времена, и сейчас) стараются переправить войска в том месте, где нет противодействия неприятеля. В одном месте устраивают ложную переправу, а основные силы перебрасывают в другом месте. И т. п.

Как происходило сражение 11 августа 1378 года, остается только гадать. Поле для фантазий тут обширное.

Можно допустить, что Бегич обладал настолько большим преимуществом в живой силе, что, махнув рукой на азы тактики, всё же начал переправу, за что и поплатился.

Можно допустить и другое, что Бегич рисковать не пожелал, хотя имел приказ от Мамая разбить московского князя. Дмитрий Иванович, понимая, что стоять на берегу без конца невозможно, применил военную хитрость, как говорят сейчас, дезинформировал противника и каким-то образом понудил Бегича начать переправу. Каким, мы не знаем. Может быть, изобразил отступление, а когда Бегич поверил, то повернул внезапно на него; может быть, распустил слухи, что уходит, и Бегич, чтобы не дать ему уйти, спешно стал переправляться через Вожу. Догадок можно построить великое множество.

Из текста летописи непреложно вытекает одно, что Дмитрию Ивановичу удалось провести классический комбинированный удар по врагу. Полк, которым командовал он, ударил по Бегичу по фронту, в лоб, а полки Даниила Пронского и Тимофея Вельяминова ударили с флангов. Татары очутились в мешке, выходом из которого была река. Татары и бросились туда, то есть назад, но если в это время через реку ещё переправлялись последние части, то всё войско перемешалось, и вследствие неразберихи вспыхнула паника. И то, что год назад (кстати, то же в августе) происходило на Пьяне, повторилось на Воже с одной существенной разницей: воины Бегича были трезвы. Однако их так же беспощадно секли саблями, кололи копьями и поливали стрелами.

Много татар утонуло. Был убит сам Бегич и ещё пять мурз. Это особо подчёркивает летописец, чтобы показать значимость победы. Точно так же, когда римляне хотели подчеркнуть ожесточённость и кровопролитность боя, в числе потерь они указывали центурионов. Например, Цезарь писал: «В этих двух сражениях Цезарь потерял за один день девятьсот шестьдесят солдат... и центурионов тридцать два человека». (Цезарь, кн. 2, 84.)

Победа была полной, и только ночь помешала преследовать татар, чтобы добить их.

Татары бежали так поспешно, что русские утром обнаружили брошенный громадный обоз. Потери русского войска были незначительны.

Слово летописцу: «Того же лета Воложьский Орды князь Мамай послал ратью князя Бегича на великого князя Дмитрия Ивановича Московского; князь велики же собрав силу и поиде противу их в Рязанскую землю за реку Оку. И сретоша с Татары у реки у Вожи... и предел имеющи межи собою реку Вожу. Не по множе же днех Татарове преидоша на сю страну реки Вожи и скочиша на грунах¹⁵, кличиющи гласы своими на князя великого Дмитрия Ивановича; он же ста противу их крепко с воинствы своими. И удари на них с едину страну князь Андрей Полотский, а з другую страну князь Данило Пронский, а князь велики Дмитрий Иванович удари в лице; и в той час Татарове побежа за реку за Вожу... а наши вслед их го-

¹⁵ Груна (древнерусск.) — конская рысь.

няющее, биющее секуще... и убивающее множество. А инициатива в реце истопоща. ...Бысть же сие побоище месяца августа в 11 день на память святаго мученика Евпла диакона...»

Это была не первая победа русских над татарами, бывали и прежде схватки. Но то были стычки, столкновения местного значения. На реке Воже впервые за много лет сошлись в бою большие воинские массы. Здесь была не нечаянная сшибка и наудачу пришедшая победа. Нет, здесь был продуманный план сражения, было маневрирование войсками, было умение использовать особенности местности — одно из главных достоинств полководца, когда противника бьют не только воинской силой.

Это была правильно выигранная битва, после которой мы имеем право говорить о Дмитрии Ивановиче как о полководце.

И пишется, что по обету, данному перед битвой на реке Воже, преподобный Сергий основал «повелением князя великого» Стромынский монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы на реке Дубенке.

«Разгром войск Мамая на р. Воже имел важные политические последствия. Он не только почти совсем аннулировал результаты татарской победы... на р. Пьяне, но, по существу, ослабил общий контроль Орды над русскими землями. Тем самым создавались еще более благоприятные условия для консолидации русских земель вокруг Москвы, возникали предпосылки для более активного сопротивления Москвы ордынской власти. И, хотя Мамай... предпринял вскоре после этого экспе-

дицию на территорию Рязанского княжества, тем не менее сложившееся тогда соотношение сил между Ордой и Владимирским княжеством не претерпело значительных изменений. Мамаю не удалось добиться восстановления прежних отношений Орды с Московской Русью, но и Москве не удалось заставить Орду отказаться от борьбы за восстановление этих отношений». (Греков, 92.)

Чтобы оставить за собой последнее слово, Мамай собрал уцелевшие остатки войска и в сентябре напал на злосчастную рязанскую землю. Князь Олег, не ждавший нападения, бежал в рязанские леса, татары взяли Переяславль, Дубок, опустошили всю землю, но (!) дальше, за Оку, не пошли.

Мамай видел: предстоит громадная, кровопролитная битва. Арагша нанёс удар, от которого Москва оправилась очень быстро, Бегич не оправдал возлагавшихся на него надежд, нужно браться за дело самому.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. СРАЖЕНИЕ

Там, за Непроядвою, за Доном,
Где нынче вызрели хлеба,
В большом бою ожесточённом
Решалась и моя судьба.
Н.К. Старшинов

Если до Вожской битвы ещё можно было как-то всё уладить миром, договориться об уменьшении дани, об иных уступках, то теперь пути назад не было. Вожское побоище было не рядовым поражением в битве, о котором стараются забыть, это была полновесная оплеуха, которую Мамай получил от князя Дмитрия. О ней очень скоро узнали и в Твери, и в Вильно, и в Кафе, и в Варшаве, и в Ливонском ордене.

Если Мамай хотел, чтобы его по-прежнему уважали и боялись, он должен был ответить на это оскорбление. Подобные оскорбления смываются только вражеской кровью. И Мамай начал готовиться к решающей битве, собирать деньги, войска.

Думается, он был даже рад такому повороту событий. Мамаю позарез была нужна большая, хорошая, настоящая битва с Московским княжеством, в исходе которой он не сомневался. Битва решающая, генеральная. Поход Арапши, по большому счёту, был набегом и не принёс тех

результатов, на которые рассчитывали. Бегич по собственной глупости потерпел поражение, начав переправляться через реку.

Мамаю был нужен не набег, а разгром Московского княжества, чтобы добыча была схвачена не впопыхах, наспех, как при набеге. Добыча должна быть такой, какую получает победитель с побеждённого, в его руках должна оказаться вся княжеская казна.

Личная обида, досада были на последнем месте, на-перёд выходила угроза появившегося в степях Тохтамыша. Победа над Дмитрием необходима для того, чтобы с деньгами московского князя, с его войском, которое он включит в своё, быть уверенным в победе над Тохтамышем.

Чтобы пополнить своё войско, Мамай совершил поход на Северный Кавказ, где покорил племена ясов. Его полководцы захватили венецианский город Тану, над которым теперь разевался не венецианский флаг с крылатым львом, а ордынское знамя с полумесяцем.

Мамай завёл переговоры с генуэзскими купцами о найме прославленных генуэзских наёмников. Купцы откликнулись охотно, они рады были помочь Мамаю. Купцы были кровно заинтересованы в усмирении московского князя. Если Дмитрий одержит верх над Мамаем, то в скором или не очень скором времени станет хозяином всей волжской торговли. С Мамаем они договорились, а с русским князем договориться будет труднее: зачем он будет делиться с ними прибылями, если, передав торгов-

лю в ведение русских купцов, будет прибыль брать себе. Возможно, купцы даже сами предложили помочь Мамаю в найме генуэзских пехотинцев.

Летопись перечисляет народы, которые вместе с татарами шли на Русь, всех манила богатая и обильная добыча, которую сулил им Мамай.

Карамзин так пишет о сборе Мамаем его многоплемённого воинства: «Он долго медлил, набирая войско из татар, половцев, харазских турков, черкесов, ясов, буртанов, или жидов кавказских, армян и самых крымских генуэзцев: одни служили ему как подданные, другие как наёмники». (Карамзин, 119.)

Первыми промышлять искусством убивать на войне занялись итальянцы, должно быть, памятуя слова императора Веспасиана о непахнущих деньгах. Кондотьеры известны с XIV века, позднее в германских княжествах уже в XV веке появились ландскнехты.

Так задолго до 1812 года собиралось на Русь нашествие двунадесяти языков. Если быть точным: 9 орд и 70 князей.

В ремесленных мастерских ковались сабли, ножи, наконечники копий, сотни тысяч наконечников стрел, шились десятки тысяч сбруй для лошадей, складировались запасы продовольствия.

«Наконец, ободрённый многочисленностию своей рати, Мамай призвал на совет всех князей ордынских и торжественно объявил им, что идёт по древним следам Батыя, истребить государство Российское. “Казним рабов строптивых! — сказал он в гневе, — да будут пеплом гра-

ды их, веси и церкви христианские! Обогатимся русским золотом!"» (Карамзин, 120.)

Предварительно Мамай переслался гонцами с Ягайло литовским и рязанским князем Олегом, обещавшими помочь.

Почему союзником стал Ягайло, понятно: всё, что плохо Москве, хорошо для Литвы, об этом литовские князья (не все) помнили хорошо.

Но почему в союз с Мамаем вошёл Олег Рязанский? Ведь, по донесениям лазутчиков, Мамай готовил не обычный поход, а истребительное нашествие, которого давно не видела русская земля. Но если падёт Московское княжество, снова станет безропотным данником, то нечего хорошего ждать и Рязани. Да, сперва Мамай вознаградит своего союзника, даст московские земли, но потом так же легко и отберёт их.

Олег не верил в победу Дмитрия и поэтому держал сторону Мамая, должно быть, рассуждая так: «Князь Дмитрий идёт на Мамая, войско у него большое, но Мамая ему не победить. Ещё не бывало, чтобы русские побили татар. Да, на Воже победили Бегича, но Мамай ведёт силу гораздо более многочисленную, и воин Мамай более прославленный и опытный, нежели Бегич. Дмитрию Московскому не устоять. Если я поддержу Дмитрия, а Мамай его разобьёт, что мне потом отвечать? И без того княжество моё самое горемычное, его грабят чуть не каждый год, а в этом случае Мамай опустошит его наголо. Буду держаться Мамая, а там будь что будет. Ежели вдруг победит

Дмитрий Московский, то погневается и перестанет. Он отходчивый и зла долго не помнит».

Готовился к битве и Дмитрий Иванович. Первым делом встерь к реке Воронеж, где тогда кочевал Мамай со своей Ордой, с целью глубокой стратегической разведки была отправлена крепкая сторожа — отряд всадников, который должен был обнаружить появление татарских войск и предупредить о том князя.

Наши летописи и сказания о Мамаевом побоище очень противоречивы по своим данным, но их сопоставление иногда всё же даёт возможность установить хронологию событий, предшествовавших Куликовской битве. По одной версии, его на свой страх и риск предупредил Олег Рязанский.

Под другой, татары подстерегли русскую сторожу, часть воинов убили, часть взяли в плен. Только одному из разведчиков удалось бежать, и он примчался в Москву с вестью о движении татарских войск. Это известие застало великого князя на пиру, когда пили чашу в честь его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского. Это случилось 23 июля. Историк Тихомиров подвергает эту дату сомнению и вообще говорит, что это сообщение носит характер народного сказания.

Пир — если он был — сразу прекратился и ко всем князьям, что были на съезде в Переяславле, поскакали, на ходу пересаживаясь на заводных коней, гонцы с просьбой-приказом подниматься за землю русскую на отпор лютому врагу.

В Москву начали приходить первые отряды из близлежащих княжеств, а к великому князю пожаловало татарское посольство с требованием выплатить дань, которую великий князь задолжал, и выдать её в тех размерах, в каких платили при Узбеке и Джанибеке. Посольство, видимо, имело задачи большей частью разведывательные: известно ли князю, что Мамай идёт на него? Мамай знал, что Дмитрий Иванович не согласится на выплату дани, какой она была в старину. Он заведомо предлагал невыполнимые условия, чтобы у князя не было иного выбора, кроме войны.

Посольство отправилось назад, с чем пришло, а великий князь с малой дружиной направился в Троицу к старцу Сергию. Уже был август.

Тревожные сомнения не давали покоя душе великого князя. Что делать? Покориться жадному хану? Откупиться, как и встарь, взвалить на народные плечи уплату чрезмерной дани? Или, отринув сомнения, выступить на степного разбойника, сразиться с ним в открытом бою? Победа желанна, а если поражение? Тогда вся Русь опять умоется кровью. Что посоветует преподобный, ему доступно будущее, прозорлив мудрый Сергий.

В обители великий князь поделился с игуменом сомнениями.

На Божественной литургии великий князь молился за Русь и русское воинство, а святой угодник перед престолом молил Господа о даровании победы войску князя.

За литургией в монастырь прибыл гонец (по другому источнику, гонец догнал князя ещё по дороге в обитель) с вестью, что Мамай двинулся вверх по Дону. Встревоженный князь собрался немедленно ехать в Москву, но преподобный попросил его потрапезовать с братией.

На трапезе преподобный посоветовал послать Мамаудары, чтобы не доводить дело до кровопролития.

Дмитрий ответил, что посыпал, но Мамай требует большего, видимо, пока не насытит свою алчность.

— Если так, то ждёт его всеконечное погубление, — сказал преподобный Сергий.

Дмитрий Иванович попросил у Сергия иноков Пересвета и Ослябю, в прошлом испытанных воинов.

Преподобный Сергий сам надел на Пересвета и Ослябю схимы, а провожая князя до ворот, сказал ему о грядущей победе, о том, что сам он останется жив, но многим воинам готовятся мученические венцы.

Слово летописцу: «Преподобный же Сергий повеле им скоро уготовится на дело ратное; они же от всея душа послушание сотвориша к преподобному Сергию, никакоже отврьгощеся повеления его. Он же даде им оружие вместо тленных нетленное, крест Христов нашит на схимах, и сие повеле им вместо шоломов возлагати на главы своя и крепце поборати по Христе на враги Его.

Князь великий же приим благословение от преподобного и обвеселился сердцем, еже рече ему преподобный Сергий: “Господь будет ти помощник и заступник, и Тый победит и низложит супостаты твоя и прославит тя”».

Мамай ещё шёл со своим войском, командовал, распоряжался, карал и миловал, упивался мечтами, как он согнёт в баражий рог русского князя, но жребий его уже был взвешен, как жребий царя Валтасара. Однако, чтобы жребий исполнился, должны были сразиться десятки тысяч людей и пролиться потоки крови. Воля Божия неотменима, но люди должны потрудиться, чтобы претворить её в жизнь. Господь уже отдал победу русским, но об этом знали только Сергий и Дмитрий.

20 августа Дмитрий Иванович прибыл в Москву, куда стекались отряды со всей Руси. Невозможно перечислить княжества, откуда шли к Москве отряды и дружины, легче сказать, что только из Рязани не пришло никого, хотя, возможно, отдельные рязанцы тайком от князя и прокрались в Москву. Историками отрицалось участие в битве новгородцев, но учёный С.Н. Абзелев доказал, что они были. Явились и тверские дружины, их привели князья Кашинские. Пришла дружина князей из далёкого Белозерска. Прибыли со своими отрядами и литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи.

20 августа служились молебны в Кремле. Затем Дмитрий пришёл на могилы отца, деда и прадеда. Придёт ли ещё он сюда или его принесут? Долго молился великий князь у раки святителя митрополита Петра.

Чтобы войско быстрее вышло из Москвы на торную дорогу, его направили потоками через Фроловские, Никольские и Константинопольские ворота. Один поток вёл он, другой Владимир Андреевич, третий — белозерские

князья. Вдоль улиц, по которым шествовали воины, стояли их матери, жёны, невесты, дети. Плакали матери, голосили жёны, дети утирали слёзы рукавами рубах. Вместе со всеми провожала на битву своего князя и супруга его Евдокия.

Слово летописцу: «Княгини же великая Евдокея, и княгиня Владимерова Мария, и иных православьных князей княгини, и многыа жена воеводская, и боярыни московьская, и служниа жены ту стояще, проводы деюще, въ слезах и въ склиции сердечнем не могуще ни слова изрещи, отдавающе послднее целование».

Послднее целование входит и до сего дня в погребальный обряд православного человека. Так Евдокия и другие женщины прощались с мужьями, не зная, увидят ли их снова.

У городских ворот священники в праздничных одеяниях кропили войско святой водой.

К первоначальному сроку общего сбора в Коломне все войска не поспели, поэтому его перенесли. Белозёрам, например, надо было преодолеть четырёхсотвёрстный путь, почти в два раза больший, чем от Коломны до Куликова поля.

Близ Коломны на Большом поле 26 августа войско построилось, был отслужен напутственный молебен, и по трём дорогам русская рать двинулась к Куликову полю, месту вечной славы. По дороге рать догоняли не успевшие прийти в Коломну отряды и даже в последний день перед битвой подходили небольшие конные и пешие части.

Вместе с войском следовали купцы-сурожане, как переводчики.

Войско следовало безоружным, доспехи, оружие везли в обозе, далеко в тяжёлых доспехах по жаре не пройти, а дни выдались жаркие. Шли днём, на ночь разбивали лагерь, а утром с молитвой снова вперёд.

Начало похода было ознаменовано явными проявлениями милости Божией.

Большое войско не идёт быстро, нужно держаться кучно, а люди различны по силам, поэтому все подравниваются к тихо идущим воинам. К тому же скорость движения значительно замедляет обоз. В первый день похода, когда от Москвы отошли 15 вёрст, к великому князю подскакал воин с известием об удивительном чуде. Князь пришпорил коня и на дереве увидел икону святителя Николая. Ему сказали, что как только кто-нибудь пытается залезть на дерево, чтобы снять икону, она исчезает. Князь спрыгнул на землю, приблизился к дереву, и образ, отделившись от ветвей, по воздуху спустился к нему на руки. Возвращаясь после битвы в Москву, великий князь совершил благодарственный молебен святителю Николаю. Так было положено начало Николо-Угрешскому монастырю.

В Коломну из города Сипотина привезли икону Богоматери, которую, подобно знамени, приспособили к дереву. Образ сопровождал войско в походе, а перед битвой его провезли вдоль строя. Позднее икона прославилась как чудотворный образ Богородицы, именуемой Донской.

Также великому князю сообщили о видении рядового воина Фомы Кацыбяя.

Некий воин Фома Кацыбей, в недавнем прошлом разбойник и душегуб, покаялся в своих преступлениях и стал воином. Крепкий телом и мужественный, он был поставлен в ночную стражу на реке Чуре Михайловой. Бог явил ему видение: от востока на запад идёт великое воинство. Как вдруг от полуденной (южной) стороны пришли двое светлых юношей с оружием и начали нещадно сечь мечами это воинство, приговаривая: «Кто вам велел губить Отечество наше?» И многих из воинства избили, а остальных прогнали вон.

Слово летописцу: «И тогда в той же нощи видение видела Василий Капица да Семен Антонов: видела от поля грядуща множество Ефиоп в велицей силе, ови на колесницах, ови на конех, и бе страшно видети их, и аbie внезапу явися святый Петр, митрополит всея Руси, имея в руце жезл златый, и прииде на них с яростию велиею, глаголя: “почто приидосте погубляти мое стадо, его же ми дарова Бог съблудати?” И нача жезлом своим их прокалати, они же на бег устремиша, и ови избежаша, друзья же в водах изтопоша, овии же язвеня лежаша. И сии вси сказаша вся видения сия великому князю Дмитрею Ивановичю, он же повеле им никому же сего поведати и начат со слезами молитися господу Богу и пречистой Богородице, и великому чудотворцу Петру...»

Медленно, с длительными привалами продвигаясь к Куликову полю, Мамай совершил самую главную ошибку,

которая привела его к поражению. Изначально его войско намного превосходило силы, имевшиеся у Дмитрий Ивановича под рукой, и, если бы Мамай немедленно двинулся походом на Русь, катастрофа была бы неотвратима: со слабыми силами великий князь был не в силах не только отразить, но и остановить врага.

Кого Бог хочет наказать, того лишает разума. Мамай добровольно упустил инициативу из своих рук. По мере того как в Москву прибывали воины со всех концов Древней Руси, инициатива постепенно переходила к московскому князю и так же с каждым днём уравнивались силы противоборствующих сторон.

Конечно, своё устрашающее воздействие на Мамая оказывало воспоминание о вожском разгроме. Как ни гневался, как ни ярился Мамай, он сознавал: Дмитрий Московский — серьёзный противник, просто так, с налёта, его не возьмёшь. Потому он и ждал, когда придут обещанные войска из Рязани и Литвы.

Но их всё не было.

Олег Рязанский, вынужденный хотя бы на словах стать союзником Мамая, на деле не горел желанием влиться в войско Мамая. Несмотря на все конфликты с Москвой, он всё же не был Иудой.

В исторических трудах стало общим местом утверждение, что Дмитрий Иванович, форсированным маршем направляясь к Куликову полю, опередил Ягайло и сорвал его план соединения с силами Мамая.

Польский учёный Смолька доказал, что и Ягайло, подобно Олегу Рязанскому, вовсе не торопился на встречу с

Мамаев. Заслуг Дмитрия Ивановича это не убавляет, но «Смолька считал, что Ягайло опоздал совершенно намеренно. Свою точку зрения он обосновывал следующим образом. Значительную, если не преобладающую часть вооруженных сил Ягайло составляли православные полки русских земель. В русской армии Дмитрия присутствовали видные представители литовско-русской знати, а также находились вооружённые отряды из Литовской Руси (Брянские полки, в частности). При таком положении Ягайло должен был проявлять максимум осторожности. Разумеется, если бы Мамай победил Дмитрия, то можно было бы не сомневаться в верности русских полков литовскому князю Ягайле. В этом случае Ягайло мог бы приложить руку к полному разгрому Москвы, к разделу её территории совместно с Мамаевым. Но Ягайло допускал, видимо, и другой исход сражения — победу Дмитрия над Мамаевым. В этой ситуации выступить против Дмитрия со своими литовско-русскими полками значило рисковать всей своей армией, ибо в ней было много сторонников Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, которые могли отказаться воевать на стороне Мамая и могли уже на поле боя перейти на сторону объединённой русской армии Дмитрия Донского». (Греков, 134.)

Вполне вероятно, что литовский князь, несмотря на заключение антимосковского союза с Мамаевым, не был заинтересован в окончательной победе ордынской державы. Ягайло мог знать по опыту Ольгерда, что правителям Орды нужно было не установление гегемонии Великого

княжества Литовского и Русского в Восточной Европе, но лишь обуздание с помощью Литвы, вышедшей из-под ордынского контроля, Московской Руси, нужно было восстановление традиционного равновесия между Вильно и Москвой. Поэтому глава Литовско-русского государства, сам стремившийся к установлению гегемонии в Восточной Европе, не желал, видимо, полного торжества Мамая на Дону. (Греков, 134.)

Короткий участок пути войска пролегал по землям Рязанского княжества. Чтобы не вызвать неудовольствия Олега Рязанского, не дать ему повода вступить в бой (Дмитрий не знал, что Олег только на словах союзник Мамая), воинам было строго запрещено что-либо брать у местных жителей, даже срывать колосья, когда они проходили мимо ржаных полей.

И вот войско вышло на берег Дона. За ним раскинулось Куликово поле. На военном совете в княжеском шатре решали: переходить на правый берег или укрепиться и ждать Мамая тут? Река, прикрывающая войско с фронта, всегда считалась надёжным рубежом для обороняющегося войска и серьёзной преградой для войска наступающего. Однако глупо рассчитывать, что Мамай повторит просчёт Бегича. Конечно, можно стать неприступным лагерем, выжидая, ошибётся Мамай или нет. Но долгое выжидание лишает войско самого главного — боевого духа, настроя на решительный бой. А Дмитрий Иванович, как опытный полководец, чуял: войско горит желанием сразиться. Растратить этот боевой порыв, дать ему ослабеть, выветриться нельзя.

Если же перейти Дон, то возникала опасность гибели войска в случае отступления. В панике люди сами топят друг друга.

Выслушав мнения за переправу и против, великий князь приказал наводить мосты и переходить на тот берег. Отступления быть не может. Или победить, или умереть.

Здесь мы опять встречаемся с двойственным изложением. Одни источники сообщают, что переправа происходила вечером 7 сентября, другие же говорят, что войска переправились 8 сентября, в день битвы.

Много забот и дум одолевают полководца в день сражения: правильно ли выбрана позиция, верно ли распределены войска. Но одна из главных дум — о том, отдохнул ли воин перед битвой, усталый человек не много навоюет. Не помнится, кто из великих сказал, что солдат воюет не оружием, а кашей. С голодного воина спрос не велик, особенно в ту пору, когда воевать нужно было не винтовкой и пулемётом, а мечом, топором, рогатиной или палицей. Поэтому наиболее предпочтительное время переправы — вечер 7 сентября. Войска перешли через Дон, расположились на ночлег, выспались, утром помолились (был праздник Рождества Богородицы), потрапезовали и, отдохнувши, сытые, построились в готовности для боя. Если же переправа происходила непосредственно в день сражения, то частям левого фланга нужно было в полном боевом снаряжении (меч, кольчуга, щит, копьё, а на голове тяжёлый шлем) пройти несколько вёрст, чтобы

занять место в общем строю. Сражение ещё не началось, а воины уже могли устать и утомиться.

Войско переправилось на правый берег Дона, а великий князь с Дмитрием Боброком вдвоём поехали в поле. Якобы погадать об исходе завтрашней битвы.

Трудно согласиться с этим. Это, видимо, плод народной фантазии. Думается, что если Дмитрий Иванович и воевода Боброк выезжали в поле, то только не для гадания. В самом деле, тогда странной и ненужной выглядит поездка великого князя в Троицкую обитель. Он молился за литургией, получил благословение святого старца и вдруг, как самый натуральный язычник, едет выспрашивать у земли невесть что. Преподобный Сергий сказал ему вполне определённо, что в битве падёт много воинов, но победа будет за русским войском. Все авторы житий, все источники единодушно отмечают глубокую православную веру князя, его набожность, молитвенность. Не мог князь заниматься гаданием. Великие подвижники, святые отцы говорят, что гадание — это обращение к падшим духам, к духам тьмы. Как мог князь перед величайшим событием в его жизни и в судьбе вверенного ему народа предать Господа, Божию Матерь, отречься от святых угодников Бориса и Глеба, святого Александра Невского и святителя Петра, посмеяться над словами троицкого игумена?

Выезд двух всадников в поле могли видеть многие, но по-своему его истолковали. Если и в наши дни у иных православных людей вера уживается с фольклорно окрашенными языческими обрядами, то что говорить о

временах шестивековой давности, когда язычество ещё не сдало своих позиций.

Дмитрий Иванович и Боброк выехали в поле, чтобы ещё раз осмотреть его. Быть может, в эту поездку ими было принято решение о засадном полке. В русском войске, несомненно, были соглядатаи Мамая (по-современному — шпионы), которые могли разузнать о разговорах на военном совете. Сейчас великий князь и воевода были одни, никто не мог их подслушать и узнать о важнейшей тайне, решившей исход битвы.

Августовские ночи прохладные. После жаркого дня на траву легла густая роса. Тих был лагерь русского воинства, притихло и Ордынское становище, но тишину сентябрьской ночи буквально раздирал волчий вой. Нам не представить этого звукового оформления битв Средневековья. Волчий вой следовал за войском от самой Коломны, а в эту ночь он усилился многократно, со всей округи и из дальних мест к полю сбегались волки. Завтра битва, завтра будет большая кровь, завтра будет хорошая пожива. Страшная реальность той эпохи: тяжелораненый воин мог не дождаться помощи товарищей, его загрызали рыскавшие по полю битвы стаи волков.

8 сентября рассвело, но поле окутал необыкновенно плотный туман, такой, что не видно было взошедшего солнца. Словно Господь опустил на землю белое облако, под покровом которого удалось незамеченным отвести в дубраву засадный полк. Командный пункт Мамая находился на высоком холме, Куликово поле с него про-

сматривалось на всю глубину, а засадный полк — это не дюжина всадников, не разведывательная сторожа, а несколько тысяч человек.

Русское войско освещало ярко засиявшее после раста-
вившего тумана солнце, нарядно блестели кольчуги, щиты
воинов, солнце прысало искрами по десяткам тысяч
наконечников копий. Татарской же рати солнце светило
в спину, и казалось, будто противостоят друг другу две
стены: одна светлая, ясная, а другая серая, тёмная.

Слово летописцу: «Татарьскаа бяше сила видети мрачна
потемнена, а Русская сила видети в светлых доспехах, аки
некаа велика река лиющися, или море колеблющеся,
и солнцу светло сияющу на них и лучи испущающи, и
аки светилницы издалече зряхуся». В другом описании
русской рати добавлено: «Шеломы же на головах их, аки
утреняя заря, доспехи же, аки вода сильно колеблюща,
еловицы же шеломов их, аки пламя огненное пышуще».

Князь Дмитрий объехал полки, обращаясь к воинам
с речью. Он призывал всех стойко биться за веру право-
славную, не страшиться умереть за имя святое Иисуса
Христа.

Собирая материалы для книги, я прочитал не один
десяток книг, журналов, описывающих ту эпоху. Среди
них мне не раз встречалось описание Куликовской битвы.
Читатель этой книги уже наверняка знает, как проходила
она. Как великий князь переоделся в доспехи рядового
ратника и встал в боевой строй, а княжеский плащ надел
на дворянина Бренка; как из Троицкой обители прибыл

гонец с просфорой, посланной преподобным Сергием; как бились Пересвет и Челубей; как долго сражались две рати; как татары начали одолевать, и тут в бой вступил засадный полк, как гнали татар до реки Мечи. Подумалось мне, зачем я буду в N-ный раз пересказывать общеизвестное. Я лучше приведу подлинные документы, то, что записано очевидцами или со слов очевидцев. Из произведений Куликовского цикла я выбрал описания битвы, не того, что предшествовало ей, и не того, что последовало затем, а само боестолкновение. Себе же я позволю прокомментировать плоды художественной фантазии авторов, по-своему описывавших битву.

Слово летописцу (из Краткой летописной повести): «Князь же великий поиде за Дон, и бысть поле чисто и велико зело, и ту сретошася погани половци, татарьстии пльцы, бе бо поле чисто на усть Непрядвы. И ту изопльчишася обой и устремишася на бой, и соступишася обой, и бысть на дгъзе часе брань крепка зело и сеча зла. Чрес весьдень сехахуся, и падоша мертвых множъство бесчисленно от обоих. И поможе Бог князю великому Дмитрию Ивановичу, а Мамаевы пльцы погании побегоша, а наши после, биюще, секуще поганых без милости, Бог бо невидемою силою устраши сына агаряны, и побегоша обрати плеши свои наязвы, и мнози оружием падоша, а друзии в реке истопоша. И гнаша их до рекы до Мечи...»

Из Пространной летописной повести: «И аbie сступишася обой силы велицеи их на долг час, и покрыша полки поле, яко на десяти верст, от множества вои. И бысть сеча

зла и брань крепка, трус велик зело, яко же от начала мира сеча не была такова великим князем русским, яко же сему великому князю всеа Руси. Бьющим же ся им от 6-го часа до 9, прольяша кровь, аки дождева туча, обоих — русских сынов и поганых; множество бесчисленное падоша трупья мертвых обоих: и много Руси побьени быша от татар, и от руси тотари, паде труп на трупе, и паде тело тотарьское на телеси крестьянском. Инди видети беаше русин за тотарином гоняшеся, а тотарин сии настигаше. Смятоша бо ся и размесиша, коико бо своего супротивника искааше победити...

И по сих же, в 9 час призри Господь милостивыма очима на вси князи рустии и на крепкыа воеводы и на вся крестьяны, и дръзнувше за крестьянство и не устрашившеся, яко велиции ратницы. Видиша бо вернии яко в 9 час бьющеся ангели помагаютъ крестьяном и святых мученик полк, воина Георгия и славнаго Дмитрия и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба в них же бе воевода совершенного полка небесных вой, архистратиг Михаил. Двое воеводы видеша полци, тресолнечный полк и пламенныа их стрелы, яже идут на них. Безбожнii же тотарове от страха Божиа и от оружья крестьянского падау. И възнесе Бог нашего князя на победу иноплеменник».

Из Сказания о Мамаевом побоище: «Уже бо, братие, в то время пльки ведут: передовой пльк ведет князь Дмитрий Всеvolодович да брат его — князь Владимир Всеvolodович, а с правую руку пльк ведёт Микула Васильевич

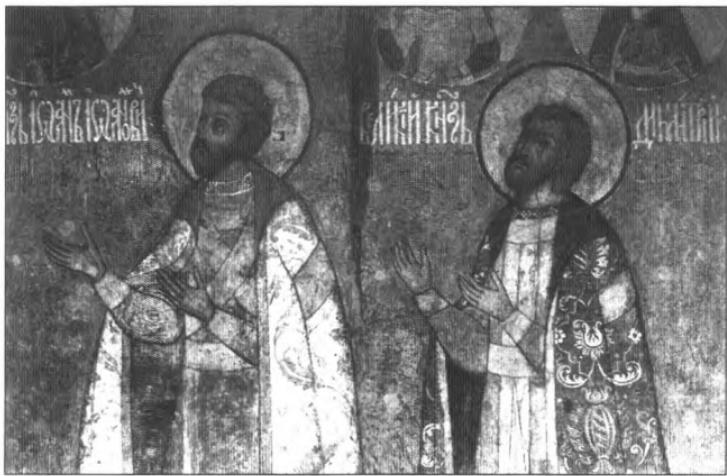
с коломничи, а левую же руку пльк ведеть Тимофей Волуевич с костромичи...

Наставшу же третьему часу дни, видев же то, князь великий и рече: “Се уже гости наши приближилися и ведутъ промежу собою поведенную, предний уже испиша и весели быша и уснуша, уже бо время подобно, и час прииде храбрость свою комуждо показати”. И удари всяк въин по своему коню и кликнушу единогласно: “С нами Бог!” И пакы: “Боже христианский, помози нам!” — погани же половци свои боги начаша призывати.

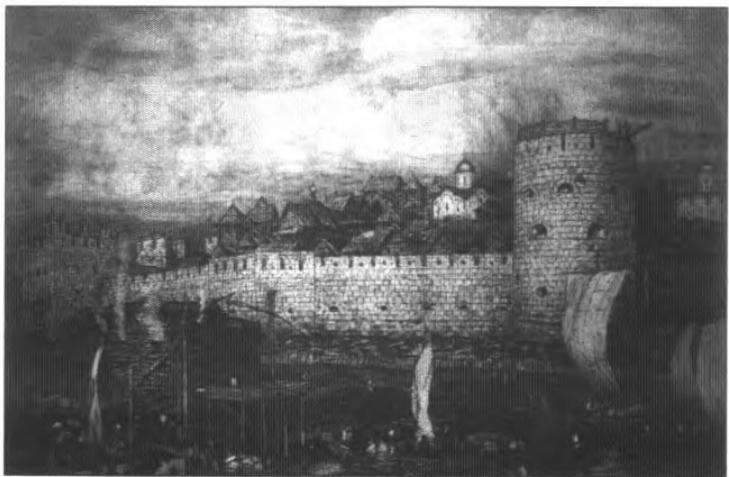
И съступиша грозно обе силы великиа, крепко бьющеся, напрасно сами себе стираху, не токъмо оружием, нъ и от великиа тесноты под коньскими ногами изыхаху, яко немощно бо вместитися на том поле Куликове: бе место то тесно между Доном и Мечею. На том бо поле силнии пльци съступиша грозно, из них же выступали кровавые зари, а в них трепеталися силнии мльниа от облистания мечнаго. И бысть труск и звук велик от копейнаго ломлениа и от мечнаго сечения, яко не мощно бе сего грького часа зрети никако же и сего грознаго побоища. Въ един бо час, въ мгновении ока, о колико тысуц погыбе душъ человеческих, създания Божиа! Воля Господня съврьшается: час же третий, и четвёртый, и пятый и шестый крепко бьющеся неослабно христиане с половци.

Насташу же седмому часу дни, Божиим попущением наших ради грехов начаша погани одолевати...

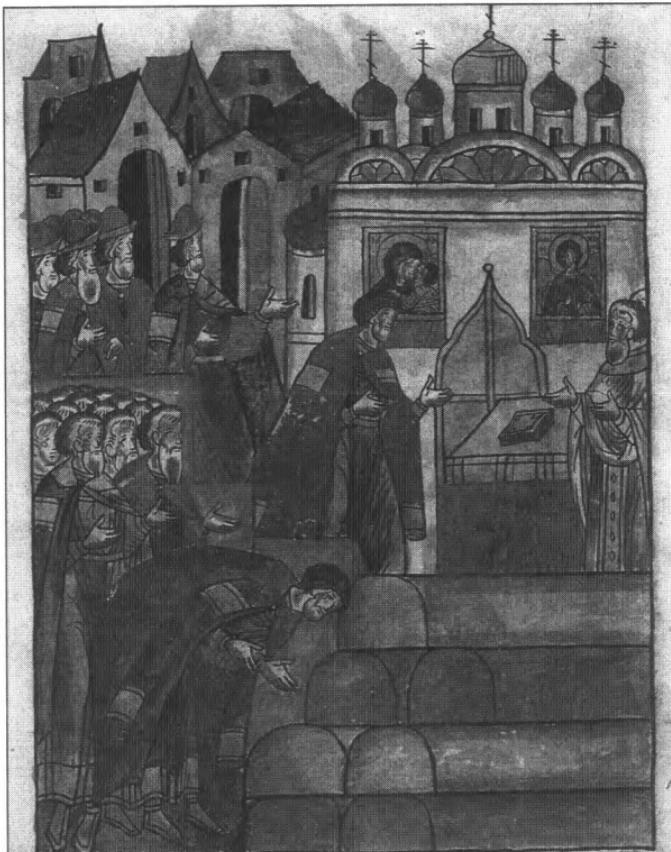
Приспе же осмый час дню... възопи же Вълынец гласом великым: “Княже Владимир, наше время приспе,

Великие князья Иван Иванович
и Дмитрий Иванович Донской.
Фреска из Архангельского собора в Кремле

Московский Кремль при Дмитрии Донском.
Художник А.М. Васнецов

И въ пещинѣ же пои, и по апостолу цркви
Печного архистратига михаила - иоу
иконы земле на сѧ и помори сѧ, и
и букою о штормителен сѧ
сѧ и прости сѧ
и и бытии сѧ
и сѧ и сѧ

Дмитрий Иванович молится у гроба родителей
в церкви Св. Михаила. Лицевой летописный свод

Даміженатъ поданъ записъ и готоци
Дмитръ сопришёши ми тогді склони.
и сопришёши съонъ ста ми шго. аѣ
стяже пе ѿ нишикудъ. по сданъ ии
въ поле стояжи залко си въша. и не є
ѡнихъ и пѣти ни
чтоже:

Дмитрий Иванович с князьями собирает войско.
Лицевой летописный свод

Глядя же с москвитинами три хоры
 града константина и винополиты
 егоже погребало изъ пещерин промо-
 дилъ святѣмъ когдѣры сподиими. Опѣ же
 и мѣтѣ подошѣ цѣлѣ граду
 простириша

Проводы Мития,
 архимандрита Спасского монастыря,
 в Константинополь и его смерть.
 Лицевой летописный свод

Тогдѣ сѣ што го лѣтъ пасци прѣ а по ути бѣ
поли поупопѣ пришѣшау изъ сѣла
памоскѣвъ иже прѣшишѣ прѣже а си епъ
злѣши го лѣтъ постѣщѣ цѣпѣ вѣ по ѿѣ
грауѣ па роусь а митрополитъ вѣ єшѣ
прижитопѣ алексѣевъ и прислаше
ли сомоукѣи дѣ митрополи и пасопи чю
памоскѣвъ . та , патріархъ гамлѣ по
стапи митрополитъ па роусъ :

Князь Дмитрий Иванович и митрополит Киприан.
Лицевой летописный свод

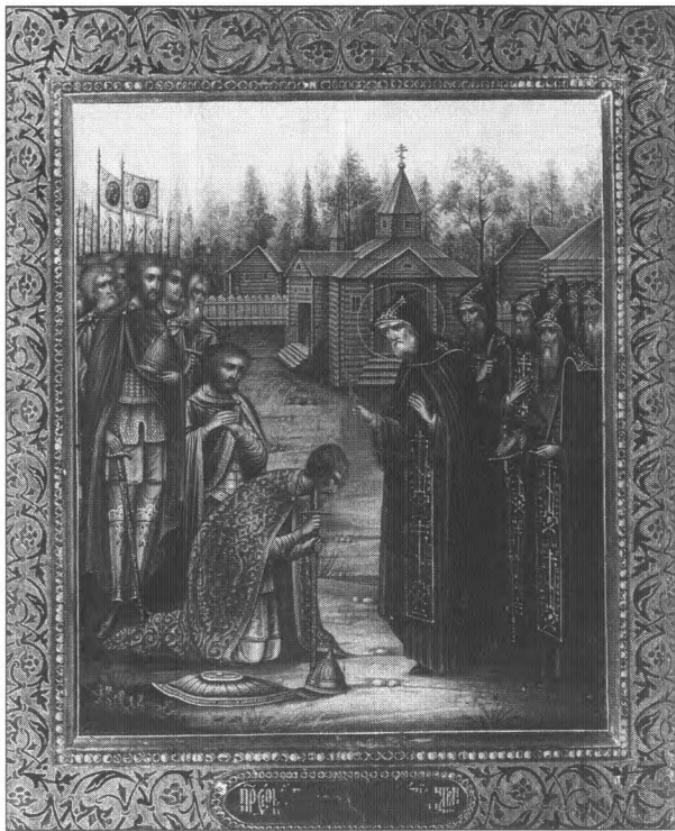

Битва на реке Вожа 11 августа 1378 г.
между ратью князя Дмитрия Ивановича
и золотоординцами под командованием мурзы Бегича.
Лицевой летописный свод

И нача се съдеши сът просятии унегопе
Пресвѣтии ищемъ въл. моуже отпали
риди и полки оумѣющиа руднити. гдѣ
стѣце. и ѿчудлѧющиа вониша шеоего
полюсъ чернечесъя гора ѿвратиша пере
стѣтии душелъвъл. сине соуть аѣт
доми се ти вратиши ци пе дній ибо
гаты рѣцѣ пѣтии. и немысленіи
лакони висомоудѣлоу и нарадоу :

Дмитрий Иванович просит у Сергия Радонежского
Пересвата и Ослябю. Лицевой летописный свод

Сергий Радонежский благословляет Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Икона. В. Гурьянов. 1904 г.

Поединок Пересвета с Челубеем.
Художник М.И. Авилов

Утро на Куликовом поле. Художник А.П. Бубнов

Донская икона Божией Матери

Посла прознѣтеры ильконыши
Супными крѣты несцепнѣю подою
анисолесиѣ и пофлоропешиѣ на сконъ
стлнѣтию елѣсиишрата слѣллти
петѣхъ. днѣжкѣ поинвѣгтиел
иже несцепнѣю подою и
шіфотиши

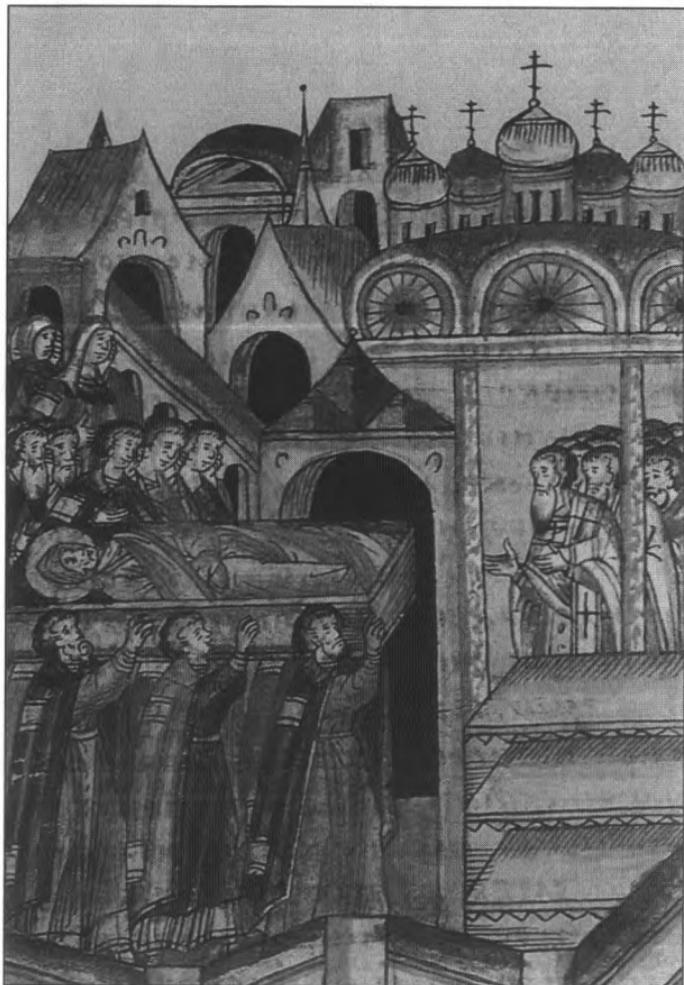
Дмитрий Иванович посыпает священников
с иконами к воротам Кремля для благословения народа.
Лицевой летописный свод

Оборона Москвы от хана Тохтамыша.
Художник А.М. Васнецов

Тохтамыш штурмует стены Кремля в 1382 г.
Художник Э.Э. Лиснер

Погребение Дмитрия Донского в Архангельском соборе
Московского Кремля. Лицевой летописный свод

Великая княгиня
Евдокия Дмитриевна,
супруга Дмитрия Донского.
Антропологическая
реконструкция

Памятник
Дмитрию Донскому
в Коломне

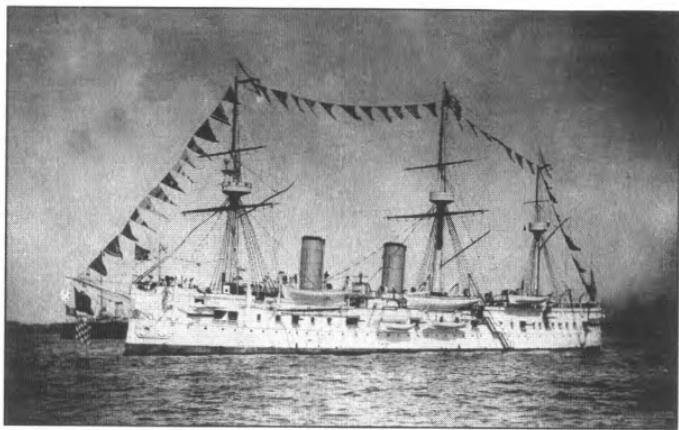
Великий князь Дмитрий Иоаннович Донской (1363—1389).
Художник В.П. Верещагин

ЛІСІАЛІСНАЛГІНІ єпдокії . по премлішє
стай єжна постриженіє плаистырь ."

Рошечкі монастырь . ігоюоніе по
Дспріймъ . і поиноче сінш бразг ю
блече єз . і претпоренок юєст вімлє
єп. д. росній . і троудолюбезно поче
стапа . и шігл подцигъ поизла ще
і докроте телнотече ює соперши .
у кгюу аугоди

Пострижение в монахини Евдокии, жены великого князя
Дмитрия Донского в 1407 г. Лицевой летописный свод

Крейсер «Дмитрий Донской». Начало XX в.

Танк из танковой колонны «Дмитрий Донской»
в Донском монастыре в Москве

и час подобный прииде!» — и рече: «Братъя моа, друзи, дръзайтє: сила бо Святаго Духа помогает нам!»

Единомыслении же друзи выседоша из дубравы зелены... ударилися на ту великую силу татарскую...

Погани же половци увидеша свою погыбель, кликнуша еллинским гласом, глаголюще: «Увы нам, Русь пакы умудрися: уншии с нами брашася, а доблии вси съблюдошася!» И обратищася поганий... и побегоша».

Вот это всё, что нам доподлинно известно о битве. Всё остальное от лукавого.

Также приведу описания битвы авторов, наиболее сдержанно пересказавших летописный текст.

«Дмитрий не изменил себе и великодушию: громогласно читая псалом: *Бог нам прибежище и сила*, первый ударил на врагов и бился мужественно как рядовой воин; наконец, отъехал в средину полков, когда битва сделалась общею.

На пространстве десяти вёрст лилась кровь христиан и неверных. Ряды смешились: инде россияне теснили моголов, инде моголы россиян; с обеих сторон храбрые падали на месте, а малодушные бежали; так некоторые московские неопытные юноши — думая, что всё погибло — обратили тыл. Неприятель открыл себе путь к большим, или княжеским знаменам и едва не овладел ими: верная дружина отстояла их с напряжением всех сил. Ещё князь Владимир Андреевич, находясь в засаде, был только зрителем битвы и скучал своим бездействием, удерживаемый опытным Дмитрием Волынским. Настал

девятый час: сей Дмитрий, с величайшим вниманием примечая все движения обеих ратей, вдруг извлёк свой меч и сказал Владимиру: “Теперь наше время”. Тогда засадный полк выступил из дубравы, скрывавшей его от глаз неприятеля, и быстро устремился на монголов... Сей внезапный удар решил судьбу битвы». (Карамзин, 123.)

«Часу в двенадцатом начали показываться татары: они спускались с холма на широкое поле Куликово; русские также сошли с холма, и сторожевые полки начали битву, какой ещё никогда не бывало прежде на Руси; говорят, что кровь лилась, как вода, на пространстве десяти вёрст, лошади не могли ступить по трупам, ратники гибли под конскими копытами, задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала как скошенное сено, и татары начали одолевать. Но в засаде в лесу стояли ещё свежие русские полки под начальством Владимира Андреевича и известного уже нам воеводы московского, Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка... “Теперь пора!” — сказал Волынский, и засадное ополчение бросилось на татар. Это появление свежих сил на стороне русских решило участь битвы». (Соловьёв, 277.)

Советские историки в силу известных обстоятельств были вынуждены умалчивать о сверхъестественном аспекте события, происходившего 8 сентября 1380 года. Однако у нас есть свидетельства, которым нет оснований не доверять.

Слово летописцу (о помощи Небесных сил): «Бысть бо яко в девятый час бывающеся, и мнозии верни видеша агели помогающее христианом, и святых мученик полки,

и воина великого Христова Георгия, и славного Дмитрия, и великих князей Русских святых мученик Бориса и Глеба, в них же бе и воевода свершенаго полка небесных сил великий архистратиг Михаил».

Историки и писатели, занимавшиеся Куликовской битвой, внесли в эту историю много такого, что не имеет подтверждения в источниках. Что они добавили, что утверждали, будет ясно из моих замечаний.

Исследователь Н.С. Борисов сделал важное методологическое замечание, которым руководствуется автор данного труда.

«О действиях предводителей полков историки не могут дать точного ответа. Споры, идущие между ними по тем или иным обстоятельствам дела, имеют затяжной и нескончаемый характер, так как речь идёт не более чем о построении и опровержении гипотез, не подлежащих проверке в силу специфики самого предмета истории — прошлого. Построение гипотез, выдаваемых за открытия, — это увлекательное занятие, бесплодность которого является главной профессиональной тайной историков...» (Борисов, 107.)

Прежде всего мы должны уяснить, что ни о каком сторожевом полке источники не говорят. Говорится о главном полке и о полках правой и левой руки.

Поэтому схема построения русского и татарского войск, кочующая из издания в издание¹⁶, придумана от начала до конца.

¹⁶ Наиболее раннее её изображение помещено в Военной энциклопедии 1911—1915 гг. издания.

Взглянем на неё и убедимся, что войско русское так построено быть не могло.

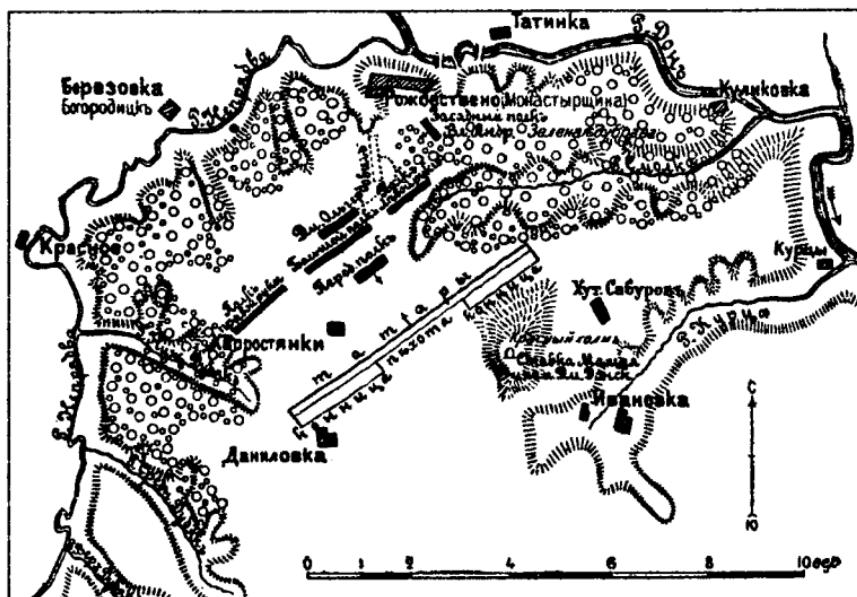

Схема № 1*

Пояснение к схеме № 2: На Куликовом поле выстроились два войска... Московское возглавлял сторожевой полк (I) Семёна Мелика, насчитывавший до тысячи конных витязей... за ним располагались Передовой (IV) и Большой (V) полки, в рядах которых находилось 24 тысячи пеших ратников. Фланги их прикрывали полки Правой (II) и Левой (III) руки, в которые входило по 3—4 тысячи тяжеловооружённой кованой рати... Дмитрий предусмотрительно развернул 3600 ратников резерва (VI)... велико-княжеский стяг, защищаемый 300 дружиинниками. За-

* Военная энциклопедия. СПб., 1914. т. XIV. С. 379. Автор неизвестен.

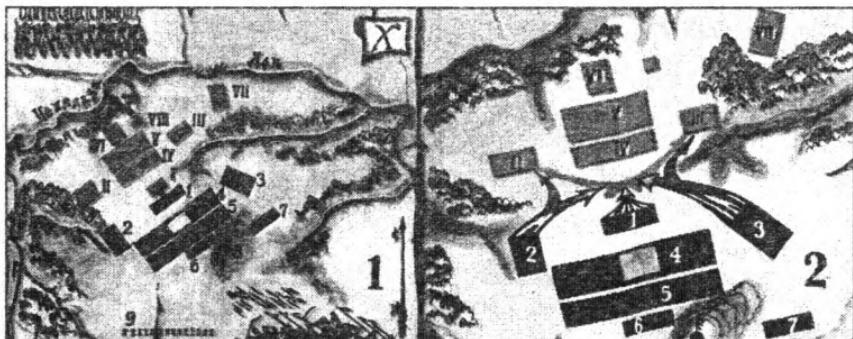
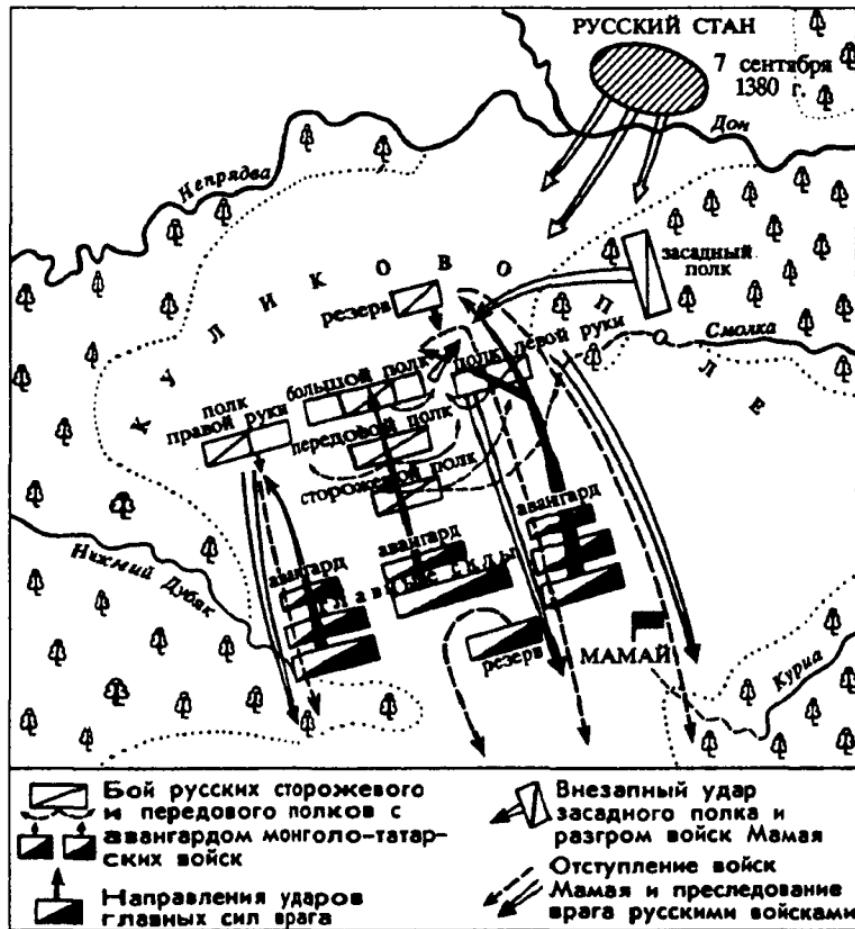

Схема № 2*

садный полк (VII) — 4 тысячи витязей Дмитрия Бобрука и Владимира Серпуховского.

Мамай двинул навстречу сторожевому полку свой передовой отряд (1) — от 3 до 5 тысяч бездоспешных лёгких конников. За ним готовились к атаке 14—15 тысяч спешенных тяжелооружённых всадников (4) и в центре их боевого порядка были 4 тысячи генуэзских наёмников (на схеме показаны синим цветом). С тыла их подпирали 25—36 тысяч спешенных лёгких всадников (5), за которыми разместился заградительный отряд — 3 тысячи воинов (6), главной задачей которых было не допустить бегства ордынцев с поля боя. Фланги Мамаева воинства прикрывали отряды лёгкой конницы, насчитывавшие 10—12 тысяч (2) и 15—20 тысяч бойцов (3). Справа и сзади главных сил ордынский военачальник развернул 1 тысячу резерва (7), а на некотором отдалении от своего КП, прикрываемого 1 тысячей охраны, сосредоточил огромный обоз (9) — до 70 тысяч телег и 300 тысяч лошадей.

* Техника — молодёжи. 1980. № 9. С. 6. Автор В. Прищепенко(?)

* Борисов Н.С. Русские полководцы. 1993. М., С. 109.

полк выдвинут далеко вперёд от основных сил. Фланги его открыты. Татарское войско, наступающее сплошным фронтом (фалангой), запросто обойдёт его с флангов и охватит с тыла. Так волна охватывает одиноко стоящий утёс. Участь сторожевого полка при такой схеме незавидна, он будет истреблён до единого воина, не принеся никакой пользы. Эта же участь ожидает и полк, стоящий за ним.

В античную эпоху впереди строя фаланги или легиона выходили отряды легковооружённых пехотинцев, великов (застрельщиков), которые осыпали вражеский строй градом дротиков и ядер из пращей. Но, выполнив свою задачу, они уходили в тыл.

А какая задача могла быть поставлена сторожевому полку? Ни за что погибнуть?

Русские полки могли быть построены только в одну линию (уже упоминавшуюся фалангу) тесно сомкнутого строя, а воеводы, командовавшие полками, были необходимы до того времени, когда войска сойдутся и начнется всеобщий бой.

Впервые сообщение о сторожевом полке появляется в Новгородской летописи спустя 150 лет после битвы. Летописец переносит примеры построения войск XVI века в XIV век.

«Деление на полки вооружённых сил Московского государства, — замечает О. Кузнецов, — характерно только для XVI века, но никак не для XIV столетия, отдельные княжеские дружины численностью в 1—1,5 тысячи воинов умели драться в лучшем случае своей корпора-

цией, но никак не в составе каких-либо соединений, а поэтому русское войско при стереотипной численности в 150 тысяч человек в 1380 году физически не могло быть управляемым на поле боя». (Музей-заповедник, 55.)

В летописях не говорится ни о каком резерве, имеющемся на схеме позади основного массива войск. А глубоко уважаемый автором В.А. Чивилихин даже назвал численность резерва — около трети войск. Такого самоубийственного решения Дмитрий Иванович принять не мог. Треть войска, бездействующая в то время, когда идёт бой, — это неоправданный просчёт. К тому же есть Засадный полк. Он и является не чем иным, как резервом.

В летописях не говорится ни слова о каких-либо манёврах русских войск. Да они были невозможны при начавшейся общей рукопашной, когда десятки тысяч людей рубили друг друга, резали ножами, душили, вцепившись друг другу в глотку. Ничьи команды не могли быть услышаны в том тысячеголосом рёве, что клубился над полем битвы.

Тем более ни в одной летописи не говорится о мудром руководстве битвой Мамаем, что он сначала приказал атаковать центр русских войск, чтобы прорвать его, а когда это не удалось, приказал перенести удар на левый фланг. Здесь вопрос даже не о том, услышат ли воины приказы командиров, а о том, что если во время боя снять с одного участка какую-то часть сил (немалую, потому что от малого отряда не будет толка), это означает только одно — ослабление этого участка, чем не преминет воспользово-

ваться противник. Русские, почуяв, что натиск ослаб, и ослаб значительно, тут же перешли бы в наступление, обошли татар с фланга и ударили в тыл, то есть сделали бы то, что потом проделает Засадный полк, и гораздо раньше завершили бы битву. Рассказ о переносе татарами удара с центра на фланг — чистейшей воды выдумка.

Авторы, берущиеся писать о Куликовской битве, невольно переносят на ту эпоху опыт войн XVIII—XIX веков с их залповой стрельбой и даже опыт Великой Отечественной войны, когда вследствие высокой механизации вооружённых сил за короткий срок с одного участка фронта на другой перебрасывали дивизии, корпуса и даже танковые армии, производя манёвр колёсами.

Теперь о коннице. Убедившись, что фланги у Дмитрия Донского надёжно закрыты ручьями, болотами и русское войско не обойти, Мамай понял, что предстоит наносить удар в лоб. Сразу же, как опытный военачальник, он отправил конницу сражаться в пешем строю, потому что конница не прорвёт глубокое построение русских войск. Может, где-то вклинился, но ненадолго.

Он мог произвести атаку конницы в психологическом плане, отправить лаву конников, чтобы они осыпали русских дождём стрел. Но стрелами бой не выиграешь, надо идти сражаться. Часть конницы Мамай спешил, часть мог оставить в виде резерва или для погони за бегущим русским войском.

Поэтому не было стрельбы из арбалетов, о которой пишет Ф.Ф. Шахмагонов, утверждая, что именно арба-

леты нанесли татарской коннице настолько серьёзный урон, что она отступила и участия в бою больше не принимала.

Чтобы остановить конницу, нужна стрельба залпами. Для этого ещё до войны должны быть сформированы специальные арбалетные части, которых бы обучали залповой стрельбе. Таких подразделений не существовало. Научиться залповой стрельбе, когда одна шеренга арбалетчиков стреляет, другая целится, третья заряжает арбалеты, за то время, пока собиралось войско и шло от Коломны до Дона, невозможно.

И самое главное, на Куликовом поле нет массового обнаружения арбалетных стрел (болтов). Обычные наконечники стрел находят, а находки болтов единичны.

Во время раскопок древнеиудейских крепостей, которые осаждали и брали штурмом легионеры Тита, подобные находки весьма многочисленны. Так, например, при раскопках крепости Гамлы найдено более 2000 ядер для пращи и 1600 стрел для баллист. Ясно, что перед штурмом крепость была подвергнута жестокому артиллерийскому обстрелу. (Махлаюк, 325.)

В Англии были отряды лучников-профессионалов, которые сыграли большую роль в сражениях при Пуатье и Креси, но это связано с появлением первых отрядов регулярной армии. На Руси же в силу ряда причин профессиональной была только княжеская дружины, а для битв созывалось ополчение.

Я не согласен с В.А. Чивилихиным, что русские превосходили татар в вооружении. В войнах равных по экономическому развитию стран не бывает большого разрыва, всё усреднено, уравновешено. В Великую Отечественную войну наше превосходство или отставание по тактико-техническим характеристикам всех видов оружия было столь незначительным, что фактически мы сражались на равных. Не было оружия, с которым нельзя было бороться. Для более эффективной борьбы с нашими танками были разработаны и поставлены на вооружение панцерфаусты. Пригодны они были для городского боя, в полевых условиях применялись мало. У нас такого оружия не было, и первое время панцерфаусты были проблемой, танкисты боялись их, но научились бороться и против них. Так же обстояли дела с вооружением и в Северную войну, и в Отечественную войну 1812 года, и в Перовую мировую войну. Решающим фактором в сражении оружие может быть только в войнах вроде англо-зулусских, где винтовкам противостояли луки.

Совсем недавно, буквально в последние годы, было сделано «открытие»: решающую роль в нашей победе сыграла татарская конница, а вовсе не воины Дмитрия Донского». (Бушин, 163.)

У И.Б. Грекова встречается интересный факт: «В результате успешных операций на территории волжских булгар русским князьям удалось добиться не только большого выкупа, но и перехода некоторых татарских феодалов на службу к московскому князю». (Греков, 91.)

Вполне возможно, что какие-то малозначительные татарские князьки состояли в это время на русской службе, но ни в одном источнике нет упоминания о крупном кавалерийском, сплошь татарском по составу, конном соединении таких размеров, что оно могло повлиять на ход битвы.

То, что Куликовская битва предоставляет широкое поле для фантазии, показывает пример Л.Н. Гумилёва. В своём труде «От Руси до России» в описании Куликовской битвы у него есть такая деталь: «Татары на полном скаку врезались в густые цепи москвичей, выставивших копья. Татарские кони перемахивали через копья, татары кривыми саблями рубили направо и налево...» (Гумилёв, 2, 145.) Картина абсолютно невероятная, возможная только в современных кинобоевиках с их компьютерными спецэффектами.

Во-первых, в густые цепи пехоты коннице не врезаться: кони не пойдут на выставленные копья, как не шли они, например, в битве при Ватерлоо на штыки старой гвардии, построившейся в каре.

Во-вторых, татарский всадник должен был совершить прыжок в длину по крайней мере около трёх метров и до полутора в высоту. Спортсмены-конники на состязаниях по конкуру скачут в лёгкой спортивной одежде, высота препятствий не превышает 1 метра 20 сантиметров, и не все они справляются с заданием, а здесь вооружённый саблей и щитом, луком и колчаном, в защитном вооружение всадник перепрыгивает через воина ростом по

меньшей мере 140—150 сантиметров. Возможно, в татарском войске и нашлось бы два-три коня, которые могли прыгать подобно Бурушке Косматой Ильи Муромца, но здесь-то складывается впечатление, что такие прыжки совершаются едва ли не поэскадронно. Картина не реальная. Ведь даже теоретически, чтобы совершить такой прыжок, нужно разогнаться.

Далее Л.Н. Гумилёв пишет: «*И как пишет летописец, “москвичи, яко не привычные к бою, побежаху”*». (Гумилёв, 2, там же.) Во-первых, я таких слов ни в одной летописи не обнаружил. Во-вторых, если бы они на самом деле «побежаху», то далее автор пишет: «Казалось, что битва уже проиграна», тогда не казалось бы, *она была бы проиграна*, потому что едва войско начинает бежать, его уже не остановить. Не помог бы и засадный полк, его увлекли бы с собой бежащие массы. Неясно и происхождение цифры «10 тыс. свежих бойцов», входивших в запасный полк. И вообще удивительно само выражение «яко не привычные к бою». На реке Воже воины были «яко привычные», а через два года привычку утратили. Я понимаю, что рискую, упоминая имя Л.Н. Гумилева в таком контексте. Для определенного круга историков и читателей он едва ли не местночтимый святой, но надо же представлять себе, о чём пишешь.

Внимательный читатель, должно быть, заметил, что я не касаюсь вопроса о численности войск, бившихся на Куликовом поле. Относительно точные сведения о количестве войск появляются во времена, когда при войсках

возникает штабная служба (XVI—XVII вв.), начинает вестись документация, отчётность, хотя не редкость, что и в штабах привирали. Данные же о числе войск Античности и Средневековья ничем не подтверждаются. В своё время немецкий историк Ганс Дельбрюк устроил настоящее побоище в истории греко-персидских и прочих войн времён Античности. Относительно Куликовской битвы побоище подобное устраивать ни к чему, но цифры в 200 или 300 тысяч воинов, сошедшихся на поле, баснословны. От татарской стороны вообще ничего определённого сказать нельзя, а в отношении Руси надо заметить, что они не соответствуют мобилизационным возможностям Московского и дружественных ему княжеств. Войска означенной выше численности просто было не собрать на Руси. Исследователь А.Н. Кирпичников приводит цифру около 50—60 тысяч человек, и с ним нужно согласиться. (Кирпичников, 68.)

Ещё одно замечание. Поскольку по пути следования такое войско не прокормить за счёт местного населения (даже если его не грабить, а честно покупать), а кроме того, нужно было рассчитать количество припасов и на обратную дорогу, то при численности войска в 200 тысяч человек обоз растянулся бы на такое расстояние, что голова войска подходила бы к Куликову полу, а хвост только отходил бы от Коломны.

О продолжительности битвы. Большинство источников говорит, что она длилась три часа: с девятого часа (счёт вёлся от восхода солнца) до двенадцати. В то же время в

сказании речь идёт о восьми часах. Это явное преувеличение, действительно сказочное.

«Как показывают современные исследования, боец в передовой линии, активно действующий холодным оружием, может сражаться эффективно не более 15—20 минут, после чего нуждается в отдыхе...» (Махлаюк, 278.)

Далее современные исследователи говорят о замене уставших бойцов свежими силами, однако учёный Голдсуорти утверждает, что ни отступление раненых, ни замена уставших не могли быть осуществлены, когда линии находятся в непосредственном боевом контакте. Вполне веский довод. Допустим, один боец устал, а его противник нет, что же, он даст ему время для отдыха? Конечно, не даст, он с большей лёгкостью убьёт его. Это в игре в хоккей производят замены, а в битве, когда люди разнятся и умением владеть оружием, и выносливостью, не может быть речи о заменах.

Да, условия битвы и опасность быть убитым могут дать дополнительные силы, и воин может вдвое превзойти порог усталости, но всё равно неизбежно он устанет.

«Рука бойцов колоть устала», — писал поэт XIX века, когда оружием пехотинца был штык, а не трёхкилограммовый (а то и тяжелей) меч, да на плечах кольчуга, да на голове металлический шлем, а в левой руке щит.

После трёхчасовой рубки войска не просто устали, они изнемогли. Наступили критические минуты, в какую сторону качнутся весы, кто первый устанет так, что уже не сможет сражаться.

Левое крыло русских (надо воздать должное его стойкости) медленно отходить под напором татар, загибаться, давая возможность татарам ударить ему во фланг, а затем обойти и ударить большому полку в тыл. В то же время татары оказались обращёнными к засадному полку тылом. Многоопытный воевода Боброк удержался от соблазна ударить тотчас, несмотря на уговоры Владимира Андреевича Серпуховского, и только когда татары углубились достаточно далеко, дал команду наступать.

Роль засадного полка была скорее моральной, духовной, чем материальной. Ведь удар, который нанёс засадный полк, был сосредоточен на ничтожно малом участке в сравнении с общей протяжённостью фронта. Это был скорее укол, чем удар. Но укол смертельный. Татар ошеломил вид невесть откуда появившихся свежих русских сил. Настолько свежих и бодрых, что они без устали рубили татар. Тут же воспрянуло отходившее левое крыло. Татар погнали именно на этом участке фронта. В битвах тех лет достаточно было получить успех на одном участке, как начинало рассыпаться всё войско (не привожу примеры за их многочисленностью). Как гонимый ветром пожар, по всему татарскому войску пронеслась весть о свежих силах у русских, которая ободрила русских и повергла в панику татар.

Первым с высокого холма увидел и оценил происходящее Мамай. Если бы он проявил выдержку, быть может, всё ещё можно было поправить. Как уже указывалось, удар был нанесён на весьма узком участке, выражаясь

военным языком, пока это был частный успех. Однако нервы у Мамая не выдержали, Вожское побоище мигом припомнилось ему, он вскочил на коня и пустился наутёк. С ним помчалась его свита. «Хан бежит!» — крикнул кто-нибудь один, и для татар всё было кончено.

В битвах Средних веков чрезвычайно важна была роль полководца¹⁷. Только глубоким пониманием этой роли объясняется мужественный поступок Дмитрия Ивановича, надевшего кольчугу простого ратника и вставшего в общий строй. Он знал, что, если он будет стоять у княжеского стяга и его убьют, битва будет проиграна. Если же его убьют в общей рукопашной, никто об этом не узнает. Войско будет продолжать сражаться, будучи уверенными, что князь жив и вместе с ними бьётся с врагом.

Татарское войско побежало. Началась поголовная резня отступавших. Летописи указывают, что татар преследовали до реки Мечи, это 70 километров от Куликова поля. Не берёмся судить, насколько это соответствует истине. Воины бежать не могли. Возможно, преследованием занялся сам зasadный полк.

Итак, битва завершилась. Победители сходились к княжескому стягу, где лежал порубленный боярин Бренко.

¹⁷ Вспомним подвиг Милоша Обилича на Косовом поле. Обманным путём добравшись до султана Сулеймана, он убил его. Если бы про это узнало турецкое войско, сербы, возможно, победили бы. Но сын Сулеймана Баязет приказал всем молчать, ничего не говорить войску и взял командование в свои руки. Милоща тут же изрубили саблями, сербы были побеждены и подпали под турецкое рабство, иго.

Но среди победителей не было великого князя. Приялись искать и нашли его, лежащего без сознания под берёзой на краю поля. Очнувшись и увидев Владимира Андреевича, он сразу спросил: чья победа?

Владимир Андреевич успокоил его и обрадовал, сказав, что татары побеждены.

Доспехи князя были побиты, измяты, на лице ссадины и синяки, но ни одной открытой кровавой раны не было.

Эпизод с обретением князя под берёзой обнаруживается скорее в позднейших, нежели более ранних текстах Куликовского цикла, что дало историкам (Тихомиров) право утверждать, что это вставка, сделанная по повелению митрополита Киприана, дабы принизить подвиги князя.

При внимательном прочтении ничего принижающего доблесть великого князя не обнаруживается. Контуженный, побитый воин вышел из боя, чтобы отдохнуть и набраться свежих сил, — обычное явление на войне. В Летописной повести говорится, как некий воин видел великого князя сражавшегося с четырьмя татарами. Представьте себе, что вас с четырёх сторон оаживают саблями. Что с вами будет? Обычного человека эти татары мигом бы срубили, но великий князь был богатырь телом и духом. Видимо, князь отбился и сам зарубил этих татар или разогнал их. Но при этом пропустил, конечно, много ударов.

Слово летописцу: «И поиде з братом и со остаточными князи и воеводы, яко мало их суще осталеся и виде

мертвых лежащее, аки копны, и смесишася христьяне с татары, кровь христьяньская слияся с Татарскою кровью, и бе видение страшно и ужасно зело».

Восемь дней Дмитрий Иванович, как говорили раныше, «стоял на костях»: хоронили погибших, готовились в обратный путь, тяжелораненых и искалеченных везли в обозе.

А в Москве гремели колокола всех городских церквей, люди радовались, обнимались, но больше все же было плачущих женщин и детей, не дождавшихся мужа, отца, брата, деда. Потери были очень велики.

В память о победе великий князь учредил Дмитровскую субботу. В ближайшую субботу перед днём памяти святого Дмитрия Солунского установлено поминать всех вождей и воинов, на поле брани за Веру и Отечество живот свой положивших.

Почему же Дмитрий Донской и русское войско победили Мамая?

Победа была одержана благодаря тому, что на то было изволение Божие. Оно проявилось в благословении преподобного Сергия, во взятой из Смоленского собора иконе Богородицы, в явлении иконы святителя Николая, в видении Фомы Кацыбя, в прибытии на Куликово поле просфоры из Троицкой обители, в том, что битва состоялась в день Рождества Богоматери, в том, что некоторые воины имели возможность видеть, как русскому войску помогают силы Небесные.

Великий князь уже после битвы узнал ещё об одном знамении, предвещавшем победу над врагом.

Во Владимире, в обители Рождества Пресвятой Богородицы, в ночь на 8 сентября инок молился у гроба благоверного князя Александра о заступничестве в борьбе с притеснителями. Внезапно сами собой загорелись свечи у гробницы, появились два светлых старца, приблизились к гробнице и воззвали: «Восстани, Александр, ускори на помошь сроднику своему великому князю Дмитрию, одолеваемому от иноплеменников!» Перед взором инока как живой явился из гроба Александр, и все трое стали невидимы.

Победа осуществилась благодаря высокому духовному и боевому настрою всего войска, которое шло с одной целью — победить или лечь костьми.

Битву удалось выиграть благодаря организаторским талантам великого князя, сумевшему созвать и сплотить в одно могучее воинское тело дружины и отряды из разных княжеств.

Победа стала возможной благодаря полководческому гению Дмитрия Ивановича, сумевшему духовным взором предвидеть, что татары именно тут, в виду засадного полка, попытаются прорвать и почти прорвут фронт русских полков. Тут приходится говорить о творчестве полководца, а творчество не поддаётся разумной оценке, здесь присутствует интуиция, особый дар предвидения.

Велико было значение победы на Куликовом поле.

С.М. Соловьев сравнивает Куликовскую битву с великими битвами древности, с битвой на Каталаунских полях, где решалась судьба Рима. Историк вспоминает

Калку, где князья были разобещены, а когда Дмитрий «вывел их против татар на берега Дона, то не было между ними никаких распрай и победа осталась за Русью. Историку прошлого вторит историк современный. Л.В. Черепнин писал: «На борьбу с татаро-монгольскими захватчиками выступала рать не просто московская, а общерусская». (Греков, 136.)

С.М. Соловьёв затрагивал и геополитическую сторону великого события. Он говорил, что Куликовская битва была знаком торжества Европы над Азией. Битва должна была ответить на вопрос: какая из этих частей света восторжествует над другой?

«Война 1380 г. основывалась на применении русскими наступательной стратегии, связанной с последовательным упреждением действий противника и концентрированием сил на главном направлении удара для завязки генерального сражения. Такой подход к военным операциям был новостью в XIV в., он опрокидывал укоренившиеся представления о военной слабости “русского улуса”, его безысходной подчинённости Золотой Орде. Доктрина извечного военного превосходства монголо-татар над их соседями исповедовалась и Мамаем. В результате ордынское командование допустило недооценку боеспособности и мобильности русских сил, что повлекло серию непростительных ошибок. Ордынцам было навязано тактически невыгодное для них место сражения. В отношении службы охранения, разведки, выделения общего и частного резервов русские превзошли своего

противника». Такой вывод делает историк А.Н. Кирпичников. (Кирпичников, 111.)

Битва показала силу единой Руси. В единстве сила. Для того чтобы выжить, чтобы русским осться народом, а не затеряться на дорогах истории, нужно объединяться. Но это осуществит уже праправнук Дмитрия Ивановича — великий князь Иван III.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ПЕРЁДЫШКА

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

В. С. Соловьёв

Понимая, что Орда так легко не отстанет от Руси, не выпустит из своих загребущих лап лакомый кусок, великий князь, несмотря ни на что, рассчитывал на длительный отдых, мир. За это время он оправится от болезней, скопом обрушившихся на него, укрепит государство и само государство окрепнет, народятся дети, войдут в силу и возмужают подростки, чтобы встать с оружием на защиту родной земли.

Но, увы, перед новым, пожалуй, не менее страшным, нежели Куликовская битва, испытанием великому княжеству Московскому Божиим промыслом была дана короткая, меныше двух лет, передышка.

Первоочередной задачей, стоявшей перед князем, было устройство Церкви. Во времена не столь далёкие началась в Русской Церкви смута.

Она возникла в последние годы жизни святителя Алексия.

Во второй половине 1370-х годов митрополит заметно сдал, с трудом ходил, таял на глазах. Кто заменит его?

Вроде бы праздный вопрос. Кого желать в преемники святителю, как не преподобного Сергия? Его почитает народ, он один из самых близких людей митрополита и великого князя. Кому ещё быть митрополитом, как не ему?

Однако смиренный игумен, до сей поры пребывавший в кротком послушании у митрополита и великого князя, решительно отказался взойти на митрополичью кафедру.

Положение осложнялось тем, что официальный преемник у святителя Алексия уже был.

Опасаясь за свою жизнь, святитель не посещал западные епархии митрополии, находившиеся во власти Литвы. В 1359 году, когда святитель приехал в Литву, по приказу Ольгерда его схватили и бросили в темницу. Поистине лишь чудом избежал он смерти! Ольгерд, претендую на роль объединителя русских земель, настоял, чтобы константинопольский патриарх Филофей возвёл в сан митрополита Киприана, болгарина по происхождению, имея в виду, что Киприан впоследствии сменит святителя Алексия.

Поставление Киприана в митрополиты произошло по настоянию Литвы. Святитель Алексий болел, и Литве желательно было загодя определить на его место человека более сговорчивого и податливого литовскому влиянию, нежели Алексий. Литовские князья, тоже мечтавшие об объединении русских княжеств, но под своим началом, не могли этого достичь, не имея на своей стороне человека, своим духовным авторитетом благословлявшего их намерения.

Дмитрий Иванович категорически не признавал Кириана преемником Алексия. Его возмутило, что Кириана посвятили в митрополиты, не спросив ни согласия князя, ни благословения святителя Алексия, и вообще против всех правил. Кроме того, Дмитрий Иванович хотел, чтобы на русской кафедре был свой человек, которого он хорошо знает и которому доверяет, и непременно природный русский. И такой человек был.

Когда попытки Дмитрия Ивановича и святителя Алексия убедить преподобного Сергия стать митрополитом потерпели неудачу, великий князь обратил своё внимание на коломенского священника Митяя (полное имя его не указывается в источниках, видимо, его звали Дмитрием, а презрительной кличкой Митяй его оставили летописцы).

Великий князь познакомился с Митяем на своей свадьбе. Уже тогда ему приглянулся коломенский священник: высокий, статный, рассудительный, умеющий хорошо говорить. Митяй обладал красивым певческим голосом, был начитан, а познакомившись ближе, великий князь убедился в его незаурядной памяти, деловитости, исполнительности. Такой человек давно был нужен ему. Священник стал духовником и печатником великого князя, то есть хранителем княжеской печати. В сопоставлении с Великобританией пост был равнозначен посту лорда-хранителя королевской печати, одного из высших сановников королевства.

Даже ненавистники Митяя, постаравшиеся оставить о нём недобрую память, не могли не признавать его достоинств.

Слово летописцу: «Сий Митяй саном беаше поп... возрастом не мал, телом высок, плечист, рожаист, браду имея плоску и велику и свершену; словесы речист, глас имея доброгласен износящ; грамоте горазд, пети горазд чести горазд; всеми делы поповьскими изящен и по всему нарочит бе. И того ради избран бысть изволением великаго князя во отчество и в печатники; и бысть Митяй отец духовный князю великому и всем бояром старейшим... юже на собе ношаще печать князя великаго». (Прохоров, 219.)

Дмитрий Иванович, поставив митрополитом Митяя, опять оставлял митрополичью кафедру за русским, что противоречило намерениям Византии, человеком всецело преданным ему, которого никак нельзя было использовать в литовских интересах. Таким образом, Митяй, сам того не желая, оказался вовлечён в сложнейшую политическую интригу, в которой изначально не желал принимать никакого участия и которая стала для него погибелью. Сверх того, своим митрополитом не хотел его видеть влиятельное столичное духовенство и среди них — игумен Троицкой обители преподобный Сергий.

Решив поставить Митяя митрополитом, великий князь безотлагательно принялся осуществлять своё намерение. Митяй был пострижен в монашество, вскоре возведён в сан архимандрита и назначен настоятелем Московского Спасского монастыря.

Дело оставалось за малым: получить благословение святителя Алексия на то, чтобы Митяй стал его преемником.

И вот тут между великим князем, с одной стороны, и митрополитом Алексием, преподобным Сергием, архимандритом Дионисием и московским влиятельным духовенством, с другой стороны, возник конфликт.

Какие мотивы породили конфликт доподлинно неизвестно. Но святитель Алексий, преподобный Сергий и другие не хотели видеть Митяя митрополитом Московским.

Мотивы могли быть различными — от личной неприязни до отторжения Митяя как новоука, человека малоопытного в молитвенной, монашеской духовной жизни, до стремления сохранить максимально полную независимость Церкви от великого князя. Хотя чем более крепнет государство и становится менее зависимым от внешних условий, тем неуклоннее оно подбирает, подминает под себя всё, что входит в пределы его влияния. Если на Руси существовали какие-то периоды симфонии между мирской властью и Церковью, то всё равно главное, решавшее слово в вопросах, затрагивающих интересы обеих сторон, всегда оставалось за светским владыкой. На Руси не было столь яростного противоборства, как в Западной Европе между папой и королями, у нас были поиски согласия, иногда принимавшие обличье борьбы, чем соблазнялись советские учёные. Скованные рамками атеистической идеологии, они объясняли пружины

конфликта боязнью Церкви потерять материальные доходы в случае полного подчинения Церкви государству. Должно быть, они полагали, что Церковь только для того и предназначена, чтобы обирать население, туже набивая церковную мошну.

Недостаток источников не позволяет достаточно объективно и беспристрастно прояснить этот эпизод отечественной истории.

Один источник утверждает, что святитель Алексий уступил великому князю и благословил Митяя.

Другой, что митрополит Алексий сказал буквально следующее: «Пусть его благословит Бог и Пресвятая Богородица и преосвященный Патриарх и вселенский собор» (подразумевается, что сам он это делать отказывается).

Доныне все, кто пишет о Митяе, условно делятся на киприановцев и антикиприановцев, косвенно указывая на главное лицо конфликта.

Так, киприановцы укоряют Митяя в стремлении к власти, желании властвовать.

Им возражают, что Митяй ничего не хотел и не добивался сам. В Церкви бытует выражение: «Послушание выше поста и молитвы». Единственная провинность Митяя в том, что он исполнял повеления князя. Так ведь и апостол говорит: «Бога бойтесь, Царя чтите». (1 Пет. 2: 17.) Святой Бенедикт говорил своим ученикам, что беспрекословное послушание начальникам и наставникам имеет великую силу. Вся провинность Митяя состояла

только в том, что он был послушен великому князю, что был должен делать любой подданный князя.

Слово летописцу: «... князь великий же восхоте Митяя, любляше бо его зело, такоже и бояре его. Слыпав же сие Митяй и не всъхоте, князь же великиы начать глаголати ему со умилением и смирением: “видиши ли Алексея митрополита состаревшася? И се уже ты будеши по нем митрополит и господин всея Руси; ныне же възложи на себе иноческий образ, и будешь архимандрит у Спаса в манастыри и мне отец, якоже и прежде, и вси тебя слушают”. (Великий князь, земной владыка говорит с ним с умилением и смирением, как же Митяю было устоять?) ...И вскоре возхищен бысть поп Митяй на пострижение, и не все волею, но яко нужею приведен бысть в манастырь святаго Спаса...» (подчёркнуто мной. — Р.Б.)

Противники Митяя порицают его за то, что он стал вести себя властно.

Сторонники возражают, что человек, получивший власть, иначе вести себя не может. То, что Митяй вёл себя властно, оказавшись (помимо своей воли! нельзя забывать) на митрополичьем троне, так это вполне естественно, положение обязывает вести его по-митрополичьи. Допустим, отличившийся командир полка в звании подполковника (в Великую Отечественную войну это бывало) за успехи назначен командовать дивизией (генеральский чин) и в подчинении у него оказываются полковники. Как он будет себя вести в отношении их? Как командир и вышестоящий начальник. Конечно, у него сразу появятся

враги и завистники. Возьмём живой пример. В 1941 году И.Д. Черняховский в звании полковника командовал дивизией, а в 1944 году в звании генерала армии он уже командует фронтом. Взлёт феерический! У него в подчинении оказались генералы, которые командовали им, но с которыми теперь он обязан был вести (и вёл) себя как комфронт. Несомненно, многим это было поперёк горла.

«Таким образом, поставленный Алексием, и одобренный московским князем... Дмитрием, одобренный патриархом Царыграда Макарием, нареченный митрополит Михаил – Митяй на протяжении почти двух лет был весьма влиятельной политической фигурой великого Владимирского княжества. Как ни негативны летописи к Митяю, но и они вынуждены были признать его важную роль в политической жизни Московской Руси. “Никто же, – писал летописец, – в такой славе и чести бысть, якоже он Митяй... и все чествоваше его, якоже никоего царя”». (Греков, 116.)

14 февраля 1378 года скончался святитель Алексий.

По прошествии сорока дней Митяй переехал на митрополичий двор и стал вести себя как митрополит. Ему служили митрополичьи бояре, он распоряжался казной и митрополичьей ризницей. Словом, вёл себя как и должен был вести, что возмущало и злило его недругов и завистников, которых у него появилось очень много.

Почти тогда же произошло другое событие. Посчитав кончину святителя Алексия благовидным предлогом,

митрополит Киприан попытался самовольно, не уведомив об этом великого князя, приехать в Москву. Между ним и преподобным Сергием велась тайная переписка. Из перехваченного письма великому князю стало известно о намерении Киприана.

Тотчас был отдан приказ все дороги, ведущие в Москву, перекрыть заставами. Но Киприан имел сообщников в Москве, доносивших ему о местонахождении застав, и он беспрепятственно миновал их. Дмитрия Ивановича подобные злоухищрения возмутили и взволновали. Мало того что митрополит крадётся к Москве, как вор, но ещё действует в обход князя, ведёт за его спиной переговоры, плетёт какие-то тайные сети. Всё это подготовило вспышку княжеского гнева.

Киприана удалось задержать буквально в последний момент, когда он практически уже въехал в Москву. Ещё немногого, ударили бы в колокола, как принято встречать митрополита, и тогда народ поднялся бы, высыпал на улицы, и что было бы делать великому князю? Поневоле вынужденно принимать того, кого он не звал? Его, великого князя, заставили бы делать, чего он не хотел.

Великого князя гневить было нельзя. Он мгновенно показал, что в Москве есть один хозяин, который не потерпит другого. Спутников митрополита раздели догола и заперли в холодную избу, где они насилиу дождались рассвета, когда их выпустили на волю. Митрополита князь, конечно, раздевать не приказал, но его посадили под стражу, утром князь поговорил с ним (в летописях

указаний на это нет, но без резкого напутственного слова наверняка, не обошлось) и, обобрав до нитки, отпустил восьмёси.

Ни святитель, ни великий князь не знают, что у них будет ещё один такой разговор, после которого они расстанутся навеки, чтобы уж больше никогда не встретиться в земном мире.

Уважая сан святителя (Киприана позднее прославили в лице святых), нельзя не признать, что поступил он неправильно, опрометчиво. Это был поступок не государственного человека, не архиерея, а человека, обуянного приступом гордыни, которого власть не пускает в город, а он пытается прорваться туда правдами и неправдами. В самом деле, какого ждать добра, если глава государства будет гнуть одну линию, а его ожидаемый соратник, духовный вождь народа, — другую? Сказано же в Евангелии: «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то». (Мк. 3: 24.)

Можно понять великого князя. Зачем ему нужен такой архиерей? Разве у него мало проблем с Тверью, Литвой, Рязанью, Ордой? Ещё не хватало иметь рядом с собой не советника и помощника, а спорщика и супротивника, поперечника.

Русская Церковь оказалась без предстоятеля. Формально митрополит был, но великий князь не пускал его в Москву. Церковью управлял, не имея на то юридических прав, архимандрит Митяй.

Митяй готовился к походу в Царьград, на поставление в митрополиты. В «Повести о Митяе» пишется, что он «восхоте поставитьсь в епископы на Руси», чтобы прибыть в Царьград в архиерейском сане. Митяй сказал великому князю, что в епископы его может возвести собор русских архиереев. По повелению князя архиереи съехались в Москву. Однако епископ суздальский Дионисий воспротивился намерению Митяя, открыто при князе заявив об этом, остальные архиереи поддержали его.

Собрав необходимые средства для продолжительного путешествия, 26 июля 1379 года Митяй отправился в Царьград. Из Москвы его провожал сам великий князь со старейшими боярами, епископами, архимандритами, игуменами и попами.

Митяй пользовался исключительным доверием Дмитрия Ивановича. Князь верил ему, как самому себе. Он снабдил Митяя двумя чистыми (как бы сейчас сказали) бланками грамот со своей подписью и печатью. Если Митяй окажется в трудном положении, он волен будет вписать в них, что ему рассудится за благо.

Начался страстной путь коломенского священника, из которого ему не суждено было вернуться на родину. Ненадолго остановившись в Орде и принятый самим Мамаем, Митяй сел на корабль и, уже будучи в виду Царьграда, внезапно заболел и умер. Тело его погрузили на лодку и погребли в пригороде Царьграда Галате.

Надо полагать, его отравили. В этом была заинтересована Византия, где посредством яда переселялись в мир иной и архиереи, и военачальники, и императоры. Мешал он и великому князю Литовскому и даже Орде. В Никоновской летописи говорится, что в убийстве замешаны спутники Митяя.

Слово летописцу: «Инии глахолаху о Митяи, яко задушиша его; ини же глаголаху, яко морьскою водою умориша его, понеже и епископи вси, и архимандриты, и игумены и священницы, и иноцы, и вси бояре и люди не хотяху Митяя видете в митрополитех, но един князь велики хотяше. И тако князь велики Дмитрий Иванович оскорбися и опечалися зело о Митяеве представлении...»

А.В. Карташов предполагал, что «Митяй возымел смелую мысль об учреждении независимого от Константинополя поставления русских митрополитов, т. е. полной автокефалии Русской Церкви». (Карташов, 327.) В этом случае Митяй забежал вперёд почти на столетие, а люди, опережающие своё время, как правило, терпят крах в своих начинаниях. Заметим, что автокефалию Русская Церковь обрела только в 1459 году. Конечно, мечты Митяя находили полную поддержку у великого князя, если не исходили от него.

Оставшиеся без Митяя архимандриты, стали решать, как им быть. И не придумали ничего лучшего, как, не узнав мнения великого князя, взяли из походного сундука Митяя чистую грамоту с великокняжеской подписью и

вписали туда имя архимандрита Горицкого Переяславского монастыря Пимена, то есть совершили подлог.

На Руси в это время наступила страда Великой битвы, сбор войск, смотр, марш к Куликову полю, церковные дела на время отошли в сторону. Только в конце 1380 года известие о путешествии Митяя достигло Москвы.

Узнав о смерти Митяя, великий князь сильно опечалился.

Слово летописцу: «Князь же великий зело любяше Митяя и чтяще, и всласть послушаше его».

Узнал он и о новоявленном митрополите Пимене. Считая его самозванцем, князь, когда Пимен объявился на Руси, повелел снять с него митрополичьи одежды и отправил в ссылку в Чухлому, в пятистах верстах от Москвы.

А в Киев, где тогда пребывал митрополит Киприан, скорым ходом отправился настоятель Симоновского монастыря, духовник великого князя игумен Феодор. Настало время забыть взаимные обиды и недовольства.

И 23 мая 1381 года в Москве радостно и празднично гремели колокола. Москва встречала первоиерарха Русской Православной Церкви митрополита Киприана. Великий князь выехал встречать владыку за город.

«В праздничный весенний день 1381 года Киприан торжественно въезжал в Москву. Въезжал по *воле* великого князя. Этому событию предшествовала многолетняя сложная борьба за право наследовать русский митрополичий престол, и, кажется, она позади. ...На протяжении

многих десятилетий XIV века великие князья московские — и напоследок Дмитрий Иванович — упорно и последовательно отстаивали право иметь *своих*, русских митрополитов, предлагаемых Русью, а не насаждаемых из Константинополя». (Лошиц, 335.)

Это не было прихотью, национальным высокомерием. Прозорливые люди видели, что положение Византии очень неустойчиво, и вопрос о самостоятельности митрополита важен для Руси в государственном смысле.

Слово летописцу: «Дмитрий Иванович «посла на Киев, на Киприана митрополита, Федора игумена Симановского, отца своего духовного, и поиде с Москвы на великое заговенье, месяца марта, по Киприана митрополита, зовуще его на Москву от великого князя. Киприан же митрополит приде ис Киева на Москву в шестую неделю по Пасхе, в четверток, на праздник Вознесения, и срете и весь народ града Москвы. Князь же великий Дмитрий Иванович прият *его* с великой честью и любовью».

Русская Церковь обрела своего законного главу. Правда, ненадолго. Но об этом пока никто не знал.

Застарелый, наболевший церковный вопрос благополучно разрешился.

Не было неурожая ни в 1380-м, ни в 1381 году. Горе не утихло, на церковных палертях христарадничали многочисленные убогие и калеки, но куликовские слёзы высохли, Русь приходила в себя.

Заметно улучшилась и внешнеполитическая обстановка.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ТОХТАМЫШ

Того же лета приходил царь
Тактамыш Ординский
на великаго князя Димитрия Ивановича
и на всю Русскую землю...
Вологодская летопись

Вскоре после куликовского поражения Мамай решил немедленно повторить поход, понимая, что Дмитрию трудно будет собрать силы для отпора.

Слово летописцу: Мамай «собрав остаточную силу свою, еще восхоте ити изгоном на Русь».

Однако наспех сколоченное войско пришлось поворачивать в другую сторону. С намерением добить незадачливого соперника на Мамая шёл Тохтамыш. В сражении, происходившем, как пишут летописцы, на той самой реке Калке судьба Мамая была окончательно решена. С небольшой кучкой слуг и мешком золота он бежал в Крым. В Кафе (ныне г. Феодосия) он умолял впустить его, обещая расплатиться золотом. Городской совет постановил открыть беглецу ворота и так же, недолго думая, постановил убить его, резонно рассудив, что за него никто не вступится и мстить не станет. Один, без войска Мамай был не страшен и никому не нужен. Не сохранилось ни месяца, ни дня его смерти.

Мамай был последним ордынским ханом, всерьёз мечтавшим пойти по стопам Батыя и скопившим для того достаточно могучую силу. На Куликовом поле были похоронены не только трупы татар и их союзников, но и реальная возможность закабалить Русь. Отныне (и ещё долгое время вплоть до XVII в.) ордынские ханы смогут предпринимать только грабительские налёты на Русь, но не вести длительные военные кампании.

Начало набегам положил Тохтамыш.

Не исключено, что власти Кафы разделались с Мамаем по наущению агентов Тохтамыша, следовавших за ним по пятам.

Тохтамыш же послал в Москву своего посланника с известием, что Мамая больше нет и он сам «ныне садится на царстве на Воложьском».

Прибытие посланника приятно взволновало Москву: никогда прежде ханы не считали нужным сообщать о переменах в Орде. Дмитрий Иванович сразу же отправил послов к Тохтамышу с дарами. Русские думали, что Куликовская битва произвела на ордынцев надлежащее впечатление и теперь между Русью и Ордой устанавливаются новые, «достойные отношения». Хотя на постоянство ордынцев рассчитывать не приходилось.

Воображение — плохой помощник в написании исторических книг: на воображать можно что угодно, что мы, к сожалению, часто наблюдаем в наше время. Современные авторы, не сообразуясь ни с исторической обстановкой, ни с характерами действующих лиц, пишут подчас от-

кровенные нелепицы, даже если действие происходит в сравнительно не таком уж далёком прошлом, например в 30-е годы XX века или в Великую Отечественную войну.

Однако, не сильно погрешив против исторической правды, мы всё же достаточно правдиво можем представить себе состояние души великого князя Дмитрия Ивановича после Куликовской битвы. Как человек, он не мог без скорби и слёз вспоминать о принесённых жертвах, о колоссальных потерях войска, не мог не думать, молясь по утрам, о тысячах вдов и сирот, тысячах искалеченных и обездоленных людей, он не был холодным политиком, которому важен сам результат. Но, как полководец и государственный деятель, он понимал, что, во-первых, войн не бывает без крови и потерь, а во-вторых, что на Куликовом поле угнетателям нанесён сокрушительный удар, от которого они не скоро оправятся. Русь одержала важную победу и, не опасаясь новых нападений, может спокойно жить и трудиться не один год, а за это время естественным образом возместятся потери людские и материальные. Чрезвычайно важен был и духовный, моральный итог победы. Люди почувствовали себя победителями, свободными, над которыми не довлеет постоянная угроза смерти или угона в плен. Ему самому стало легче смотреть в глаза крестьянам, ремесленникам, всем, с кого он волей-неволей был вынужден собирать дань. Впереди много светлых радостных дней.

Как мудро устраивает Господь, что не открывает человеку будущего, не позволяет знать ничего о грядущих

невзгодах, давая ему возможность бороться с ними, когда они нагрянут. Возможность крепиться духом, молиться, сражаться из последних сил. Если бы великий князь узнал, что длительной передышки не будет, мирные годы ещё далеки и даже сама Куликовская победа, её подвиг скоро будут поставлены под сомнение, обесценены, чуть ли не отменены, какое чувство горечи омрачило бы его душу. Он мог бы закручиниться, пожалуй, впасть в отчаяние и вслед за поэтом, жившим через полтысячи лет после него, воскликнуть: «И вечный бой, покой нам только снится».

Дмитрий Иванович не знал, что захвативший после Мамая власть в Орде хан Тохтамыш готовит поход на Москву.

Почему же Тохтамыш решился на это?

Обычно говорят, что он хотел развеять страх, который образовался у татар после Куликовской битвы, а также оскорбился заплохой гриём, оказанный его послу Акхозе, который доехал до Нижнего Новгорода, а дальше следовать отказался, ибо чувствовал недоброжелательность и плохо скрываемую злобу во всех местах, где он проезжал. Правда и отряд, сопровождавший послана, больше был похож не на посольскую свиту, а на разбойничий отряд, подобный тем, какие врывались на русские земли грабить и убивать мирных жителей. Свита у Акхозы состояла из семи сотен вооружённых для боя воинов.

Обиделся, оскорбился – категории неполитические, к историческим событиям не применимые, в противном

случае придётся считать, что вся военная история человечества сплошь и рядом состоит из ответов на обиды и оскорблений, нанесённые королю императором, царю ханом или рейхсканцлеру генсеком.

То, что великий князь не обеспечил должную охрану посольства, могло быть использовано только как повод, предлог для похода. И вообще посольство могло быть обычной провокацией, какие используются для развязывания войн, может, Тохтамыш только и ждал, чтобы на посольство напали.

Главная причина похода Тохтамыша была экономической. Он знал, что Дмитрий Иванович несколько лет не выплачивал дань Мамаю, а Тохтамыш не был его законным правопреемником, захватив власть силой. Поэтому Дмитрий Иванович вовсе не обязан был именно ему платить дань. Принудить московского князя выплачивать дань, показать ему, что хозяин сменился, но порядки (*modus vivendi*¹⁸) остались прежние — вот главная экономическая причина похода.

В это же время у великого князя Дмитрия Ивановича завязались хорошие отношения с литовским князем Кейстутисом, который был не прочь установить добрососедское сотрудничество с Московским княжеством. Допустить союз Литвы и Москвы было смертельно опасно для Орды. Если объединятся два таких могущественных княжества, Орда будет оттеснена на задний план, на вто-

¹⁸ Образ жизни, условия существования (лат.).

ростепенные роли. Если Дмитрий Московский с русскими князьями разбил Мамая, то какая же образуется сила, если объединятся московское и литовское войско?

Всячески воспрепятствовать попыткам договориться Москве с Литвой, порвать даже ниточки намечающегося сближения было политической подоплёткой похода. Явно не без влияния Орды позднее было устроено свержение Кейстутиса и убийство его в Кревском замке.

А уж потом, в самом конце, да, могло быть и это, поставить, дерзнувшего сразиться с ханским войском, зарвавшегося князя на место, показать ему, кто есть кто, урезонить, смирить, внушить, что слишком рано он возомнил себя равновеликим хану, и т. п.

Внешнеполитическая разведка тогда велась обычно купцами. Как своего рода интернациональное сословие, они ездили из страны в страну, много видели, соображали и выведывали. Одни купцы занимались соглядатайством по привычке, взгляд купца приметливый, цепкий и достаточно было их разговорить, а то и застращать, чтобы получить нужные сведения. Купцы наиболее сообразительные и близкие к властям, говоря по современному, занимались сбором информации за деньги, что-то узнавали целенаправленно, исполняли секретные поручения.

Благодаря своим купцам Тохтамыш знал о положении дел в Московском княжестве после Куликовской битвы, знал, что Русь обескровлена, крупного войска у великого князя под рукой сейчас нет.

Подобно ордынским купцам в Москве, русские купцы на Волге и в Орде были ушами и глазами великого князя. Поэтому для Тохтамыша важно было выиграть у Куликовского победителя информационную войну. Прошу прощения у читателя за современную терминологию, употребляющуюся в книге, но с веками изменилось все-го лишь оружие, а приёмы подготовки войны и ведения её претерпели изменения весьма небольшие; ведь и Батый направлял свои посольства к будущим жертвам вовсе не для того, чтобы завязать с ними договорные отношения. Пользуясь статусом неприкосновенности, посольство проникало в саму столицу вражеского государства, княжества, по пути разведывая дороги, мосты, переправы через реки, укрепления городов, собирая сведения об урожае и о многом другом, а утивое поведение во время переговоров внушало обманчивую мысль, что монголы не так страшны, как летящая впереди них слава, с ними можно договориться.

Поэтому первый удар по Московскому княжеству был нанесён в Орде. Прежде чем бросить полчища на Русь, Тохтамыш приказал схватить всех русских купцов в Орде и приволжских городах, близких к Орде, кого-то из купцов лишить свободы, а кого-то и убить.

Слово летописцу: «Аще бо и не хотяще Тахтамыш, дабы кто принес весть на Русскую землю о его приходе, — того бо ради вси гости Русския поимани быша и пограблени и удержаны, дабы не было вести на Руси».

Орда была готова к походу, но Дмитрий об этом не знал.

Орда шла, вылавливая в степи и уничтожая попадавшиеся мелкие полевые заставы. Появление Тохтамышева войска было для Дмитрия Ивановича совершенно неожиданным.

Само поведение Тохтамыша показывает, как изменилось отношение Орды к русским после Куликовской битвы. Тохтамыш боится, ни в коем случае не хочет сразиться с русскими в открытом честном бою (как Бегич или тот же Мамай), он знает, что может быть побит, и побит чувствительно. Поэтому он крадётся, хочет ударить исподтишка, как убийца ножом из-за угла.

Подойти почти к самой Москве Тохтамышу всё же не удалось, татар обнаружили и сообщили в Москву.

Здесь перед нами открывается очередная драматическая и загадочная страница русской истории.

Князь созывает Боярскую Думу, чтобы незамедлительно начать собирать силы для отпора.

Но в Думе выясняется, что князья, вчерашние соратники по куликовскому подвигу, не поддерживают князя и участвовать в ополчении отказываются.

Слово летописцу: «Князь Дмитрий, начав “с братьем своею и со всеми князьями Русскими о том думати, яко ити противу безбожного царя Тохтамыша”, «бывшо же промежи ими неодиначеству и неимоверствоу, и (князь) познав и разоумев (что) обретеся раздно в князях и не хотяху пособляти друг другу и не изволиша помогати брат брату». Великий князь Дмитрий Иванович «бысть в недоумении и в размышлении, уразумев бо во князех и в

боярах своих и всех воинствах (!) своих разнство и раз-
прю, еще же и оскудение воинства; оскуде бо вся русская
земля от Мамаева побоища за Доном, и все русстие люди
в велице страсе и трепете быша за оскудение людей».

И князь «поеха в град свои Переяславль, а оттуда мимо
Ростов и паки вборзе на Кострому».

Летописи отмечают, что сначала Дмитрий Донской
«нача сбирали воя и совокупляти полки своя, и выеха из
града Москвы, хотя ити против татар».

Что же произошло? Князь хотел идти против татар, но
на думе выяснилось, что единства нет, даже сверх того,
большинство не поддерживает его. Источники прямого
ответа не дают.

Можно принять объяснение, что земля оскудела людь-
ми. Да, Русь обессилела, надорвалаась, подняв тяжкую
ношу Куликовской битвы, однако и Орда понесла потери
немалые. Тохтамышу, конечно, было проще набрать в
степях войско, но отчего же русским князьям было не
попытаться собрать то, что есть, и с этими силами дать
бой, попытать военного счастья? Зачем сразу, без сопро-
тивления, отдавать инициативу в руки врага и полагаться
на волю обстоятельств. Летописи не называют фамилий
князей, это позволяет думать о полном отказе князей по-
могать Дмитрию Ивановичу, за исключением Владимира
Андреевича Серпуховского.

Может, то была ревность к военной всенародной сла-
ве московского князя. Историк А. Борисов пишет, что
превращение московского правителя в «национального

вождя, организатора борьбы с внешней опасностью, открыло путь к небывалому росту его личной власти». (Борисов, 113.) В этом случае на первый план могли выйти личные мотивы, зависть, ревность. Князья не хотели повторения триумфа московского князя, дальнейшего усиления его власти. Правители княжеств были весьма самолюбивыми людьми, об этом есть масса свидетельств в летописях, когда личное для них было выше общественного, когда личная слава князя заслоняла интересы общего дела.

Может, князья надеялись отсидеться, полагали, что Тохтамыш их не тронет. Не исключено, что Тохтамыш вёл информационную войну, сея слухи: дескать, он идёт только на Дмитрия Ивановича, чтобы отомстить ему за Мамая. Это несомненная уловка, хитрость, с какой стати он стал бы мстить за того, кого сам хотел уничтожить.

Как бы то ни было, силы для отпора совокупить не удалось. Дмитрий Иванович поехал в Кострому, отправив Владимира Андреевича на запад. Князья же в конечном итоге просчитались, Тохтамыш, удирая от Москвы, огнём и мечом прошёлся по близлежащим княжествам.

Дмитрий Иванович остался практически без союзников, а Тохтамыш переманил (или принудил?) на свою сторону тестя Дмитрия Ивановича нижегородского князя Дмитрия Константиновича, направившего к «царю» (Тохтамышу) своих сыновей — Василия и Семёна. Оба княжича в составе ханского войска пошли на Москву.

Князь Олег Рязанский упросил Тохтамыша не воевать Рязанское княжество, провёл татар мимо княжества и указал броды на Оке.

Чтобы москвичи не сомневались, что он вернётся, Дмитрий Иванович оставил в Москве митрополита Киприана и княгиню Евдокию на сносях.

Москва выдержала бы осаду. На это рассчитывал Дмитрий Иванович: не смог же взять Кремль Ольгерд. Но случилось непоправимое. Митрополит Киприан был достойным архипастырем, учёным книжником, богословом, но не народным вождём. В Москву он прибыл недавно, народ не успел его полюбить и сжиться с ним, не почувствовал в нём духовного отца. Прибегнуть к церковным прещениям (наказаниям. — Ред.), возвзвать народ образумиться Киприану, видимо, не хватало характера. Во времена войн и нестроений нужны люди железные духом, такие как патриарх Гермоген.

Княгиню Евдокию горожане любили, почитали чуть ли не святой, она кормила и питала нищих, призирала сирых и убогих. Сердце её было преисполнено любовью к людям, вместе со всеми встречала она войско и после Куликовского побоища плакала со вдовами, утешала и помогала им. Но это была женщина.

В Москве случилось то, что бывает, когда народ остаётся один, без вождя. Самая страшная беда в народе и государстве — безназначение.

Недовольные властью есть в любом государстве. Тяжёлая и по мере надобности беспощадная рука Дмитрия

Ивановича держала смутьянов в узде. Не стало князя — не стало власти.

Теория освободительного движения — одно из родимых пятен советской исторической науки, от которого она сейчас успешно избавляется. Согласно этой теории русский народ во все века своей истории жил одной мечтой, ради которой поднимал бесчисленные мятежи и восстания: освободиться от княжеской (царской) власти, сбросить вековой гнёт и грудью проложить себе дорогу к свободе. Теория эта, как и любая теория, заведомо не способная объяснить живую, непредсказуемую, полную не предусмотренных этой теорией поворотов и скачков жизнь, попадала в абсурдные ситуации. Так, историческая наука (ещё раз воздам должное её вкладу в изучение истории Отечества) эту страшную, трагическую ситуацию августа 1382 года квалифицировала ни много ни мало как **Московское восстание**. И до сего дня есть сторонники этой точки зрения. Подумайте сами: под стенами города стоит беспощадный кровожадный враг, готовый пустить в ход сабли и арканы (чтобы связывать пленных), а москвичи не придумали ничего лучше, как восстать против власти. За что? За свободу, разумеется. Враг сулит им свободу кладбища, а они восстают.

Увы, это было не **восстание**, а разгул разнузданной черни. Скоро мы с вами увидим, какой свободы хотела чернь. Не свободы трудиться на своей земле, воспитывать детей, жить мирной молитвенной созидательной жизнью, а свободы грабежа, убийства, насилия.

Слово летописцу: «А во граде Москве мятеж был велик: овии бежати хотяху, а инии в граде седети хотяху. И бывши межи их разпре велици, и восташа злии человецы друг на друга и сотвориша разбой и грабеж велий; людие же хотящее бежати вон из града, они же не пущаху их, но убиваху их и богаство и имение их взимаху».

Люди, предоставленные самим себе, ничем не озабоченные, не занятые делом, начали бездельничать, а потом бесчинствовать. Разбили винные погреба, появились пьяные.

Добром это кончиться не могло. Княгиня Евдокия женским сердцем почуяла беду, надо покидать город. Погибель уже чёрными крылами веяла над ним. Но горожане решили: никого из города не выпускать. Горлопаны кричали: как пришли татары, так бояре бежать. Нет, пусть сидят с нами в осаде, пусть страдают вместе с нами, погибнем мы, и они пусть погибают.

С большим трудом княгиня убедила горожан выпустить её. Заодно с ней выехал и митрополит Киприан. Евдокия поехала в сторону Костромы, а Киприан — Твери.

Если бы татары подошли к Москве в это время, они взяли бы город без труда. Но в город прибыл литовский князь Остей (внук Ольгерда, должно быть, сын или Андрея, или Дмитрия Ольгердовичей), он навёл какой-то порядок, стал готовить город к бою: по старому обычаю, сожгли все посады, запасы пропитания свезли в Кремль.

Татары уже были тут как тут.

Тохтамыш решился—таки на приступ, москвичи отразили его. Ещё два раза татары лезли на кремлёвские стены и отступали с уроном и позором. Некоторые горожане, уверенные, что за крепостными стенами им ничего не грозит, со стен ругали татар, насмехались над ними, а некоторые даже показывали им срамные части тела.

Слово летописцу: «И тако начаша упиватися гражане и ругатися некими образы безстудными, досаждающе Татаром; и возлезше на град, ругахуся Татаром, плююще и укоряюще их; и срамныя свои уды обнажающе, показоваху им на обе страны, и царя их лающе и укарающе...

Татарове же возъяришася, и начаша стреляти на град со все страны. И идяху стрелы их на град, аки дождь силен и умножен зело, не дающе ни прозрети и воздух омрачиша стрелами и мнози гражане во граде и на забралех падахуся мръзви».

Стоять долго у московских стен было небезопасно: может подойти великий князь с ратью; и большое войско нужно кормить. Лошади выпасутся на лугах, но людей травой не накормишь. И где же обещанная воинам богатая добыча? Надо или братъ Москву, или уходить.

Тохтамыш прибегнул к хитрости. Нижегородские князья Василий и Семён¹⁹, не боясь стрел, подъезжали к

¹⁹ Нельзя понять Дмитрия Константиновича, отпуская сыновей с татарами, он отпускал их против зятя и собственной дочери. И что самое непонятное, на их руках кровь тысяч убитых москвичей, а они не были никак наказаны. И оба пережили Дмитрия Ивановича. Или он не имел над ними власти покарать их за пособничество врагу, или чувствовал, что и сам косвенно виновен в московской трагедии.

самим стенам, уверяя москвичей, что хан Тохтамыш зол только на князя Дмитрия, потому что тот-де не оказывает ему должной чести, а против жителей Москвы у хана зла нет. Пусть откроют ворота, он въедет в город, погостит и вернётся к себе в Сарай.

Со времён Троянской войны, через века и страны, доносится: «Бойся данайцев, дары приносящих», то есть не верь врагу. Читаешь летопись не первый раз, знаешь, что произойдёт всего лишь через несколько строк, и хочется крикнуть: «Не верьте, родные мои! Не верьте!» — но голос не может лететь через века, да если бы и долетел, всё равно бы не послушались.

Как не понять, что не приходят к городу с целым войском только для того, чтобы оказать уважение горожанам. Но москвичи поверили уговорам и были обречены.

Вот медленно растворяются ворота Кремля, степенно, с крестами и хоругвями, шествует духовенство, впереди всех идёт князь Остей.

Его быстро, чтобы не успел понять, что происходит и призвать москвичей к отпору, хватают под руки, заталкивают в ближайший шатёр и убивают. И тут же раздаётся боевой клич, звериный вой. Взмывают кривые татарские сабли, рубят попов, иконы, хоругви. Точно чёрные демоны мчатся всадники по улицам, врываются в дома, в храмы. Слышился тысячеустый вопль ужаса. И вот уже заполыхал первый пожар...

Слово летописцу: «Они же (москвичи) емше им веру и отвориша врата градский и выидоша со кресты, и со

князем, и з дары, и с лутчими людми. Татарове же прежде убиша князя Остяя тайно... и потом прииоша ко вратом града и начяша вся без милости сеци, священнический и иноческий чин; и во град внидоша, и овех изсекоша, а других плениша, и церкви разграбиша... и богатство и имение и казны княжеския взяша».

Не пожалейте времени, вчитайтесь в то, что пишет, видимо, очевидец, почувствуйте себя в этой толпе, обезумевшей от ужаса, бегающей туда и сюда, не знающей, где спастись от смерти. Прислушайтесь, и вы услышите нечеловеческий вопль страдания и муки, что летел в тот день над Москвой. Крик тысяч убиваемых людей.

Слово летописцу: «Людие же христианьстии сущие во граде, бегающе по улицам семо и овамо, скоро рыщущее толпами, вопиющи велие, глаголюще и бьющи в перси своя; несть где избавление обрести, и несть где смерти убежати, и несть где от острия мечю укрытися... Овии во церквах каменных затворяхся, но и тамо не избыша: безбожни же силою двери разбиша и всех мечи изсекоша; везде же крик и вопль страшен бываше, яко не слышати друг друга, вопиющи множество народа, кричущи; они же крестьян лупяще и изъобнаживше, сечаху. А церкви соборная разграбиша и олтари, святая места оскверниша; и кресты честны и иконы чудная одраша, украшеные златом и сребром, и жемчугом и камением драгим, и пелены златом шитыя и жемчугом саженые, ободраша... Полону же толико выведено бысть во Орду многое множество, яко и изчести невозможно».

А вот и подлость людская: «Инии же и от своих избиени быша имения ради, друг бо друга грабяху и убиваху». (Да было и такое, волки в облике людей были и тогда, грабили своих же, чтобы в следующий миг свалиться под ударом татарской сабли.)

В какой-то час погибла вся московская лепота и пригожество, и храмы, и жилища, всюду, куда ни глянь, разор, огонь, мёртвые тела и кровь, кровь, кровь.

Разграбив Москву, татары бросились на окрестные княжества, разграбили Переяславль, Юрьев, Владимир, двинулись на Волоколамск, но там стоял с ратью князь Владимир Андреевич, который «часть татарской рати опрокинул, другую обратил в бегство». Едва только весть об этом достигла Тохтамыша, он тут же приказал уходить.

Великий князь плакал навзрыд на развалинах опустошённой, обезображеной Москвы, приказал предать земле всех убиенных, выделил свои деньги, погребли 24 тысячи человек, и это только тех, кого подняли с улиц, а сколько сгорело, а сколько унесла река. Много погибло детей. Уже в XX веке при археологических раскопках обнаружили скудельницу, в которой были захоронены одни детские головки. Одни, без тел. Тела, видимо, были растоптаны конями, раздавлены обломками домов. Их тут лежала не одна сотня. Как измерить горе тех людей, которые ходили по Москве и собирали в корзины головки девочек с косичками и лентами, мальчиков, подстриженных под горшок или под скобку.

После погребения убиенных Москва начала снова строиться, а великий князь Дмитрий вызвал из Твери митрополита Киприана. Разговор был тяжёлый, нeliцеприятный. Митрополит уехал из Москвы и снова появился здесь только после кончины великого князя.

Князя удручала не столько гибель Москвы (отстроим новую, краше прежней), сколько слабодушие князей. Олег Рязанский опять потворствовал хану, а тот в благодарность ураганом пронёсся по Рязанскому княжеству. Юлил перед ханом тверской Михаил Александрович, и даже тёзка Дмитрий Константинович вымаливал у Тохтамыша послабление своей земле.

Неужели всё пошло прахом, неужели тот подъём народного духа, вызванный общим единением, пропал, развеялся, как туман, над Куликовым полем?

И опять в который раз нельзя было унывать, давать волю скорби и печали. Нужно было восстанавливать Москву, продолжать домостроительство.

Тохтамыш добился всех поставленных целей.

«Как ни постыдна была Дмитрию Ивановичу сама мысль о возобновлении ежегодных выплат в Орду, приходилось с ней смиряться, подавлять в себе вспышки негодования, приступы гнетущей обезволенности. В волостях и слободах старосты на сходках объявляли: с каждой деревни требует великий князь по полтине. Унылый ропот прокатывался при этих словах над толпой. С каждой деревни? А сами-то с чем останемся, коли по полтине? Вот тебе и победили Мамая!» (Лошиц, 367.)

А весной следующего, 1383 года Дмитрий Иванович, полный вполне объяснимых родительских страхов, отправил к Тохтамышу наследника — одиннадцатилетнего Василия, в сопровождении старейших бояр и верных слуг. Василий остался у Тохтамыша как залог, что московский князь выплатит выход полностью.

Был достигнут и политический успех. «Орде снова удалось предотвратить чрезмерное усиление Московского государства, вставшего после Куликовской битвы на путь тесного сотрудничества с западнорусскими феодалами княжества Литовского... не допустить наметившегося сближения Литовской Руси Кейстута с Залесской Русью Дмитрия Донского. В результате оказания Тохтамышем политической помощи Ягайло, а также в результате политического и военного нажима на Русь были созданы реальные предпосылки для восстановления необходимого Орде равновесия сил между Москвой и Вильно». (Греков, 164.)

Мог быть удовлетворён Тохтамыш и той душевной мукой, которую, как он мог догадываться, испытывал московский князь.

Чувства Дмитрия Ивановича, как и после победы на Куликовом поле, опять-таки предсказуемы, но передать их во всей полноте и глубине едва ли возможно.

Они сравнимы, пожалуй, с чувствами человека, неповинно заточённого в темницу и страстно желающего вырваться на свободу. Месяцы, годы он долбит каменную стену, вся жизнь посвящена одному: увидеть свет, обрести

свободу. С этой мыслью он пробуждается, отходит ко сну, и во сне ему видится **свобода**. И вот стена пробита, он выходит наружу: солнце, река, поля, лес, родной город. Вместе с ним освобождены городские жители, его жена и дети. И вдруг опять налетают те же враги, хватают, ведут... И опять надо долбить эту проклятую стену, а сил уже нет, и воля слабеет, и жизнь уходит. Глотнул было свободы, взлетел к небесам, и там в лучезарной выси подбит стрелой.

Как невыносимо сознавать, что ты был победителем, **властелином**, **освободителем** родной земли и опять оказался **данником**, или, как высокомерно цедили через губу ханы, **«улусником»**. Горько и тяжко было сознавать, что ничего поделать нельзя. Нового похода не начать: народ не поднимется, он потрясён, запуган. Что же это такое, били мы татар, били и разбили на Куликовом поле, а они опять тут.

Л. В. Черепнин был совершенно прав в том, что «поход Тохтамыша на русскую землю принёс ей много бед. Но во время этого похода обнаружилась и возросшая сила Руси как результат большого экономического подъёма, как следствие развития городов и повышения активности горожан». (Прохоров, 103.)

Русь оказалась **ещё недостаточно сильна**, чтобы сбросить иго. Надо **молиться**, трудиться, копить силы и верить.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ПРОЧЕЕ ВРЕМЯ ЖИТИЯ

Прочее время жизни нашего в мире и покаяния
скончати у Господа просим.

Ектения просительная

Великий князь, царь, император — пример пожизненной должности. Её не выбирают, с нею рождаются. Это промысел Божий, и главное для избранного человека, как можно скорей понять, что должность эта — не забава, не игрушка, не возможность прожить жизнь играючи. Это тяжкий жизненный крест

И пожалуй, нельзя назвать это должностю. Человек, находящийся на должности, имеет над собой мирского, земного начальника, который может его и пожурить, и наградить. А какой начальник у великого князя? Только Бог. Нелицеприятный судия. И все наказания и награды ты получишь только тогда, когда предстанешь перед Ним в обителях Небесных.

Служение великого князя не знает перерывов, от него не откажешься, не переложишь на другого, и, как ни трудно, как ни скорбно на душе, надо исполнять свой долг, своё служение, возложенное на тебя высшим Хозяином. Никто не даст тебе ни отдыха, ни отпуска.

Погребли москвичей, расчистили улицы от обгорелых развалин, трупов лошадей, начали отстраиваться, а дела не ждут, без приглашения вторгаются в княжескую горницу.

Первыми на очереди дела внешнеполитические.

Князь Рязанский Олег, опасаясь, что Дмитрий Иванович прогневается на него как за союзничество с Мамаем, так и за то, что рязанцы грабили воинов, возвращавшихся с поля Куликова (Олег, скорее всего, был непричастен к этому), убежал в Литву. Появилась возможность присоединить Рязань к Московскому княжеству, Дмитрий Иванович отправил в город своих наместников. Однако рязанцы горячо любили своего князя и были безгранично преданы ему. Было очевидно, что княжество без войны не удержать, и Дмитрий помирисился с Олегом.

Прошлое было прощено и забыто, впереди ожидалась мирная жизнь. Но тут ветер судьбы принёс из степей Тохтамышеву грозу. Поневоле, как и с Мамаем, Олег стал вынужденным его союзником, тайными дорогами прошёл татар мимо своего княжества, не сообщив ни о чём Дмитрию. Олег надеялся переждать грозу в тишине, но Тохтамыш, убегая от Москвы, пронёсся по Рязанскому краю ураганом пожаров и смертей. Вслед за татарами нагрянуло московское войско, посланное разгневанным Дмитрием, и разорило то, чего не разорили татары. Олег затаил злобу и, выждав подходящий момент, захватил Коломну и разграбил её. Чтобы наказать строптивого соседа, с войсками отправился Владимир Андреевич Серпуховской и неожиданно потерпел поражение (1385).

Поражение от рязанцев уязвило самолюбие и Дмитрия Ивановича, и Владимира Андреевича. Побороть самого Мамая и поддаться какому-то Олегу Рязанскому! Можно бы собрать ещё большее войско, пойти и добиться своего. Но Дмитрий Иванович решил иначе. Довольно литься крови, довольно сверкать мечам и свистеть стрелам. Летописи умалчивают, сам ли Дмитрий Иванович отправился к Троице или послал туда нарочитого гонца, но он решил потушить расплю с Олегом добром, пригласив в посредники и увещеватели преподобного Сергия. Святой угодник отправился в Рязань, но был уже весьма стар и немощен и, чтобы добраться до рязанского князя, впервые в жизни сел на телегу. Так на телеге и поехал в Рязань.

Весть о его путешествии мчалась далеко впереди, народ сбегался из ближних и дальних деревень к дороге, по которой следовал игумен земли Русской. Исходя из рукой благословлял преподобный мужиков, баб и детей. Бабы посмелей подбегали с детьми поближе. Сергий возлагал бледную длань на детскую головку, шептал слова благословения, улыбаясь бледными устами постника.

Олег, потрясённый, что сам преподобный едет к нему, выбежал встречать его, когда до Рязани было ещё далеко, шагал рядом с телегой, глаза его были полны слёз.

Слово летописцу: «Преже бо того мнози ездиша к нему и ничтоже успеша и не возмогоша утолити его, преподобный же игумен Сергий, старець чудный, тихими и кроткими словесы и благоувертивыми глаголы, благодатию данною ему... много беседовав с ним о ползе души,

и о мире, и о любви; князь же Олег преложи свирепство свое на кротость, и утишишился, и укротися, умилися велими душою, устыдебося толь свята мужа и взял с великим князем Дмитрием Ивановичем вечный мир и любовь в род и род».

Затем дочь Дмитрия Ивановича Софью выдали за сына князя Олега Фёдора. Свадьбу сыграли осенью 1386 года.

Одновременно с Рязанью решались дела новгородские. В Новгород приехал и сел наместником литовский князь Патрикей Нариманович. Это было прямым вызовом Москве. Новгородцы помнили тяжёлую ордынскую дань и проявляли явные признаки нежелания повиноваться московскому князю.

А когда в 1385 году Великое княжество Литовское и Польша заключили между собой унию, образовав единое государство, новгородцы открыто встали на путь разрыва с Москвой. После многолетнего перерыва отряд ушкуйников снарядился в разбойный поход, разграбил Кострому, нагнал страха на Волге на восточных купцов. Чем не повод Тохтамышу устроить погром русских купцов в Сарае, а то и ринуться набегом на южные русские княжества?

Не думал, не гадал Дмитрий Иванович, что поведёт он войско на древнейший русский город, а пришлось. Столько сил положено, чтобы объединиться, быть всем вместе, и всё может пойти прахом не из-за ордынского похода, а от своих же, русских.

Под знамёнами Дмитрия Ивановича собрались князья Залесской Руси, Нижнего Новгорода.

Войско двинулось в поход зимой, чтобы обезопасить себя от удара с тыла. Ордынцы сменили свой обычай, во времена Батыя они шли грабить, завоёывать русские земли по зимнему пути, когда мороз сковывал болота, и по замерзшим рекам шли многотысячные конные массы, двигался обоз с осадными орудиями. Теперь ордынцы воевали летом или ранней осенью.

Не дойдя пятнадцати вёрст до Новгорода, княжеское войско остановилось.

Дмитрий Иванович не уряжал войско для боя. Он слишком хорошо знал боевые качества новгородцев, которые будут шуметь, кричать, но на бой с организованным войском не отважатся.

Так и обернулось. Вдали на дороге показалось новгородское посольство. Великий князь не захотел разговаривать с ними. Тогда в княжеский шатёр прибыл владыка Новгородский Алексий. Великий князь согласился заключить мир на условиях выдачи виновников разбоев, иначе он покарает весь город. На вече, как доносили соглядатаи, действительно поднялся крик до небес, призывы сесть в осаду, постоять за волю и святую Софию. Однако воинственный пыл новгородцев потух быстро. Они согласились выплатить 8 тысяч рублей чёрного бора, которые задолжали князю, и клятвенно обещали выдать провинившихся разбойников.

Если события в Рязани и Новгороде были в какой-то мере привычными и требовали вмешательства только для того, чтобы восстановить спокойствие, то события в Литве разворачивались гораздо интереснее и многообещающе.

«Куликовская битва... обусловила важные сдвиги в политической жизни Великого княжества Литовского. Если накануне битвы лишь отдельные литовско-русские князья сотрудничали с Москвой, сотрудничали либо тайно, либо “перебегая” непосредственно на территорию Московской Руси, если тогда значительная часть литовско-русских феодалов всё ещё связывала свои планы дальнейшей консолидации русских земель с именами Ягайло, Киприана, а может быть, и самого Мамая, сулившего им, судя по некоторым данным, раздел территории Владимирского княжения в случае победы над крамольным “московским улусником”, то после победы на Куликовом поле заметно сократилось число активных сторонников Ягайло в Литовской Руси, а вместе с тем резко увеличился круг явных союзников Дмитрия Донского из среды феодалов, русского православного духовенства и горожан Литовско-русского государства. Именно теперь Дмитрий Донской и стал для значительной части Литовской Руси олицетворением программы консолидации русских земель, превратился в символ борьбы с ордынской державой, всё ещё считавшей себя хозяином русской земли в её границах XI – XII вв.».(Греков, 137.)

В Литве в период после Куликовской битвы шла борьба за власть между дядей и племянником, князем Кейсту-

том и Ягайло. Когда Ягайло был занят осадой Полоцка, Кейстут со своим войском захватил Вильно и стал главой Литовско-русского государства.

Как полагают историки, какие-то контакты у Кейстута и Дмитрия Ивановича существовали ещё до Куликовской битвы, а теперь, получив власть в княжестве, литовец стал явным союзником Дмитрия Ивановича. Вероятен факт непосредственных переговоров Кейстута и Дмитрия Ивановича, хотя документального подтверждения этого нет.

Причудливо вышивались судьбы людей в те годы. Кейстут, младший брат Ольгерда, некогда шёл вместе с ним на Москву, стоял перед белокаменными стенами Кремля, у Рудавы под водительством Ольгерда (в литовском войске были и русские полки) был крестоносцем, а сейчас ищет дружбы с московским князем.

Как развивались бы отношения Кейстута и Дмитрия Ивановича, остаётся только гадать, потому что на помощь Ягайло, не смирившемуся с утратой власти, пришёл Ливонский орден. Войска дяди и племянника сошлись у стен Трокского (Тракайского) замка. С рыцарским войском перевес на стороне Ягайло был настолько велик, что Кейстут не стал рисковать, возможно, пожалев людей, которые падут в неравном бою. Он согласился на переговоры с братом, во время которых его вероломно схватили, увезли в Вильно, а потом задушили в Кревском замке (лето 1382 г.).

Рыцари неспроста пришли на помощь Ягайло, возможность даже не объединения, а только союзнических

отношений между Московским княжеством и Литовским была им нестерпима.

Казалось, всё рухнуло, столь желанный, выгодный и для Москвы, и для Вильно союз против общего врага распался, так, по сути дела, и не сложившись.

Ордынская дипломатия принимала самое активное участие в расколе русско-литовского союза. Вскоре после пленения Кейстута Тохтамыш отправился в роковой для Москвы, поход. Он выжидал, чем завершится борьба между Кейстутом и Ягайло и когда московский князь останется без союзника.

Взаимному тяготению княжеств, однако, ещё не был положен конец. Дмитрий Иванович, должно быть, как-то узнал, что Ягайло не очень торопился на Куликово поле, и между князьями начались осторожные контакты. На дипломатическом языке это означает, что они стали прощупывать друг друга, производить зондаж.

Историческую картину противодействующих сил и сил, стремившихся к единству, хорошо показывает историк И.Б. Греков.

«В то же время (где-то на рубеже 1383—84 гг.) были заложены основы для установления политических контактов Ягайло... с Дмитрием Донским. Разумеется, намечавшееся тогда сближение Ягайло с московским князем было тщательно замаскировано. Так, Дмитрий Донской, уже тогда находившийся под подозрением у Тохтамыша, был вынужден... отправить в Орду своего старшего

сына — наследника, Василия и тем самым на какое-то время разрядить напряжённую обстановку.

Эти события, несомненно, вызвали недовольство правителя ордынской державы. Не случайно именно в 1384 году Орда обложила Московскую Русь вместе с Великим Новгородом особо тяжёлой данью. Летопись писала об этом следующее: «Тое же весны бысть дань тяжела по всему княжению, всякому без отатка, с всякие деревни по польтине; тогда же и златом давшее в Орду, а с Новагорода с Великого взял князь великий черный бор». (Греков, 171.)

Размеры этой дани были настолько необычными, что приходится в этом финансовом шаге Орды видеть мероприятие особого политического значения, возможно, попытку внести разлад в ряды союзников Дмитрия Донского, желание спровоцировать недовольство феодалов отдельных русских земель политикой Москвы, выступавшей тогда в роли гласного сборщика дани. Во всяком случае, на Новгород масштабы этой дани произвели столь тягостное впечатление, что вскоре новгородцы отказались выполнять финансовые «обязательства» такого характера (перестали выплачивать так называемый «чёрный бор»). Не исключено, что какое-то влияние перспектива подобной выплаты дани оказала и на другого тогдашнего союзника Москвы — литовского князя Ягайло.

В 1384 году был даже заключён договор между Москвой и Вильно, выражавший общее желание объединения русских земель для борьбы с общими врагами.

«Существование данного договора лишний раз указывает на отсутствие сколько-нибудь значительных барьеров между Московской Русью и княжеством Литовским в XIV веке. Владимирское и Литовско-русское государство в тот период были значительно ближе друг к другу, чем принято было изображать в старой историографии, а также в современной реакционной историографии... Реализация данного договора не только предотвратила бы акт польско-литовской унии, но, возможно, явилась бы основой для московско-литовской унии, для сращивания Литовской Руси и с великим Владимирским княжением». (Греков, 174.)

Но такой союз был не нужен ни Орде, ни Ордену, ни Польше. Поэтому они сделали всё для расшатывания этого союза. «Ягайло посулили полячку Ядвигу и польскую корону. Он пошёл на это, стал королём, Литва приняла католичество. 14 августа 1385 года в городе Креве был подписан документ о браке Ягайло и Ядвиги, о принятии Литвой католичество и о превращении Польско-литовского князя в польского короля». (Греков, там же.)

Уже в те годы предпринималось всё, чтобы ослабить Русь, чтобы вбить клин между нашими народами, которые жили бок о бок с древнейших времён с древнейших времён большую часть своей истории были добрыми соседями. Так что события 1991-го, когда уничтожался Советский Союз, имеют глубоко растущие корни.

В далёкой исторической перспективе Кревская уния имела для Литвы и для литовского народа катастрофи-

ческие последствия. В XIV — XV веках Польша и Литва были равнозначными государствами. После Грюнвальдской битвы значение Литвы начинает постепенно ослабевать, сходить на нет. После Люблинской унии (1569 г.) Литва становится провинцией Речи Посполитой, выражаясь образно, её задворками. Самостоятельная Польша как крупная Европейская политическая фигура выросла в значительной степени за счёт Литвы. Ведь границу «от моря и до моря» (вековечная мечта шляхты) имела не Польша, а именно Литовско-русское княжество. Позднее Речь Посполитая не то, что мало, а вообще не считалась с Литвой, достаточно вспомнить, как в 1920 году Польша без объяснений оттяпала у Литвы Вильнюс. Об этом нынче помалкивают, как и о том, что Вильнюс Литве вернул Советский Союз. Не пора ли, чем вести нелепые, набившие оскомину разговоры об оккупации 1940 года, обернуться и посмотреть на шестьсот лет назад.

За всеми многотрудными делами душу князя тревожила забота о сыне. Как он там, в Орде? Княгиня Евдокия пролила потоки слёз о возлюбленном чаде своём.

Василий тем временем давно изготовился к побегу и выжидал удобного случая. Осенью 1386 года Тохтамыш начал войну со своим бывшим покровителем Тамерланом. Враги схватились в заяицкой степи. Василий, воспользовавшись суматохой, на заводных конях, с верными слугами бежал от своих охранников. Беглецы пробирались на Русь обходными путями, опасаясь погони. Через не-

сколько недель Василий оказался в Валахии (ныне территория Румынии), а оттуда попал в Пруссию, где жил сбежавший от Ягайло литовский князь Витовт. Здесь Василий задержался надолго, был помолвлен с дочерью Витовта Софьей (будущей прарабабушкой царя Ивана Васильевича IV Грозного).

И только 19 января 1387 года Василий приехал в Москву. После четырёхлетней разлуки Дмитрий и Евдокия обняли старшего сына.

В псалме поётся о серебре, которое очищается от земли семикратно (Пsl. 11: 7). Подобно серебру испытывал всю жизнь Господь угодника своего: походами и сражениями, смертью любимых родителей, наставников и детей, верностью и изменой близких соратников, громозвучными победами и горестными поражениями. Самое последнее испытание было уготовано Дмитрию Ивановичу под конец его жизни.

Вроде бы ничто не предвещало каких-либо потрясений. Удар последовал, откуда Дмитрий Иванович никак его не ожидал. Дмитрий Иванович часто прихварывал, но был спокоен за будущее княжества. Старший сын, наследник, вернулся из татарского плена живой, невредимый, юноша он умный, рассудительный, послушен отцу, прислушивается к советам старых, умудрённых жизнью бояр. Все мы под Богом ходим, и если что случится, княжество попадёт в надёжные руки. Ближайшим же помощником молодому князю будет Владимир Андреевич Серпуховской.

И как же так могло случиться, что ни с кем иным, а с Владимиром Андреевичем и разгорелась у великого князя зимой 1389 года ссора. После святителя Алексия и жены Евдокии не было более близкого великому князю человека. С детских лет они делили поровну тяготы походов и битв, все радости и печали.

Летописи умалчивают о сути конфликта. Мы можем только догадываться о нём. Исходя из того что Дмитрий Иванович приказал взять под стражу всех бояр Владимира Андреевича, разослал их в отдалённые города, учредив за ними жестокий надзор, причиной ссоры между братьями были бояре.

А первопричиной мог быть принцип наследования власти. В Московской Руси власть могла передаваться двояко: по старшинству в роде, когда после смерти великого князя престол занимал старший в роду; или по старшинству в семье, когда великому князю наследовал старший из его сыновей. Эта неопределенность, неустановленность наследования приводила к многим трагическим конфликтам. Так, внук Дмитрия Ивановича в борьбе за московский престол с дядей Юрием Шемякой лишится зрения.

Дмитрий Иванович после Куликовской битвы долго и часто болел, разговоры о наследнике естественным образом возникали в велиkokняжеском тереме и вне его. Можно предположить, что бояре Владимира Андреевича стояли за то, чтобы власть передавалась старшему в роду, и тогда — человек слаб! — великим князем становился

Владимир Андреевич, а его бояре со вторых ролей в государстве перемещались на первые. Интрига, скорее всего, созрела и начала развиваться именно в окружении Владимира Андреевича, и сперва он был к ней непричастен, он всецело покорялся воле старшего брата и никогда не претендовал на что-то большее.

Но осторожные, вкрадчивые разговоры бояр, видимо, всё же что-то затронули в его душе, и, быть может, в душе его однажды даже прозвучал сакральный вопрос: а почему не я?

Некоторых людей, долгое время находящихся вблизи власти, как писал И.А. Ильин, начинает «учить» (от итальянского: *Duce* — вождь). Человек задумывается, что в государстве и это не так, и то не эдак, послы татарского приняли плохо (или, наоборот, чересчур хорошо), надо бы получше, с рязанским Олегом ведут себя слишком мягко, надо бы покруче взять его в оборот, и вот если бы я был во власти, то... Думы эти опасны, ведут к крови, к потрясениям.

Возможно, Владимиру Андреевичу захотелось самостоятельной власти. На открытое выступление, на заговор он, конечно, никогда бы не пошёл, но то, что Дмитрий Иванович узнал об интриге от сторонних лиц, а не от самого Владимира Андреевича, который одним бы словом пресёк все боярские поползновения, сознавать великому князю было чрезвычайно тяжело и горько. Свою немилость он выразил тем, что отнял принадлежавшие Владимиру Андреевичу города Галич и Дмитров.

Если всё же Владимир Андреевич и вправду заболел жаждой власти, то скоро и выздоровел. На Благовещение Пресвятой Богородицы, за полтора месяца до смерти старшего брата, он помирился с ним и до конца своих дней неукоризненно служил великому князю Василию Дмитриевичу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. КОНЧИНА

Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть,
и вижду во гробех лежащую... нашу красоту...

О чудесе!.. како предахомся тлению;
како сопрягохомся смерти; воистину Бога повелением.

Служба отпевания. 8 стихира

Давно отмечена печальная закономерность: поэты, которым суждено сказать новое, великое слово, шагнуть значительно дальше своих современников, долго не живут. Любой русский человек вспомнит А. Пушкина и М. Лермонтова, С. Есенина и Н. Рубцова²⁰.

Гораздо позже совершают великие деяния государственные деятели. Так, Пётр I заключил Ништадтский мир, когда ему было 49 лет, Екатерина II присоединила Крым, когда ей было 54 года, Александр II начал проведение крестьянской реформы в 43 года, фашистская Германия капитулировала, когда Сталину было 66 лет.

И только один Дмитрий Донской, находясь в сравнительно молодом возрасте, по нашим меркам (а боль-

²⁰ Это явление отмечается и в западноевропейской литературе, назовём имена П. Шелли (30), Г. Байрона (38) Т. Кёрнера (22). Поскольку наш труд не литературоведческий, эту проблему детально мы не рассматриваем, хотя, помним имена Н. Некрасова (57), Ф. Тютчева (70), Н. Клюева (53), А. Твардовского (61), И. Гёте (83), В. Гюго (83).

шней частью, и по древним), смог сделать так много как государственный деятель и полководец, не дожив до 40 лет. Рядом с ним можно поставить, пожалуй, только Александра Невского, в 22 года одержавшего победу на Чудском озере, да царя Ивана IV, в эти же годы взявшего Казань. Многие полководцы в возрасте Дмитрия Донского только начинали одерживать громкие победы: Пётр I (Полтава, 37 лет), М. Скобелев (Ахалтекинская экспедиция, 37 лет.), И. Черняховский (Вильнюсская операция, 38 лет).

С его государственным умом, личным мужеством и умением привлекать к себе людей, располагать их к себе так, чтобы они служили ему не по приказу, а по велению души, Дмитрий Иванович мог бы сделать ещё очень многое. И если бы продлил Господь лета жития его, быть может, окончательное освобождение от ига произошло не во времена правления его правнука, а гораздо раньше. Но у Господа свои сроки, свои времена...

Настала весна 1389 года, последняя весна в жизни великого князя. Всё чаще недужилось ему, богатырская сила, не раз выручавшая его в жизни, стала оскудевать. Больше времени он проводил не в палатах на совете с Боярской Думой, не на коне, а в постели.

Великая княгиня была опять на сносях и с тревогой наблюдала за происходившим, ещё истовей молилась о здравии мужа.

Завершился Великий пост, в светоносных песнопениях в княжеский терем пришла Пасха, всё вокруг ликовало,

веселилось. Через силу праздновал Светлое Воскресение и князь, хотя предчувствовал: эта Пасха последняя.

В один из дней он попросил призвать к себе преподобного Сергия. Долго беседовал с ним наедине, затем в палату к болящему пригласили ближних бояр. Великий князь составлял духовную (завещание).

Современному читателю, думается, малоинтересно, как великий князь разделил подвластные ему княжества и волости между сыновьями, кому дал больше, кому дал меньше.

Но что было у князя за душой, кроме земельных угодий, княжеской казны, боевого снаряжения и оружия? Чем он дорожил больше всего, что хотел оставить после себя на земле?

Чувствуя приближение смерти, Дмитрий Иванович, по словам сочинителя жития, дал сыновьям следующее наставление: «Бояр своих любите, честь им достойную воздавайте против их службы, без воли их ничего не делайте». Потом умирающий князь обратился к боярам с такими словами: «Вы знаете, каков мой обычай и нрав, родился я перед вами, при вас вырос, с вами царствовал; воевал вместе с вами на многие страны, противникам был страшен, поганых низложил с Божией помощью и врагов покорил, великое княжение свое сильно укрепил, мир и тишину дал русской земле, отчину свою с вами сохранил, вам честь и любовь оказывал, под вами города держал и большие волости, детей ваших любил, никому зла не сделал, не отнял ничего силой, не досадил, не укорил, не ограбил, не

обесчестил, но всех любил и в чести держал, веселился с вами, с вами и скорбел, и вы не назывались у меня боярами, но князьями земли моей». (Соловьев, 299.)

Академик С.Б. Веселовский, говоря об отличительных свойствах отношений между князем и его соратниками, «духе доверительности, товарищеского согласия», писал: «...в политике великого князя Дмитрия было что-то такое, что привлекало служилых людей и способствовало росту и усилению служилого класса. Заслуживает, как мне кажется, внимания то, что за время княжения Дмитрия неизвестно ни одного случая опалы и конфискации имущества, ни одного отъезда, за исключение отъезда И.В. Вельяминова, т. е. явлений, которые мы можем наблюдать в XV в. и очень часто в XVI в., особенно при Иване IV. В Москву стекаются выходцы, занимающие иногда очень хорошее положение, и все находят себе соответствующее место. Очевидно, что сам великий князь, верхушка его боярства умеют принимать пришельцев «с честью» и ставить каждого на своё место. Создавалось впечатление, что пришельцы встречали на Москве устойчивую и чёткую политику отношения великого к выходцам, которая их привлекала и отвечала их интересам». (Лошиц, 391.)

В подтверждение своей мысли Веселовский пишет, что «о широком привлечении служилых людей для управления свидетельствует количество подписей (десять) под завещанием Дмитрия Ивановича: ни под одной духовной

других великих князей нет такого числа подписей бояр. Например, у Василия Тёмного два свидетеля, а у Ивана III — четыре свидетеля, хотя число бояр значительно увеличилось». (Лошиц, там же.)

Как мудрый и опытный руководитель, Дмитрий Иванович понимал, что в большом государственном деле главное затруднение бывает не в нехватке денег, средств (в наше время: вожделенных инвестиций), проблема заключается в людях, которые будут делать дело. Нужны люди: честные, верные, трудолюбивые, готовые служить Родине без оговорок и оглядок. Поэтому он любил и жаловал, чем мог, грозно и честно служивших ему бояр.

И бояре воздавали ему должное.

Великая княгиня Евдокия знала Дмитрия Ивановича как супруга, заботливого и любящего отца их детей, но как полководца, как главу великого княжества, как дипломата, хозяйственника, устроителя государственной жизни во всей полноте его знали только бояре. И, несомненно, те из них, кто был наделён державным умом, сознавали тяжесть утраты для княжества, всей русской земли.

Бояре и подчинённые им дьяки, тиуны (нынче бы сказали: аппарат) формировали в ту пору общественное мнение. Именно они во многом не дали угаснуть памяти о великом князе.

То, что сохранилось о Дмитрии Ивановиче, во многом заслуга его боярского окружения. За доброту, проявлявшуюся во взаимоотношении с князем, они отплатили ему добром в исторической памяти.

После наставления сыновьям действовать заодно, единодушно с боярами великий князь завещал детям послушание матери.

Слово летописцу: «А вы, дети мои, слушайте свое матери во всем, из ее воли не выступитесь ни в чём. А который мои сын не имеет слушати свое матери, а будет не в ее воли, на том не будет моего благословения».

В духовном завещании Дмитрий Иванович благословляет старшего сына Василия великим княжением Владимирским, передаёт его по наследству. Распоряжение на первый взгляд более чем самонадеянное, ведь московский князь всё еще данник Орды, но и на пороге смерти прозорливость не оставляет великого государя: никто из ордынских ханов не оспорит его распоряжение, хотя ещё долго, не одно десятилетие, на великокняжеский престол во Владимире потомков Дмитрия Ивановича будут возводить ханские посланники. Но это уже дань ритуалу, обряду.

Думал Дмитрий Иванович и о тех временах, когда «переменит Бог Орду», то есть когда не будет власти Орды над Русью. До последнего часа жило в душе самое заветное желание: освободить Родину от гнёта чужой власти. Родилось оно в его первой поездке в Орду по Волге, возрастало и крепло в походах, советах с боярами. И не сбылось.

Нам не дано знать о предсмертных думах великого князя. Конечно, его томило сожаление, что он умирает так рано, мечталось ещё столько сделать, построить; жаль было расставаться с любимой княгиней и детьми; жгла

душу неизбывная боль об августовских днях 1382 года, о мечте всей его жизни — стать самовластным, ни от кого в своих решениях не зависимым государем, пришлось покориться и снова подклонить выю под ордынское ярмо. Пусть не такое тяжкое, свирепое, как в прадедовы годы, но унизительное.

И в то же время он понимал, что сделал немало: построил Кремль, прекратил литовские нашествия, прирастил княжество и главное — вывел единое русское воинство на поле брани и одолел врага.

Неотвратимое надвигалось.

15 мая княгиня Евдокия родила сына Константина, но у Дмитрия Ивановича уже не было сил, чтобы подойти к ней. Старшие сыновья дневали и ночевали в княжей палате, не отходя от отцовского ложа. Сколько тут было пролито слёз, сколько выплакано, вознесено к Господу, Богородице и великомученику Дмитрию Солунскому молитв, никто не знает.

На рассвете 19 мая великий князь Московский Дмитрий Иванович переселился в селения Небесные, идёже несть ни болезнь, ни печаль, но жизнь бесконечная.

На другой день в Архангельском соборе Кремля прощались со своим великим князем, по словам очевидца, собралась вся Москва от мала до велика. Разумеется, все не вместились в собор, но всеобщий плач был так громок, что заглушал пение певчих.

Записан ли сопечальником, сочинён ли позднее плач великой княгини Евдокии по умершем муже, но и через

шестьсот с лишним лет слова плача до слёз трогают и волнуют душу.

«Как же ты умер, жизнь моя бесценная, — причитала княгиня над гробом, — меня одинокой вдовой оставил. Почему я раньше не умерла? Померк свет в очах моих. Куда ушёл ты, сокровище жизни моей... Цветок прекрасный, что так рано увядаешь? Сад многоплодный, уже не даруешь плода сердцу моему и радости душе моей. Почему, господин мой милый, не взглянешь на меня... почему не посмотришь и на детей своих... Солнце моё, рано заходишь, месяц мой светлый, скоро меркнешь, звёздочка восточная, почему к западу отходишь? Царь мой милый, как встречу тебя и обниму тебя... Господином всей земли Русской был — ныне же мертв лежишь... Многие страны усмирил и многие победы показал — ныне же смертью побеждён... Жизнь моя, как приласкаюсь к тебе, как повеселюсь с тобой! На кого оставляешь меня и детей своих? Крепко, господин мой дорогой, уснул, не могу разбудить тебя. С какой битвы ты пришёл, истомившись так? Звери земные в норы свои идут, а птицы небесные к гнёздам своим летят, ты же, господин, ото своего дома без радости отходишь. Лишилась я царя!.. Как восплачу или как возлаголю: “Пречистая Госпожа Богородица, не оставь меня, в дни печали моей не забудь меня!”» (Трофимов, 128.)

Почему же князь умер так рано? Видимо, причиной смерти была болезнь сердца. Летописцы пишут о нём как о человеке крупном, грузном, матёром, а такие люди обычно предрасположены к сердечным болезням.

Да и кто прожил бы долго, если бы его жизнь была спрессована так, как жизнь великого князя? Практически каждый год походы, жизнь не в обиходенных, благоустроенных палатах, а на коне, в шатре, под дождём, солнцем и ветром. И это с детства, с двенадцати — тринадцати лет. Вот произвольно взятое пятилетие великокняжеской жизни:

1364 — уладилась ситуация с великокняжеским ярлыком, нервотрёпка, тянувшая не один год.

1365 — страшный пожар в Москве.

1365 — начато строительство Кремля.

1366 — свадьба (единственное светлое пятно).

1366 — грабительский поход новгородцев, разрыв отношений с Новгородом.

1367 — захват Твери Василием Кашинским. Бегство Михаила Тверского в Литву.

Лето 1368 — арест Михаила.

Осень 1368 — поход Ольгерда на Москву.

А князю всего 18 лет. Хотя историками принято считать, что в ту пору подросток 12 лет считался взрослым человеком, но одно считать, а другое быть. Природу не обманешь. Все перегрузки рано или поздно отзовутся, дадут о себе знать.

Кранам и тяжёлой контузии, полученной на поле Куликовом, добавлялись душевные переживания, терзавшие сердце сильнее физических нагрузок.

Вся жизнь князя прошла на фронте, на войне. Спокойно пославший на казнь изменника И. Вельяминова, князь

крайне остро переживал кровавые потери Куликовской битвы, а зрелище растоптанной, сожжённой, поруганной Тохтамышем Москвы наверняка отняло у него не один год жизни. Приведу показательный пример из эпохи, весьма отдалённой от Дмитрия Донского. Тогда и уровень развития медицины был несравненно выше, чем в XIV веке, но вскоре после Великой Отечественной войны умерло немало сравнительно молодых советских генералов, не щадивших себя на фронте. Это командармы: П. Рыбалко (54 года), В. Глаголев (51 год), Я. Федоренко (51 год), В. Рязанов (50 лет), Т. Хрюкин (43 года).

Не знавшие испытаний, выпавших на долю Дмитрия Ивановича, дольше жили его сын Василий (54 года), правнук Иван (65 лет). Внук Дмитрия Ивановича Василий перенёс психологическую и телесную травму (был ослеплён), но и он пережил деда на 8 лет.

Но свершилось то, что должно было свершиться, и в Архангельском соборе Кремля под белокаменной плитой мирно почивают честные моши святого благоверного князя Дмитрия. Почивают до того часа «в оньже вси сущии во гробех услышать глас сына Божия. И изыдут, сотворши благая, в воскрешение живота...» (Ин. 5: 28—29.)

С.М. Соловьёв так оценивает деятельность Дмитрия Ивановича: «Дед, дядя и отец в тишине приготовили богатые средства к борьбе открытой, решительной. Заслуга Дмитрия состояла в том, что он умел воспользоваться этими средствами, умел развернуть силы и дать им вовремя надлежащее употребление. Мы не станем взвешивать

заслуг Дмитрия сравнительно с заслугами его предшественников; заметим только, что употребление сил происходит обыкновенно громче и виднее их приготовления, и богатое событиями княжение Дмитрия, протекшее с начала до конца в упорной и важной борьбе, легко затмило бедные события княжения предшественников; события, подобные битве Куликовской, сильно поражают воображение современников, надолго остаются в памяти потомков, и потому неудивительно, что победитель Мамая получил... такое видное место между князьями новой северо-восточной Руси. Лучшим доказательством особенно важного значения, придаваемого деятельности Дмитрия современниками, служит существование особого сказания о подвигах этого князя, особого украшенно написанного жития его. Наружность Дмитрия описывается таким образом: “Бяше крепок и мужествен, и телом велик, и широк, и плечист, и чреват вельми, и тяжек собою зело, брадою же и власы черн, взором же дивен зело”. В житии прославляется строгая жизнь Дмитрия, отвращение от забав, благочестие, незлобие, целомудрие до брака и после брака...» (Соловьёв, 297.)

Маститому историку вторит наш современник: «Как никто из его современников Дмитрий Донской стремился к поиску новых средств в политической борьбе, более нравственных. Если Иван Калита не гнушался приглашать татар для расправы со своими противниками — единоверцами, то его внук раз и навсегда отказался от этого

позорного обычая, как и от многих других, заимствованных русскими у ордынцев в самые глухие времена ига». (Лошиц, 380.)

Ему было трудно потому, что «в представлениях княжеско-боярского большинства местное, частное начало... ещё преобладало над общим, а Дмитрий умел глядеть вперёд». (Лошиц, там же.)

Но он был вынужден считаться со сложившимся порядком вещей, который не так легко было сломать. Во время междоусобицы можно было прихватить кусок чужого княжества, но упразднить его, ликвидировать Дмитрий Иванович и помыслить пока не мог.

Можно перечислить вслед за учёными достижения, итоги жизни Дмитрия Ивановича:

— он внёс важные изменения в принципы формирования вооружённых сил, заменил систему комплектования на новую. Если ранее воины сражались под стягом того князя, которому служили, независимо от места расположения своих вотчин, то по реформе Дмитрия Донского они должны были подчиняться в походе воеводам только тех князей, в землях которых были расположены их вотчины. Проще говоря, раньше подчинялись князю, с которым пришли на поле битвы, а теперь воеводе, которого назначит великий князь;

— он укрепил государственный строй, причём делал это и дипломатическими и военными средствами. Дмитрий Донской несколько ограничил «вольность»

боярской службы и право «отъезда» от одного князя к другому. При нём началось интенсивное складывание Государева двора, особенно его верхних слоёв;

— он расширил границы Московского великого княжества, присоединил части Мещёры, Смоленской земли, приокских земель, Галич, Дмитров;

— он отстаивал интересы национальной Церкви в противовес притязаниям Византии;

— он был примерным семьянином, супругом и отцом.

Всё перечисленное выше было нужно и необходимо, но не за это любили и помнили его бояре и священнослужители, крестьяне, ремесленники — в совокупности весь русский народ как в Московском княжестве, так и за его пределами.

Его любил и любит русский народ — и это чрезвычайно важно в наше шаткое время — за то, что он жизнь свою положили «за други своя» (Ин. 15: 13) в самом широком смысле этих слов. Он пожертвовал собой не ради спасения жизни какого-то конкретного человека. Он жизнь свою пожертвовал Отечеству. Он стал первым национальным вождём, которому народ поверил и пошёл за ним на подвиг. Великий князь жил только для Отечества, для него не было ничего важней блага государства и народа. Таких вождей народ не забывает. В этом главный итог героической жизни благоверного князя Дмитрия Ивановича Донского.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ПОЧИТАНИЕ

Душа его во благих водворится
и память его в род и род.
Пение панихиды

Имя князя Дмитрия Донского с сентябрьского дня 1380 года стало в один ряд с именами великих народных героев, былинных богатырей. Память о благоверном князе, полководце никогда не умирала в душе русского народа. Почитание великого князя Дмитрия Ивановича началось сразу после его смерти.

В память о нём был вышит «великий воздух»²¹ с изображением Спаса, где были помещены лики Дмитрия Солунского и князя Владимира, небесных покровителей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича. Это была первая память о нём. (Лопшиц, 393.)

Почиталась гробница Дмитрия Ивановича в Архангельском соборе. В «Степенной книге» говорится, что в правление великого князя Василия Иоанновича «у гроба сего святопочившего самодержавного великого князя Дмитрия» чудесным образом «свеща небесным огнем

²¹ Воздух — изготовленный из материи предмет христианского богослужения: им покрывают чашу.

само по себе возгореся и необычным светом оба полы светящиеся, она горела, не сгорая, много дней, свеча сохранялась в соборе в 60-х годов XVI века.

Простые люди, жившие у студёного Белого моря или в заволжских лесах, в порубежной степи или по Волге, не могли попасть в Кремль, поклониться там гробнице, а тем более драгоценному воздуху, который употреблялся в великие церковные праздники. Простой люд узнавал о жизни народного святого и его подвигах из сказаний о нём. Ни одному великому князю Древней Руси не посвящено столько литературных произведений.

Первым произведением была «Задонщина» – драгоценный памятник древнерусской литературы. Специалисты утверждают, что «Задонщина» создана вскоре после Куликовской битвы, не позже 1393 года. Этот памятник ценен не только тем, что битва запечатлена в нём живым, художественным словом очевидца, но также тем, что опровергает доводы скептиков, отрицающих подлинность жемчужины древнерусской литературы «Слова о полку Игореве». Весь художественный строй, композиционное построение, музыкальная интонация «Задонщины» свидетельствуют о том, что автор её прекрасно знал «Слово» и брал его за образец.

Целый ряд произведений, повествующих о славной битве, историки древнерусской литературы назвали «Куликовским циклом». В него входят «Слово о житии и преставлении...», составленное выдающимся писателем Древней Руси Епифанием Премудрым, Летописная по-

весть о Куликовской битве, Сказание о Мамаевом по боище и т. д.

В 1480 году во время противостояния русских и татарских войск на реке Угре святитель Вассиан в послании великому князю Ивану III убеждает не страшиться вступить в бой с татарами, призывает вспомнить своего предка Дмитрия Ивановича — победителя злочестивого Мамая.

Глубоко почитал своего именитого предка великий государь Иван IV, он первый назвал Дмитрия Ивановича Донским. Со времён его царствования русский народ только так и называет своего героя. Первенец Ивана IV царевич Дмитрий получил имя в честь Дмитрия Донского. Донской называется заложенная Дмитрием Ивановичем перед Куликовской битвой церковь Успения в Коломне и хранившаяся в ней икона Богоматери.

Всякое решительное столкновение с татарами вызывало в сознании русских людей образ Дмитрия Донского. Накануне выступления против Казанского ханства (1552) Иван IV молился в Успенском соборе Коломны перед образом Донской Богоматери.

В Ливонской войне Донская икона также была заступницей и покровительницей православных воинов. Её брал с собой Иван IV в Полоцкий поход.

Митрополит Макарий вспоминает Дмитрия Донского в своих посланиях войску и при встрече победителей в Москве. В поход на Казань был взят также крест с хоругвью, который, по преданию, был с Дмитрием Донским на Куликовом поле.

В 1591 году царь Федор Иоаннович молился в походной церкви перед иконой о спасении Москвы от напастия Казы-Гирея. В 1591 году в память о чудесном заступничестве Богоматери на месте походной церкви был основан Донской иконы Божией Матери московский монастырь.

В XVII веке Донская икона оставалась особо чтимой святыней. В 1646 году во время нападения крымских татар на южнорусские земли царь Алексей Михайлович, подобно Федору Иоанновичу, молился перед этой иконой, и нашествие агарян было отбито.

В 1649—1660 годах установлены ежегодные крестные ходы в день празднования Донской иконы.

В период войн с Турцией в XVII веке (Чигиринские походы (1667—1678) и Крымские походы князя В.В. Голицына (1687 и 1689), почитание Донской иконы усилилось.

Своцарением Петра I обороне южных границ России стало придаваться большее значение: почитание Донской иконы вновь возросло. С её заступничеством связывали взятие Азова в 1696 году.

Согласно одному из преданий, Пётр I, посещая строительство шлюзов на Иван-озере, осмотрел место Куликовской битвы и приказал заклеймить оставшиеся дубы Зелёной Дубравы, чтобы их не рубили.

Прижизненного достоверного портрета Дмитрия Донского до нас не дошло, но его изображения на стенных росписях и иконах начинают появляться уже в XV веке. На иконе «Святитель Алексий в житии» письма Диони-

сия на одном из клейм изображена встреча вернувшегося из Орды святителя Алексия с князем. Этот сюжет сохраняется и в более поздних иконах святителя Алексия в XVII — XVII веках. Изображение великого князя встречается на одном из клейм иконы работы Дионисия «Преподобный Димитрий Прилуцкий в житии», на иконе «Благословенно воинство Небесного Царя». Самое раннее изображение Дмитрия Донского в стенописи относится к 1508 году на одной из фресок работы мастера Феодосия в Благовещенском соборе Московского Кремля, а также в росписях Архангельского собора. На росписях великий князь изображён с нимбом, но это не значит, что Дмитрий Иванович был уже в то время причислен к лику святых. По византийской традиции с нимбами изображались цари (императоры).

Один из излюбленных сюжетов иконописцев, относящийся к жизни великого князя, — это эпизод с благословением его преподобным Сергием на битву.

Описание внешнего облика Дмитрия Донского внесено в иконописные подлинники XVII — XIX веках, что явно свидетельствует о его почитании.

Изображения благоверного князя занимают важное место в Лицевом летописном своде 70-х годов XVI века, шедевре древнерусской книжности.

Имя Дмитрия Донского жило в народной памяти, почиталось народом. Но первые официальные торжественные мероприятия, возведение вещественного знака народной памяти относятся к XIX веку.

«В первой четверти XIX века тульский краевед Степан Дмитриевич Нечаев впервые в исторической науке предпринял натурные исследования места сражения и попытался увязать ход битвы с конкретной местностью... Многие находки с поля Куликова С.Н. Нечаев подарил близким друзьям... Сохранились сведения о других коллекциях древностей с Куликова поля этого времени... В процессе топографической съёмки места сражения предметы вооружения были собраны землемером А.И. Витовтом... Интересны замечания Нечаева... о могилах русских воинов, павших в битве, о Зелёной Дубраве, где располагался засадный полк, о бродах через Дон...» (Музей-заповедник, 18, 19.)

Затем тульский губернатор В.Ф. Васильев по предложению Нечаева в 1820 году ходатайствовал перед Александром I о создании памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле. Проект памятника в классическом стиле был выполнен скульптором И.П. Мартосом, автором монумента К. Минину и Д. Пожарскому в Москве. Комитет министров отклонил проект Мартоса, постановив ограничиться возведением обелиска. Одновременно начался сбор средства на сооружение обелиска... Спустя 15 лет, уже в 1836 году, из четырёх проектов, представленных на конкурс, император Николай I утвердил эскиз чугунного обелиска А.П. Брюллова.

Денег было собрано 380 тысяч рублей... В 1845 году Николай I повелел ограничиться «возведением одного только обелиска». Из всей собранной народом суммы

он разрешил истратить 60 тысяч рублей, остальные же деньги высочайше соизволил употребить «на образование дворянского юношества в кадетских корпусах».

Отливали обелиск в Петербурге и на подводах везли к месту установки. Многотонные детали были так велики, что некоторые сани везло до десятка лошадей.

8 сентября 1850 года обелиск был торжественно открыт в присутствии губернатора, представителей дворянства, духовенства и местных крестьян. Охранять обелиск было назначено двум отставным солдатам, для которых рядом с ним была возведена деревянная караулка.

Высота обелиска — 28 метров. Общий вес — 420 тонн. Это пятиярусная чугунная колонна. Нижний ярус украшен воинскими доспехами и надписью: «Победителю татар великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому признательное потомство. Лета от Рождества Христова 1848». Чуть выше икона Смоленской Божией Матери.

Новый всплеск внимания к Куликовской битве связан с 500-летним юбилеем сражения. Известный историк Д.И. Иловайский предложил торжественно отпраздновать юбилей. ... В научной и периодической печати появились статьи и очерки, посвящённые Дмитрию Донскому и Куликовской битве. При большом стечении народа 8 сентября 1880 года рядом с памятником Дмитрию Донскому на Куликовом поле после панихиды состоялся военный парад с артиллерийским салютом. В 1865—1894 годы в селе Монастырщина, на месте захоронений павших воинов, был возведён каменный храм Рождества Богородицы...

В составе Российского императорского флота был крейсер «Дмитрий Донской», эскадренные броненосцы «Ослыбя» и «Пересвет». Первые два корабля геройски погибли в Цусимском сражении, не спустив перед врагами гордый Андреевский флаг. А «Пересвет» в 1916 году подорвался на немецкой мине в Порт-Саиде.

Наступил 1917 год. Куликово поле он не затронул, обелиск уцелел, но многие экспонаты из музея были разворованы или выброшены.

В 30-е годы в политике государства происходит поворот к отечественной истории. Снимаются фильмы об А. Невском и А. Суворове, П. Нахимове и М. Кутузове.

В 1940 году выходит в свет роман С. Бородина «Дмитрий Донской», отмеченный Сталинской премией.

Всем нам памятен 1941-й год, когда немецкие войска осадили Москву. Тогда с государственной трибуны — Мавзолея Ленина — среди великих и славных русских имён на весь мир прозвучало имя благоверного князя.

Обращаясь к войскам, идущим с парада на фронт, Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин сказал:

«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы... На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ ваших

великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского...

Да здравствует наша славная Родина, её свобода, её независимость!» (Сталин, 40.)

В рядах победоносной Красной Армии билась с «фашистской силой черною» танковая колонна «Димитрий Донской».

30 декабря 1942 года Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский) обратился к верующим с Посланием: «Повторим от лица всей нашей Православной Церкви пример преподобного Сергия Радонежского и пошлем нашей армии вместе с нашими молитвами и благословением вещественное показание нашего участия в общем подвиге, соорудим на наши пожертвования колонну танков имени Димитрия Донского». (Васильева, 45.)

Разумеется, сбор средств на сооружение танковой колонны не мог происходить без разрешения властей. Интересно то внимание, с каким Верховный Главнокомандующий относился к инициативе Церкви.

1 мая 1943 года митрополит Алексий телеграфировал И. В. Сталину: «Ленинградская епархия... осуществляя Ваш призыв всячески содействовать укреплению обороноспособности нашей Родины... продолжает сбор средств на танковую колонну имени Димитрия Донского». (Васильева, 54.)

Ответ последовал через две недели с небольшим:

«...Прошу передать православному духовенству и верующим Ленинградской епархии... мой искренний привет

и благодарность Красной Армии. И. Сталин. 17 мая 1943 года». (Васильева, 54.)

Не исключено, что факт создания танковой колонны на церковные деньги был одним из факторов, повлиявших на решение И. Сталина провести судьбоносную для Русской Церкви встречу с иерархами в сентябре 1944 года и последовавшие за ней восстановление Патриаршества.

Всего было собрано около 8 миллионов рублей. Средств хватило на постройку 40 танков.

7 марта 1944 года митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) передал танковую колонну Красной Армии.

На основе колонны сформировали два полка — 516-й отдельный огнемётный полк, награждённый орденом Красного Знамени и получивший почётное звание Лодзинского. Этот полк дошёл с боями до Берлина. Второй полк, 38-й отдельный, был удостоен почётного наименования Днестровский и закончил войну, освобождая Прагу. Оба полка в общей сложности уничтожили свыше 5 тысяч немецко-фашистских захватчиков, подбили и захватили свыше 80 танков, множество орудий и пулемётов. Больше 60 офицеров, сержантов и рядовых погибли в боях за Родину.

Конечно, два полка не могли прибавить много силы нашей армии, но и два инока, посланные преподобным Сергием на Куликовскую битву, не могли решить исход ее своим участием. Зато они принесли русскому войску

благословение Церкви на святое дело спасения Руси. Точно так же и танковая колонна явились благословением Церкви на разгром немецких фашистов.

Очень хорошо сказал об этом в ноябре 1944 года Святейший Патриарх Алексий:

«Дай Бог, чтобы и на будущее время не оскудевала ревность и щедрость русских православных верующих. Попытное участие наше в деле стояния за Родину и борьбе за ея честь и свободу привлекли благословение Божие на великий подвиг». (Кнышевский, 55.)

В 60-е годы в нашем обществе происходило пробуждение интереса к истории, было создано Общество охраны памятников истории и культуры. Не осталась в стороне от благих перемен и народная святыня — Куликово поле.

«В середине 60-х годов с созданием на Куликовом поле филиала тульского краеведческого музея начались работы по реставрации и благоустройству памятников на Красном холме. В 1965 г. рядом с храмом Сергия Радонежского был возведён деревянный дом, где разместилась небольшая экспозиция. В 1967 г. началась реставрация храма Сергия Радонежского и памятника Дмитрию Донскому.

Новым рубежом в истории Куликова поля становится постановление Совета Министров РСФСР “О подготовке празднования 600-летнего юбилея Куликовской битвы”. Были завершены работы по реставрации храмов Сергия Радонежского на Красном холме и Рождества Богородицы в с. Монастырщина, памятника Дмитрию Донскому.

Введены в научный оборот и последние находки предметов вооружения (наконечники копий и сулиц), найденные на месте сражения в 1950—80-е гг.... Празднование 600-летнего юбилея послужило прецедентом для ежегодных торжеств в день Куликовского сражения.

Под руководством специалистов Государственного Исторического музея в храме Сергия Радонежского была создана современная музейная экспозиция с использованием последних достижений музейной техники — электроники, гальванокопии, голографии, научной реконструкции. В центре территории сражения специалистами лесхоза сделана попытка воссоздания внешнего вида Зелёной Дубравы. Перед юбилеем были проведены археологические разведки экспедицией Государственного Исторического музея». (Музей-заповедник, 22, 23.)

И вот наступил 1980-й год. На юбилей откликнулись не только специализированные исторические журналы, но и все областные газеты, издававшиеся обкомами партии и комсомола. Это был вал историко-популярных статей, стихов как самодеятельных, так и профессиональных поэтов.

Но Куликовскую битву нельзя представить без преподобного Сергия и, следовательно, роли Церкви, поэтому постарались Церковь от битвы оторвать. Были публикации, в которых ставилась под сомнение сама поездка великого князя в монастырь за благословением, были публикации и откровенно антицерковные, но о них не будем поминать: что было, то прошло.

Такого подъёма патриотических чувств больше не было за всё прошедшее с того года тридцатилетие.

6 сентября 1980 года в городе-герое Туле состоялось торжественное заседание, посвящённое юбилею Куликовской битвы. С докладом выступили первый секретарь Тульского обкома КПСС И.Х. Юнак, представители общественности города Тулы.

7 сентября на Куликовом поле собрались десятки тысяч человек со всех концов страны. Яркое солнце высвечивает флаги союзных республик, знамёна боевых полков, отстоявших Куликово поле от фашистского нашествия. Оркестр играет марши, у подножия монумента Славы растёт гора цветов. Митинг открыл заместитель председателя Совета Министров РСФСР В.И. Кочемасов. Среди гостей праздника писатель Л.М. Леонов, лётчик-космонавт СССР А.Н. Николаев, Герой Советского Союза А.П. Маресьев, чемпион мира по шахматам А.Е. Карпов, рабочие, колхозники, инженеры, военнослужащие, представители творческой интеллигенции. Митинг завершается исполнением гимна СССР. Над Полем вспыхивает праздничный фейерверк — салют. Мимо обелиска, отдавая почести героям битвы, проходят войска.

К юбилею был заново отреставрирован обелиск на Красном холме. Это вторая реставрация. Первая производилась сразу после Великой Отечественной войны. Немецкие захватчики обстреливали обелиск из пушек и пулемётов, в соборе выломали ворота и оконные решётки.

В церкви Рождества Богородицы в селе Монастырщина к юбилею была развернута выставка книг, посвящённых Куликовской битве.

Представители 26 городов ещё в середине августа отправились на Куликово поле пешком, повторив движение русского войска в 1380 году.

Накануне митинга состоялась научная конференция, на которой ведущие учёные-историки говорили о роли и значении подвига русских воинов.

К юбилею был снят документальный фильм.

На месте бывшей Зелёной Дубравы высажено много молодых дубков.

8 сентября состоялось торжественное собрание в Москве в колонном зале Дома Союзов. В президиуме собрания член Политбюро председатель Совета министров РСФСР М.С. Соломенцев, секретарь ЦК КПСС И.В. Капитонов, президент Академии наук СССР А.П. Александров. С докладом выступил академик Б.А. Рыбаков.

Собрание завершилось большим концертом мастеров искусств²².

В то же время ни в центральной прессе, ни в местной не было сказано ни слова о том, как Русская Православная Церковь отпраздновала общенародный юбилей. Восполним этот пробел.

²² Обзор празднования составлен по материалам газет «Правда», «Известия», «Советская Россия» за 1980 г. Своими воспоминаниями о торжествах, проходивших на Куликовом поле, с автором поделился писатель-вологжанин А.А. Грязев.

Краткая хроника событий:

8 августа Святейший Патриарх Пимен обратился с посланием ко всем верующим в связи с юбилеем.

К юбилею была выпущена памятная медаль.

14 сентября митрополит Ювеналий в Богоявленском соборе города Коломны совершил литургию и отслужил панихиду по павшим воинам.

17 сентября в город Тулу прибыли митрополиты Алексий (будущий Святейший Патриарх), Питирим, Филарет, Ювеналий и отбыли на Куликово поле. На Куликовом поле была отслужена панихида по павшим воинам, от Русской Православной Церкви были возложены венки к обелиску.

18 сентября во Всехсвятском соборе города Тулы митрополиты Алексий и Ювеналий совершили Божественную литургию и отслужили панихиду.

21 сентября Святейший Патриарх Пимен совершил в Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры Божественную литургию и отслужил панихиду.

В этот же день в Московской духовной академии состоялся торжественный акт по случаю юбилея.

В этот же день во всех храмах Православной Церкви было оглашено послание Святейшего Патриарха Пимена.

В течение года в журнале Московской Патриархии публиковались материалы, посвящённые юбилею.

Прошло более двадцати лет. И 1 октября 2004 года в связи с предстоящим празднованием 60-й годовщины

победы в Великой Отечественной войне и 625-летия Куликовской битвы Русской Православной Церковью был учреждён орден Святого благоверного князя Димитрия Донского. Он имеет три степени. Орденом награждаются священнослужители, военачальники, ветераны Великой Отечественной войны и люди, проявившие мужество при защите Отечества, а также внесшие вклад в развитие взаимодействия между РПЦ и армией, оказывающие духовно-нравственную поддержку военнослужащим.

В сентябре 2009 года на Куликовом поле представителями Вологодской области был открыт памятный знак белозерским князьям и их дружине, погибшим в битве.

Память о поле русской ратной славы не умирает в наших сердцах. Но нерешённые проблемы остаются. Сотрудники музея-заповедника «Куликово поле» высказали важную мысль: «При формировании каких-либо новых традиций Куликова поля нельзя забывать, что они обречены быть нежизнеспособными, искусственно привнесёнными извне, если обретут форму лишь официальных мероприятий (пусть даже и регулярных) и не будут учитывать обычая местного населения. До сих пор уделено должное внимание лишь одному уникальному в историко-культурно-природном отношении объекту Куликова поля, каким является “Прощённый колодец”, считающийся у местного населения “святым”, вода которого обладает, по преданию, лечебными свойствами (по летописной традиции именно его водой воины московского великого князя Дмитрия, прозванного

впоследствии Донским, омывали свои раны). Здесь в 1991—1995 гг. преимущественно на частные пожертвования граждан по проекту архитектора М.А. Панкратова и скульптора В.М. Клыкова была возведена православная часовня — ротонда». (Музей-заповедник, 57.)

В 1988 году Православная Церковь отмечала 1000-летие Крещения Руси. Перед юбилейным Поместным собором заседал Священный Синод, на котором одним из вопросов был вопрос прославления святых. Весь верующий народ ждал решения Синода. Кого прославят, кого? И помнится, какая была всеобщая радость: прославили князя Дмитрия Донского! В душе народа он уже давно был святым.

Так с 1988 года почитание памяти благоверного князя благословлено Церковью. И с тех пор каждый год в православных храмах 19 мая певчие на клиросах и прихожане в храмах воспевают:

— Велика обрете в бедах тя поборника земля Русская, языки побеждающа. Якоже на Дону Мамаеву низложил еси гордыню, на подвиг сей прияв благословение преподобного Сергия, тако, княже Дмитрие, Христу Богу молися даровати нам велию милость²³.

²³ Любопытен факт современного почитания Дмитрия Донского. Мне сообщили, что в Интернете есть снимок с иконой: в середине стоит Стalin, справа Александр Невский, слева Дмитрий Донской. Князья стоят с мечами, и у всех трех нимбы.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ВЕРНА И ПОСЛЕ СМЕРТИ

Радуйся, града Москвы твердое ограждение;
радуйся, страны Российския верная защитнице.

Акафист прп. Евфросинии, икос 4

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому ещё не удавалось.

Ф.И. Тютчев

Святые супружеские пары — не редкость в истории Православной Церкви, но, пожалуй, Русская Православная Церковь держит здесь пальму первенства. Пётр и Феврония, Кирилл и Мария, царь Николай и Александра, Дмитрий и Евдокия.

Жития и сказания, повествующие о благоверном князе Дмитрии, единогласно говорят о его благочестивой, беспорочной семейной жизни.

Это, разумеется, нельзя толковать в том смысле, что Дмитрий Иванович нравственно стоит особняком, выится этакой недоступной горной вершиной в ряду прочих русских князей. Нет, святость брака, святость семьи были одним из незыблемых устоев Древней Руси, без чего Русь не выстояла бы среди тех испытаний, что довелось пережить ей. Но сам жанр жития таков, что обычные добродетели приподнимаются, возвышаются в нём, от-

нюю не умаляя и не принижая нравственной чистоты большинства современников святого.

За те двадцать с небольшим лет, что великая княгиня прожила со своим великим супругом, всё было в их жизни: и радости, и разлуки (их было очень много), и, наверное, ссоры, и размолвки (ну как же без них), и то тихое родительское счастье при виде подрастающих детей, начинающих ходить, говорить, горе и слёзы по умершим чадам.

Теперь она осталась одна. Началась вдовья жизнь. По утрам она ходила в собор, в тишине молилась там, привыкая, что там, под белокаменной плитой, навеки скрылась от неё её отрада, её счастье и любовь.

Не дай Бог, ни одоветь, ни погореть. Вдовья доля печалила её не материальными тяготами (их не было), а душевным сиротством, невозможностью излить душу, поговорить о детях, посоветоваться. Обо всём можно поговорить, пожалиться и порадоваться с духовным отцом, но всё же это не та откровенность, что с родным, близким, любимым до каждой седой пряди на висках человеком. Всё носить в себе, выплакивать в одиноких слезах, и никто не приласкает, не улыбнётся приветливо: «Не тужи, Евдокилюшка, гляди веселей!»

Дмитрий Иванович умер, не увидев сыновей и дочерей взрослыми, только старшему Василию исполнилось 18 лет. Ставить их на ноги, выпускать в жизнь, женить, выдавать замуж выпало на долю Евдокии.

Ещё не высохли все надгробные слёзы, а в жизни княгини произошло важное событие.

Михаил Александрович Тверской возмечтал сесть на опустевший Владимирский велиkokняжеский престол. Тохтамыш, конечно, мог поступить по-своему и не обратить внимания на волю Дмитрия Ивановича, завещавшего престол старшему сыну, но отчего-то не захотел возобновления борьбы за Владимирское княжение между Москвой и Тверью, и через три месяца после кончины великого князя посол Тохтамыша Шихмат возвёл Василия во Владимире на велиkokняжеский престол.

Тохтамыш знал, что на него готовит поход грозный Тамерлан, и хотел видеть Русь пусть и не союзником, то хотя бы не врагом.

В 1390 году княгиня Евдокия присутствовала на свадьбе старшего сына Василия на дочери литовского князя Витовта Софье, затем в этом же году с сыновьями и боярами выехала за несколько вёрст от Москвы встречать митрополита Киприана и больше в политических делах никакого участия не принимала.

Всю оставшуюся жизнь она посвятила молитвенной памяти о супруге и делам благотворения. Каждый день до конца своей блаженной кончины она молилась в церкви или в одном из московских монастырей об упокоении души своего незаввенного супруга.

В акафисте святой угоднице есть удивительная строка (кондак 3), где она названа матерью державы, то есть Московского княжества.

В Древнем Риме наряду с почётным званием «отец Отечества» (Pater Patriae) существовало звание «мать

Отечества»²⁴ (Mater Patriae). Было в этом звании немало помпезного, нарочитого, далёкого от живой сострадательной жизни, не мог, видимо, Рим жить без этих бутафорских украшений, но великая княгиня Евдокия была поистине неложной матерью Московского княжества, заботливой, любящей заступницей за бедных и сирых, больных, бездомных, калек и нищих.

Она делала вклады в монастыри и церкви, обувала и одевала бедных людей, кому помогала деньгами, кому одеждой. В память о Дмитрии Ивановиче она заложила в Кремле церковь Рождества Богородицы. Новопостроенный храм освятил митрополит Киприан, двумя годами позднее его расписали Феофан Грек и Симеон Чёрный (храм дошёл до наших дней в значительно перестроенном виде).

А на Русь надвигалась гроза, какой не бывало со времён Батыя. В Средней Азии появился полководец Тамерлан (Тимур). Разбив в двух сражениях Тохтамыша (1391, 1395), «железный хромец» двинулся на Русь. Великий князь Василий Дмитриевич с главными силами вышел к Коломне, чтобы там встретить врага, защищать Москву остался Владимир Андреевич Серпуховской. Войско Тамерлана было огромно, и Василий Дмитриевич понимал, что он вышел с войском на верную смерть.

Оставалась одна надежда на Господа и на Его Пречистую Матерь. Вся Москва молилась, и митрополит

²⁴ В России Правительствующий Сенат поднёс это звание Екатерине II.

Киприан, и Владимир Андреевич. Храмы были переполнены москвичами. От старого до малого все взывали к Заступнику и Покровителю. В своей келье в Кремле молилась и великая княгиня.

И вот великой княгине свыше была внушена мысль о перенесении чудотворной иконы Богородицы Владимирской из Владимира в Москву. Василий Дмитриевич, выслушав просьбу матери, послал духовенство и верных людей во Владимир. После совершения обедни чудотворную икону подняли и понесли в Москву. Путешествие святыни длилось десять дней. В Москву икона прибыла 26 августа в тринадцатую годовщину разорения Москвы Тохтамышем. Вся Москва во главе с митрополитом Киприаном, велико-княжеским семейством, с пением тропарей и молитв встречала икону. На том месте, где произошла встреча иконы, ныне стоит Сретенский монастырь.

В этот день совершилось чудо, Господь и Богородица спасли Москву и русский народ от, казалось бы, неминуемой гибели. В то время, когда москвичи встречали икону, Тамерлан отдал своему войску приказ об отступлении.

Вот как это произошло. Свирепый завоеватель, прославившийся тем, что из отрубленных голов людей воздвигал пирамиды, после обеда задремал у себя в шатре. В дремотном видении к нему в шатёр сошла с небес величественная Жена. Вокруг Нее в воздухе реяли крылатые воины с луками и копьями. Внезапно они устремились на Тамерлана. Он очнулся и вскочил на ноги. Необъяснимый ужас и трепет оледенили его, словно его живым

опустили в холодный подземный мрак могилы. Страшно было вспомнить ему гневный взгляд Той неведомой Жены. Взгляд Её, как острые иглы, пронизывал его насквозь. Метнулся Тамерлан к выходу из шатра, откинул полотнище, завешивавшее вход в шатёр, и прорычал на весь лагерь:

— Снимать палатки! Трубач, труби: поход!

Войско снялось и навсегда покинуло пределы русской земли.

Как супруг её на Куликовом поле спас русскую землю от разорения Мамаем, так супруга его, великая молитвенница и постница, спасла Русь от нашествия Тамерлана.

В дни скорби о кончине Дмитрия Ивановича, в дни горя, слёз и молитв великая княгиня дала обет во благо-времении принять монашеский чин и скончать дни свои в монастыре. Для этого она основала в Кремле Вознесенский девичий монастырь, заложив в 1407 году каменный Вознесенский храм.

Дети подросли, младшему Константину исполнилось 18 лет, ничто не препятствовало исполнению обета. 17 мая 1407 года совершился монашеский постриг великой княгини с наречением ей имени Евфросиния.

Меньше двух месяцев пожила в иноческом чине великая княгиня, 7 июля она отдала Богу свою непорочную и любвеобильную душу. Тело её погребли в строящемся Вознесенском храме.

Высота духовной жизни великой княгини была так высока, что уже при жизни она совершала чудеса исцеления.

Так, однажды она исцелила слепого старика. Многие века у её гробницы совершались чудеса исцеления, её почитали не просто как святую, а как небесную покровительницу царствующего града.

К мощам святой угодницы приходили помолиться и укрепиться духовно русские цари Александр I, Александр II и Николай II с государыней Александрой Фёдоровной. Здесь неоднократно молились великий князь Сергий Александрович с супругой Елизаветой Фёдоровной. Неподалёку от собора находилась могила великого князя, убитого христопродающим-революционером.

Не счёсть паломников из простого народа, что припадали к раке над мощами святой угодницы в соборе. Со всех концов великой России ехали люди поклониться памяти великой княгини, поведать о своих бедах и скорбях.

Так устроилось, что крипта Вознесенского собора, где первоначально стоял лишь один белокаменный саркофаг с мощами святой Евфросинии, стал местом упокоения многих великих княгинь и цариц. Тут были погребены Софья Витовтовна — супруга Василия Дмитриевича, София Палеолог — жена Ивана III, Елена Глинская — мать Иоанна IV Грозного, Ирина Годунова — жена Федора Иоанновича.

Несколько веков притекал богомольный народ к святым мощам, несколько веков теплилась неугасимая лампада.

Однако настала година лихолетья. Ни польские ляхи, ни «просвещённые» варвары — французы не покусились

потревожить покой святой угодницы. Это бестрепетно совершили новые хозяева российской жизни — «освободители» русского народа от мрака проклятого прошлого. Женский Вознесенский монастырь в 1918 году закрыли, монахинь из него выселили, в Кремле появились иные обитатели, закрывшие доступ народу к его святыням. В 1922 году по всей России происходило изъятие церковных ценностей для борьбы с голодом, а попросту ограбление Церкви. С икон сдирались золотые и серебряные оклады, с престолов многопудовые серебряные облачения, алмазы и бриллианты считали не каратами, а фунтами. Но самое страшное, о чём даже в те дни предпочитали помалкивать, под покровом секретности происходило в Кремле. В соборах повсеместно вскрывались великолкняжеские и царские захоронения «с целью извлечения драгоценных металлов». (Трофимов, 85.)

Помрачившиеся разумом люди, не осознававшие мистической основы жизни, мечтали построить земное счастье, заложив в фундамент воздвигомого ими здания кровь невинных царских детей, а затем оскверняя святые моши и грабя могилы.

Велика и славна история СССР, велика и страшна! Миллионы людей искренне верили в высокую цель создания справедливого общества на земле, верили, претерпевали неслыханные лишения, какие не вынес бы ни один народ, совершали невиданные подвиги, которые никому не были под силу. Однако не бывает справедливости и счастья на грехе и крови. Только молитвой и честным

трудом можно создать незыблемое, тому порукой наши православные монашеские обители, наши чудотворные образа, наша молитвенная память о подвигах святых угодников и великих государственных мужей.

Тьма пребудет тьмой, а свет останется светом. И никогда сила, вечно желающая зла, не совершил благого, как бы ни изошьрлись в подобных изречениях поэты и мыслители. Какое согласие между Христом и Велиаром? (2 Кор. 6: 15.)

Не избежала поругания и могила святой Евфросинии. Чьи-то нечистые руки рылись в её останках.

В 1929 году пришёл черёд испить свою чашу самому Вознесенскому собору. На его месте было решено построить школу красных командиров. Великие русские архитекторы с мировым именем И.В. Жолтовский, И.А. Фомин, А.В. Щусев (автор Мавзолея) заступились за монастырь, просили сохранить его. К ним не прислушались. Летом 1929 года собор начали ломать. Учёный Н.Н. Померанцев на свой страх и риск организовал спасение иконостаса Вознесенского собора с иконами XVII века, а самое главное, вместе со своими единомышленниками сумел перевезти из Вознесенского собора в подвальную Судную палату Архангельского собора все саркофаги с останками великих княгинь и цариц.

Хлопотам Н.Н. Померанцева в те времена могли придать какую угодно окраску. Саркофаги были неподъёмными, для перевозки их из собора в собор требовались

грузовые машины. «И чего этот Померанцев так бьётся за этих цариц?» — мог подумать кто-нибудь.

Учёный, конечно, рисковал. Но на Руси всегда были герои. Во все времена.

Кремль на десятилетия был закрыт для посещения. В 1955 году его открыли для свободного посещения, но в соборы войти всё равно было нельзя. Положение стало меняться после 1988 года. В дни празднования 1000-летия Крещения Руси Поместным собором Русской Православной Церкви был прославлен в лике святых благоверный супруг великой княгини. По благословению Святейшего Патриарха Алексия II было создано Православное общество святых русских жён, поставившее целью восстановление почитания святых угодниц. В Судной палате Архангельского собора стали читать тропарь преподобной, о ней сняли фильм.

А летом 2002 года были обретены мощи преподобной Евфросинии. Особенно хорошо сохранилась честная её глава. Благодаря этому учёный-криминалист создал вероятный скульптурный портрет великой княгини.

20 июля 2005 года в районе Котловка города Москвы, там, где великая княгиня Евдокия встречала въезжавшего в столичный город митрополита Киприана, заложили храм во имя преподобной Евфросинии.

Житие преподобной Евфросинии читается как повествование о материнском, молитвенном подвиге. Великая княгиня, как и её супруг, прожила жизнь не для себя, а для

детей, для Церкви и народа. Непрестанно благотворила, и если явные её жертвы известны (основание храмов, монастырей, денежные вклады в обители), то несравненно более жертв тайных, о которых никто не знает, кроме неё самой и Господа, по заслугам воздавшего ей. «Яко да будет милостыня твоя втайне: и Отецтвой... воздаст тебе яве». (Мф. 6: 4.)

Есть в житии преподобной один эпизод, особо привлекающий внимание людей верующих. Он рассказывает о том, что завистники распустили о великой княгине клевету: дескать, под маской смиренницы, постницы она ведёт разгульную греховную жизнь. Клевета достигла ушей сыновей княгини, они упорно отказывались верить ей. Но слухи и толки не утихали, тогда они высказали матери свои сомнения. Великая княгиня пригласила их в отдалённые покои дворца и, приоткрыв одежды, показала, что под нарядными богатыми одеждами на её тело надета власяница и железные вериги. Растроганные и пристыжённые дети со слезами просили прощения у матери.

Нет сомнения в святости преподобной. Но этот эпизод всё же оставляет ощущение какой-то недосказанности, вызывает сомнения, отдаёт красивой сказкой.

Клеветники были, есть и будут. Но клеветать ради клеветы никто не станет, клевета имеет какую-то цель. Княгиня не участвовала в политической жизни, никому не мешала, ни на что не претендовала. Какой смысл распространять о ней клевету?

И разве дети не видят, какую жизнь ведёт их мать. Княгиня по своему положению в государстве всё время была на виду, в тереме окружена слугами, нянюшками и тому подобное, а когда выходила на улицу, её видели десятки людей. Разве дети не знали, что жизнь её не имеет ничего общего с клеветой. Но, допустим, поверили клевете и, что допустить ещё труднее, высказали своё недоумение матери. Во-первых, они показали бы, что просто не любят мать, ибо «любовь долготерпит, не превозносится, не гордится, не мыслит зла, всё покрывает» (1 Кор. 13: 4—8), и если бы мать даже вела недостойный образ жизни, сыновья, жалея (любя) мать, никогда бы ничего не сказали ей. Во-вторых, мать не раскрыла бы перед ними свои одежды, это было немыслимо для людей той поры. Посмотрите на иконы, как на них изображены люди. Постороннему взгляду открыто только лицо и ладони. И наконец, если опять допустить недопустимое, что мать показала бы детям власяницу и вериги, они бы никогда и никому не поведали об этом. Опять же из любви к матери.

Реальная основа житийного эпизода, скорее всего, такова. Когда тело почившей великой княгини готовили к погребению, под одеждами обнаружили власяницу и вериги, о которых никто и не подозревал. Остальное дополнила народная фантазия, она придумала и клевету, и сыновей, и показ вериг.

Вот наглядный пример народной фантазии. По окончании строительства в Вологде Софийского собора царь Иван IV вошёл в собор. В это время «нечто отторгнуся

от свода и пад, и повреди государя во главу, и того ради великий государь опечалихся».

Природа этого НЕЧТО неизвестна, это мог быть отколовшийся кусочек кирпича или штукатурки. Народная же фантазия преобразила это НЕЧТО в ПЛИНФУ, то есть в кирпич для кладки сводов. Царь разгневался, когда это НЕЧТО попало ему в голову, но едва ли он смог бы гневаться, если бы почти с тридцатиметровой высоты ему в голову попал кирпич.

Могла быть реальная подснова и у слухов о клевете. После кончины Дмитрия Ивановича великая княгиня продолжала жить, как жила при муже, ни в чём не изменив своего поведения, привычек, не скорбела, не постилась напоказ, что могло не понравиться ханжам, вызвать осудительные толки, которые народная фантазия развила в клевету, и т. д.

Об интересующем нас эпизоде исследователь эпохи Дмитрия Донского, автор книги о нём писатель Ю. Лошиц, пишет так: «7 июня 1407 года скончалась великая княгиня Евдокия... Существует предание, что под княжеской одеждой на теле покойной были обнаружены вериги, которые она тайно носила все годы своего вдовства». (Лошиц, 394.) Ни о каком раздевании речи нет.

Жизнь великой княгини, её жизненный подвиг привлекали внимание людей искусства. О ней слагали стихи. Вот одно из них.

Плотно сомкнуты губы сухие. —
Жарко пламя трёх тысяч свечей.
Так лежала княжна Евдокия
На душистой сапфирной парче.
И, согнувшись, бесслёзно молилась
Ей о слепеньком мальчике мать,
И кликуша без голоса билась,
Воздух силясь губами поймать.
А пришедший из южного края
Черноглазый, горбатый старик,
Словно к двери небесного Рая,
К потемневшей ступеньке приник.

A. Ахматова

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. «ЩЕДРОЕ» НАСЛЕДСТВО

Наш путь — стрелой татарской древней воли

Пронзил нам грудь.

А.А. Блок

Среди множества истин, сопровождающих эпоху Дмитрия Донского, одна из них трактуется так: да, Дмитрий Иванович победил на Куликовом поле, что стало предпосылкой к окончательному свержению татаро-монгольского ига, но глупо отрицать, что татаро-монголы кое что привнесли в нашу культуру, в наше государственное устройство. Да, были эксцессы, да, было угнетение, этого нельзя отрицать, но оно не было уж таким страшным и непереносимым, словом, нет худа без добра.

Истина, мягко говоря, странная, но она бытует, и, может быть, лет через двести (сейчас пока не отваживаются) кто-нибудь скажет, что и немецкая оккупация 1941—1944 годов кое-что привнесла... Да, были массовые расстрелы; да, сотни тысяч людей угнали в Германию; да, в назидание всем Зою Космодемьянскую повесили посреди села, но не была оккупация уж такой...

Так неужели напрасно святой благоверный князь Дмитрий бился, не щадя себя, на Куликовом поле? Глядишь, покорствовал бы Орде и дожил бы до глубокой

старости и княжество бы расширил до гораздо больших размеров. Ведь утверждают, что именно монголы дали нам начало государственности, именно благодаря им мы начали объединяться, наконец-то поняли, что в единстве сила. И даже идею самодержавия Россия взяла у монголов, почему и были впоследствии все русские цари и императоры тиранами и восточными деспотами, рядящимися в одежды цивилизованных правителей.

Н.П. Ерошкин пишет: «Образование русского централизованного государства завершилось к концу XV века». (Ерошкин, 32.)

Но в этом же веке совершался процесс объединения в единое государство Франции, в результате семивековой Реконкисты в 1479 году завершилось образование единого Испанского государства²⁵. В 1480 году произошло так называемое «стояние на Угре» войск Ивана против хана Ахмата, а по оценкам военных историков — активная оборонительная операция.

Надеюсь, не надо доказывать непричастность Орды к истории Франции и Испании. Следовательно, развитие Руси протекало в рамках общеевропейского процесса образования единых государств. Неужели, не будь Орды, мы бы до сих пор жили в удельных княжествах?

А если мы углубимся в древность, то увидим, что подобные процессы происходили в Древнем Риме, когда

²⁵Чтобы показать, что конец XV в. был одним из узловых моментов мировой истории, замечу, что в 1499 г. Швейцария получила независимость от Священной Римской империи и стала полностью самостоятельным государством.

он собирал вокруг себя итальянские племена в единое средиземноморское государство. Исторические процессы проходят и повторяются.

Если согласиться, что мы заимствовали от Орды идею самодержавия, то спрашивается, от кого взяли идею абсолютизма короли Франции, Испании, ведь они были такими же самодержавными правителями, как и русский царь, их слово было законом. Неужели и их Орда облагодетельствовала? И как нам быть с римскими императорами эпохи домината, когда императору воздавали почести, как живому богу? У русских царей (восточных деспотов, по воззрениям европейцев) такого не было.

Мы как-то особо не задумываемся, европейцы же и слышать об этом не хотят, но славянская, русская цивилизация значительно менее кровава, чем цивилизация европейская.

Обычно в качестве примера массовых убийств в Европе приводят Варфоломеевскую ночь, когда «просвещённые» французы за одну ночь зарезали, застрелили, утопили, повесили, замучали своих сограждан в несколько раз больше, чем «тиран» Иван Грозный за всё время своего правления. Но пример этот затёрт, к нему уже привыкли. Предложу менее известный факт.

Крестовый поход против альbigойцев. 1209 год. Войско папы Иннокентия III осадило крепость Безье. Начался штурм. Но как в бою различить сторонников и противников папы. Папский легат Арнольд Амальрик приказал: «Убивайте всех. Бог распознает своих!» Всего,

по оценкам историков, было уничтожено от 7 до 20 тысяч человек. Ничего подобного мы не сыщем в русской истории. И мы варвары, а они благородные рыцари. Что же, очевидно, в вопросе истребления горожан европейцы не далеко ушли от азиатов.

Неживодёрство, вообще, родовая черта русского народа. Она прослеживается на протяжении многих веков.

Вот свидетельства времён Второй мировой войны.

Польский полковник Грот: «Большевики не так склонны к расстрелам людей по любому поводу и без повода, как немцы». (Мухин, 221.)

К. Лоренц, лауреат Нобелевской премии, был в плену в СССР. «Позднее он слышал ужасающие рассказы о некоторых американских и особенно французских лагерях, в то время как в Советском Союзе не было никакого садизма». (Мухин, 325.)

Одним из признаков государства является наличие писаного (а не устного) судопроизводства.

Первый достоверно известный писаный свод судебных установлений «Русская Правда» был создан в XI веке (список XIII в.), когда ни самого Чингиза, ни ближайших предков его не было на свете. Что могли нам принести монгольские дикие орды?

Разве что идеал Чингизхана. «Какое благо выше всех на земле?» — спросил он у придворных мудрецов и сам ответил. «Счастливее всех, — назидал он, — тот, кто гонит перед собой толпы разбитых врагов, грабит их имущество,

скачет на их конях, любуется слезами близких им людей, целуя их жён и дочерей». (Нарочницкая, 107.)

Под этими словами не отказались бы подписатьсь ни Наполеон, ни Гитлер, правда, первый бы их литературно обработал, причесал по-европейски.

Как отличается этот идеал Чингизхана, идеал торжествующего брюха от высших, духовных идеалов христианства, от слов Христа: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». (Мф. 7: 12.)

Чему он, оголтелый язычник, мог научить наших князей, людей православных, для которых все люди — создания Божии?

Ничем в области государственного строительства мы не обязаны Орде. Ничем! Кто продолжает настаивать на обратном, пусть просто вспомнит, что монголы принялись крушить и громить государство, которому, если даже взять условную дату его образования 862 год, было уже три века, а государственность монголов насчитывала десятилетия. Чему может научить дошкольник выпускника средней школы?

Приведу мнение авторитетного учёного:

«Тезис о генетическом родстве этих держав (Золотой Орды и Московской Руси. — Р.Б.) часто декларируется, а вот научных обоснований этой теории немного.

Степень заимствования Москвией у монголов политических институтов сильно преувеличена.

..легковесные декларации, будто московская государственность являлась преемницей Золотой Орды, не выдерживает научной критики.

...можно уверенно утверждать, что Московия не была политическим наследником государственности Золотой Орды...» (Гальперин, 68, 69, 71.)

Если мы и перенимали опыт государственного строительства, то только у Византии, наследницы римской державы, а не у монголов, вчерашних пастухов, скотоводов и степных разбойников.

На этом можно бы закончить наши вопросы, но тема настолько обширна, что мы их продолжим.

Может быть, не нужно нам было воевать с Ордой, может быть, лучше было остаться её улусом? Не несла ли она нам великие достижения цивилизации, высокую культуру, глубокие знания в постижении окружающего мира и Вселенной, высшие ремесленные навыки в производстве орудий производства, то, что сейчас называют технологией?

П. Чаадаев писал, что «продолжительное владычество татар — это величайшей важности событие... как оно ни было ужасно, оно принесло нам больше пользы, чем вреда. Вместо того, чтобы разрушить народность, оно помогло ей развиться и созреть». (Нарочницкая, 114.)

Рассмотрим это положение.

«Упадок пережили после монголо-татарского нашествия живопись и прикладное искусство. О какой бы области материальной или духовной культуры ни шла речь, факты самым категорическим образом опровергают порождённые далеко не научными соображениями суждения насчёт мнимого культурного

“превосходства” монголо-татарских завоевателей и тем более насчёт “особой миссии” Чингизхана и его преемников, создавших “Евразию”. Повсюду в Азии и Европе, куда приходили... завоеватели, они приносили смерть, разрушения, гибель культуры. И от того, что завоеватели пользовались при своих разрушениях заимствованными в Китае и у арабов совершенными средствами боевой техники и приёмами организации войска, их разрушительная роль на завоёванных землях отнюдь не превращалась в организацию какой-то более высокой культуры. Монголо-татарское нашествие было страшным бедствием для русской культуры — это бесспорный исторический факт». (Сахаров, 28.)

«Возрождавшаяся и развивавшаяся русская культура полностью сохранила свой национальный характер, монголо-татары ничем не обогатили её, а их влияние практически было весьма незначительным. Некоторое количество восточных слов, проникших в русский язык при посредстве монголо-татар (базар, магазин, чердак, алтын, сундук, кафтан, тюфяк и т. п.), отдельные мотивы в прикладном искусстве, в одежде феодальных верхов — этим в сущности и ограничилось монголо-татарское влияние на русскую культуру». (Сахаров, 29.)

«Ни в законодательстве, ни в общественной мысли, ни в литературе, ни в живописи нельзя заметить ничего такого, что было бы заимствовано у монголо-татар. Вернейший показатель в этом отношении — оценка монголо-татарского вторжения самим народом. Всё, что нам

известно из устного народного творчества XIV —XV вв., совершенно определённо категорично свидетельствует о резко негативной оценке, данной народом монголо-татарскому вторжению и игу». (Сахаров, 30.)

От Орды не осталось ни одного архитектурного памятника, ни одного строительно-инженерного приёма, инструмента, ни одного художественного литературного сюжета.

Ничего доброго, ничего хорошего не принесла нам Орда. Ровным счётом ничего, только пила кровь да, подобно демонам-упырям, паразитировала на духовном теле народа. Бесы ведь наслаждаются страданиями людей.

Греки и римляне нас не завоёвывали, но каково влияние их действительно культурных народов на нашу культуру! Нас обогатили римская, греческая, французская, немецкая, итальянская культуры. В сравнении с ними о каком положительном, благотворном влиянии татаро-монголов можно серьёзно говорить? Кроме того, понятия узды, седла, сундука, базара были в русском языке и до татар, но они вытеснены этими оккупантами, вытоптаны. Это типичная картина колонизаторов, когда родной язык коренного населения заменяется их языком. Так что нужно говорить не о приобретении, а об уратах, мы лишились наших исконных, природных русских слов.

И какие слова мы приобрели? Названия одежды, предметов конской сбруи, и т. п., слова, обозначающие предметы низкого быта. Ни одного слова из области философии, науки.

«Что бы ни писали прошлые и нынешние евразийцы о прелестях совместного русско-монгольского сожительства и “побратимства”, Русь пережила чудовищный разгром, масштабы которого неведомы Европе. Память о нём не случайно запечатлена в литературных памятниках под такими названиями, как “Слово о погибели земли Русской”. Цветущие города были разрушены дотла, утрачены ремёсла, на несколько веков прекратилось каменное строительство — показатель уровня развития. Русские земли были обложены колоссальной данью, и труд, по крайне мере, восьми поколений служил завоевателям. Но политический и экономический гнёт над Русью имел свои особенности, отличавшие его от завоевательных традиций Запада, целенаправленно стиравшего культуру завоёванных народов. Кочевники с огромными табунами не могли жить ни в городах, ни в русских лесах, они возвращались в открытые степи, оставляя лишь наместников, баскаков с военными отрядами. Поэтому на Руси сохранился национальный порядок княжеского владения». (Нарочницкая, 108.)

Всё, что пишут о влиянии Орды на Русь, преследует одну цель: опорочить, лягнуть, принизить русский народ, отказать ему в праве на самостоятельность государственной, общественной мысли, доказать, что нет у Руси ничего своего, всё чужое, сворованное, а выдаваемое за собственное.

«...презрительными суждениями наполнены исторические памфлеты о России ведущего американского

русиста Р. Пайпса. Его постоянные намёки на убожество и бескультурье Руси украшают раздел о монгольском нашествии. Если бы Русь была богата и культурна, как... (далее следуют наименования государств: Китай, Персия и др.), то монголы её бы оккупировали, поскольку же это было не так, то они её попросту обложили данью». Киев по богатству и культуре превосходил западноевропейские города, уступая лишь итальянским, однако монголы его разрушили дотла, как Аларих, предводитель вестготов, разрушил Рим с дворцами, водопроводом, Колизеем и термами. Русские князья под пером Пайпса предстают вполне в Марковом определении «смеси татарского заплечных дел мастера, лизоблюда и верховного холопа», данного классиком Ивану Калите в «Тайной дипломатической истории XIX века». (Нарочницкая, 107.)

Мы — не европейцы и не азиаты, мы — русские. Особый народ, созданный Господом. Не случайно А. Тойнби выделяет среди мировых цивилизации славянскую (русскую) цивилизацию. Были древние римляне — они не были ни греками, ни парфянами, ни иберийцами, ни галлами, не нумидийцами, они брали у всех, что могло сгодиться в государственной, военной, научной, художественной жизни, брали, не стесняясь, и оставались римлянами.

Но всё же неужели мы так ничего и не унаследовали от Орды? Унаследовали. Одно из наследий отмерло ещё в середине XIX века, а другое живёт и в наши дни, живёт и отравляет жизнь, приносит страдания миллионам славян.

«При монголах впервые появляются известия о прикреплении крестьян к земле — не к личности землевладельца, а к месту приписки. Это было вызвано, видимо, резким уменьшением числа рабочих рук и налогоплательщиков в деревне». (История Ирана, 154.) Таким образом, при монголах появились первые ростки крепостного права.

«...одним из самых долгосрочных последствий ига было не влияние монголов на самобытность Руси, а разделение Руси на северо-восточную и юго-западные части. Это разделение, ставшее объективной геополитической реальностью, было результатом факта вторжения клина монгольской армады в тело русских земель, которые до этого находились в тесном естественном взаимодействии... Закладывалось отделение юго-западной Руси от северной. Юго-западные русские земли, захваченные Литвой... попали под власть католической Европы, на части их стала формироваться “малороссийская народность”. Сегодня видно, какие важные и драматические последствия для русской нации имели эти явления». (Нарочницкая, 113.)

Вот то единственное, что осталось нам в наследие от Орды. От худого нечего ждать хорошего. Учёные-лингвисты говорят, что и матерная брань нам осталась от этих же «благодетелей», но этой детали в книге о святом угоднике Божием и его праведной супруге мы касаться не станем.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. СПОР О ДМИТРИИ

Ужель нужно ворога снова,
грядущего землю губя,
чтоб вольное имя Донского
в тебе разбудило тебя?

Л.Н. Васильева

Для нас привычны следующие определения Дмитрия Донского: выдающийся государственный деятель и полководец; расширил границы Московского великого княжества... проявил полководческий талант, нанёс сокрушительное поражение Мамаю; ярко проявился полководческий талант Д. Донского... передал великое княжение по наследству старшему сыну Василию без санкции Золотой Орды.

Но как вам покажется следующее высказывание, ныне известное разве что историкам?

«Княжение Дмитрия Донского принадлежит к самым несчастным и печальным эпохам истории многострадального русского народа. ... Сам Дмитрий не был князем, способным мудростью правления облегчить тяжёлую судьбу народа; действовал ли он от себя или по внушениям бояр своих — в его действиях виден ряд промахов. Следуя задаче подчинить Москве русские земли, он не

только не умел достигать своих целей, но даже упускал из рук то, что ему доставляли сами обстоятельства. Он не уничтожил силы и самостоятельности Твери и Рязани, не умел и поладить с ними так, чтобы они были заодно с Москвою для общих русских целей. Дмитрий только раздражал их и подвергал напрасному разорению ни в чём не повинных жителей этих земель; раздражил Орду, но не воспользовался её временным разорением, не предпринял мер к обороне против опасности, и последствием всей его деятельности было то, что разорённая Русь опять должна была ползать и унижаться перед издыхающей Ордой». (Костомаров, 134, 135.)

Это наиболее острое проявление исторического феномена «Спор о Дмитрии Донском».

Спор начался ещё во времена самого великого князя, когда летописец, гораздо более осведомлённый о причинах поступка Дмитрия, тем не менее вписал недрогнувшей рукой... «не ста на бой противу его (Тохтамыша. — Р.Б.) ни подня руки противу царя, но глоеха в свой град на Кострому».

В 20-е и 30-е годы минувшего столетия не в диковинку было прочитать следующее: «Великодержавные буржуазные историки идеализировали Д., как национального героя, боровшегося за “единую” Русь против татарского владычества». (БСЭ, вып. 1, т. 22, 419.) (В списке литературы к статье в энциклопедии есть ссылка на Костомарова. Во 2-м издании БСЭ этой ссылки нет.)

Древнему летописцу вторит современный историк, знаток древнерусской письменности Г.М. Прохоров, ко-

торый пишет: «Сам-то великий князь позорно бежал при приближении к Москве Тохтамыша». (Прохоров, 137.)

«Как же так? Как они могут? — спросит неравнодушный читатель. — Ведь Дмитрий Иванович — национальный герой, а княжение его, напротив, принадлежит к самым славным эпохам великого русского народа».

Были люди, для которых Дмитрий Донской был не героем, а совсем наоборот. Эти люди есть и сейчас, среди нас. Они пишут о Дмитрии Донском и о Куликовской битве изумительные вещи (старое слово: «изумиться» обозначает «выйти из ума») и спокойно при этом спят.

Но, может быть, они правы? Ведь сейчас столько разговоров об относительности добра и зла, не у нас ли на глазах с пьедесталов свергают героев и топчут их в грязь. Надо разобраться.

Будем разбираться по порядку.

Сначала о Н.И. Костомарове. Орда изыхала ещё больше века. И даже после 1480 года, который официально считается концом татарского ига, Москва ещё очень долго была вынуждена считаться с татарскими ханами. Поэтому я бы поостерёгся упрекать великого князя в том, что он не воспользовался временным разорением Орды. Непозволительно преуменьшать реальную силу Орды в то время. Она продолжала оставаться страшным и жестоким врагом.

А хотели ли сами Тверь и Рязань поладить с Дмитрием Донским? Борьба с ними как раз потому и шла, что ладить они с великим князем Московским не хотели. Не такими

были Михаил Тверской с Олегом Рязанским, чтобы для кого бы то ни было жар своими руками загребать.

И совсем уж для историка странно упрекать Дмитрия Ивановича, что он не сделал того, что стало возможным только через 100 или 150 лет. Тверь присоединена к Москве в 1485 году, а Рязань — в 1521-м.

Таким образом, все обвинения Костомарова в адрес Дмитрия Донского антиисторичны, безосновательны.

Что касается позорного бегства Дмитрия Ивановича из Москвы при нашествии Тохтамыша, то кому, как не Г.М. Прохорову, знать, что отъезд князя из столичного города для сбора сил был обычной практикой, пока не появилась постоянная, регулярная армия. Точно так же поступил сын Дмитрия Донского Василий, когда под Москву пришёл Эдигей. В 1408 г. великий князь Василий «оставил защищать Москву дядю Владимира Андреевича, да братьев своих Андрея и Петра Дмитриевичей, а сам с княгиней и детьми уехал в Кострому». (Соловьёв, 361). Не опасаясь услышать от потомков обвинения в трусости, внук Дмитрия Донского Василий Васильевич в 1451 году, когда татары подошли к Москве, «жену с другими детьми отпустил в Устюг, а сам со старшим сыном Иваном отправился к Волге». (Соловьёв, 430.)

Никто звука не произнес в адрес обоих Василиев, а их отцу и деду каждое лыко в строку.

Затем Г.М. Прохоров защищает святителя Киприана, оправдывает его бегство: «...митрополит в отличие от князя — не ратный человек». (Хорошев, 103.)

Никто не обязывал митрополита заходить на стену, биться копьём или стрелять из лука. Его дело, его задача, говоря военным языком, была оставаться в Москве, как часовому на посту, ждать прибытия великого князя и своим присутствием, как представителя верховной власти, скреплять, цементировать волю к сопротивлению, возвысить архипастырский голос, уберегая горожан от необдуманных решений. С этой задачей митрополит не справился. И это ещё куда ни шло, Дмитрий Иванович не прогневался бы на него, при думах о Тохтамышевой орде, стремительно приближавшейся к Москве, поджилки затряслись бы и у испытанных воинов. Но митрополит не только бросил вверенный ему пост, но из Москвы побежал в Тверь и там благословил Михаила Тверского на искательство ярлыка у хана. А ведь великий князь простил Киприану попытку прокрасться в Москву без спросу, простил и поверил ему во всём. Позднее, видимо, многое передумав и пережив, при сыне Дмитрия Ивановича Василии, Киприан стал истовым православным митрополитом, за что и прославлен в лице святых, но в эти годы он был явно не на высоте своего положения как человек государственный. Ведь церковный деятель, находящийся на самой вершине архиерейского служения, не может быть только молитвенником и богословом, он обязан быть государственным мужем.

Всё начинается с малого, с принижения заслуг князя, с умаления его исторической роли, а затем следует переход к оправданию или, как нынче выражаются скользким

дипломатическим языком, к желанию понять мотивы их поступков.

Л.Н. Гумилёв, во что бы то ни стало стараясь обелить монголов, говорит, что они брали города в отместку за убийство их послов, чтобы восстановить справедливость. Помилуйте, за убийство трёх-четырёх человек истреблять целый город? О какой справедливости тут говорить?

Даже немцы не мстили так зверски. За убийство Гейдриха они уничтожили в Лидице только 198 человек.

С монголами можно сравнить только ранних большевиков, когда за покушение на Ленина по всей Совдепии было расстреляно 15 тысяч человек²⁶.

«На реке Калке, — пишет Л. Гумилёв, — восьмидесятитысячная русско-половецкая армия обрушилась на двадцатитысячный отряд монголов. Эту битву русская армия проиграла из-за полной неспособности к самой минимальной организации». (Гумилёв, 109.) Во-первых, откуда взяты эти цифры; во-вторых, откуда взялась такая армия вообще; в-третьих, как же низко нужно ценить русское войско. Если Л.Н. Гумилёв имеет в виду, что князья не могли между собой договориться, кто из них будет главным, то откуда же 80 тысяч, если одна часть войска дралась, а другая бездействовала, а если дрались все 80 тысяч, значит, часть войска, находившаяся в стороне, насчитывала ещё несколько тысяч. Но такого войска было не собрать на Древней Руси, это из области фанта-

²⁶ Источник. 1998. № 1. С. 78.

стического романа. Если Гумилёв приводит эти цифры только для того, чтобы доказать, что до монголов мы не умели воевать, то куда мы денем походы Святослава на Хазарию, походы Олега и Игоря на Византию? Умели организовываться, а потом разучились? Так не бывает. Налицо явная выдумка, если не сказать резче. Симпатии маститого учёного явно на стороне сынов монгольских степей и якутской тайги, это почувствует каждый, кто внимательно прочтёт его труды. М.А. Булгаков сказал, что своих героев нужно любить, но не в такой же степени.

В последнее время (лет десять-пятнадцать) получила хождение нелепая версия, что Куликовской битвы вообще не было, вернее, она была, но не на Куликовом поле, а в Кулижках, пригороде средневековой Москвы.

Как любого нормального русского человека, эта версия меня возмутила, и я с пылом принялся собирать факты, опровергающие её.

Но Куликово поле и Кулижки не одно и то же. Куликово поле названо по изобилию обитавших на поле куликов, птицы болотной. Действительно, вокруг Куликова поля в те годы было много болот. Учитывая это, Дмитрий Донской построил план битвы. Кулижки же происходят от диалектного слова «кулига» — «небольшой, отдельно стоящий лес».

Если мы примем версию подмосковных Кулижек, то весь летописный рассказ об эпопее битвы окажется сочинённым от начала до конца. Выпадает сбор войск

у Коломны, длительный марш к Полю, восьмидневное «стояние на костях», обратный марш и т. д.

О Куликовом поле (а не о Кулижках) говорят не только отечественные, но и иностранных источники. Сведения о разгроме войск Мамая армией Дмитрия Донского мы находим в хрониках Посилге, Дитмара, Кранца...

На Куликовом поле до сего дня находят нательные кресты, наконечники стрел. И тут не было сражения? Если бы некогда тут был большой город или проходила ежегодная ярмарка, этим находкам можно было придать иное толкование, но поскольку ни города, ни ярмарки не было, то факт находок стрел свидетельствует об одном: здесь была битва. Конечно, находки не столь многочисленны, как хотелось бы, но после битвы собирали всё оружие, кольчуги, щиты и т. п., что-то утратилось со временем. (Музей-заповедник, 88.)

И, вообще, если мы будем писать историю, опираясь на созвучия в названиях (а здесь как раз тот случай), то забредём так далеко, что вряд ли сможем вернуться назад и безнадежно застрянем в событиях трёх-, а то и четырёхтысячной давности.

В «Анналах» Тацита читаем: «(Такфаринат) стал вождём уже не беспорядочной шайки, как это было вначале, но целого племени мусуламиев (выделено мной. — Р.Б.). Племя это, совершенно не знавшее городской жизни, взялось за оружие и вовлекло в войну с нами соседних мавританцев, которыми предводительствовал Мазиппа» (Тацит, 83.)

Ну, чем не эпохальное историческое открытие? Оказывается, мусульмане существовали уже в Древнем Риме, а щирый украинец Мазепа родом был мавританец. Какой роскошный дворец можно построить из этих двух плохо обожжённых кирпичей! Можно перевернуть всю мировую историю!

А какой это подарок для украинских наци. Чтобы открыться от русских, славянских корней, они придумывают каких-то никогда не существовавших укропов, а на самом-то деле они происходят от гордого африканского племени.

Смешно. А не смешно притягивать московские Кулишки к Куликову полю?

А вот ария из той же оперы, только на другой мотив. Один из таких продвинутых историков договорился до того, что слово «монголы» происходит от греческого слова «мегалион» (Денисов, 62), и это означает большое количество. Следовательно, это были вовсе не монголы, а кто-то, кого было очень много.

Диковинно, конечно, слово из группы алтайских языков толковать словом, происходящим из славной семьи языков индоевропейских. Впрочем, достаточно взять карту Монгольской Народной Республики и прочесть названия рек: Баян-гол, Уйгарын-гол и, конечно же, легендарный Халхин-гол. Никаким Мегалионом в слове «монгол» не пахнет, не ночевал он там.

Дальше больше. Дмитрий — князь никуда не годный, Куликовская битва под вопросом. Под вопросом оказывается и само татаро-монгольское иго.

Л.Н. Гумилёв утверждает, что «осуществлялся симбиоз Великороссии с Золотой Ордой», «тесный союз Орды и России».(Чивилихин, 642.)

Энциклопедический словарь 1955 года определяет симбиоз, как сожительство организмов, приносящее им взаимную пользу. Словарь 1993 года объясняет, что это форма совместного существования разных видов, включая паразитизм. Часто симбиоз взаимовыгоден.

Трудно, очень трудно найти крупицы пользы и выгоды, которые Русь получала от Орды.

Так было иго или симбиоз? Описан ли в русской истории хотя один такой случай, когда ордынский хан (конечно, посол, ханы не занимались такими мелочами) приехал в Москву, его там обвинили в измене, зарезали и обнажённый труп его не один день валялся бы на Красной площади, где его рвали на куски собаки? Не было такого случая! А с русскими князьями бывали.

Вспомним, как сгорела заживо княгиня Агриппина и её сострадальцы, замкнувшись во Владимирском соборе. Был ли хотя бы один случай, когда русские, захватив город, населённый мусульманами (татарами), сожгли запершихся в мечети людей? Не было такого случая.

Если было бы возможно, хорошо бы спросить благоверную княгиню Анну Кашинскую: было иго или не было его, а процветал благостный симбиоз? Или спросить о симбиозе её мужа, сыновей и внука, нашедших в Орде смерть.

Так что же представлял собой этот «симбиоз» и «тесный союз» не «с точки зрения Клио», а на самом деле, с

точки зрения очевидцев и хроникёров, и насколько «порядок, установленный таким образом на Руси во второй половине XIII века, был далёк от идеала?

Замечательный русский писатель Серапион Владимирский, очевидец нового порядка на Руси XIII века, писал эпически просто и трагично: «Кровь и отец и братья наша, аки вода многа, землю напои... множайша же братья и чада наша в плен ведении быша; села наши лядиною проросташа, и величество наше смирися; красота наша погибе; богатства наша... труд наш поганий наследоваше... земля наша инонлеменником в достояние бысть». (Чивилихин, 643.)

В середине XIX века в Любече был найден синодик — список князей, от татар за веру православную убиенных. (Чивилихин, там же.)

«Михаил Черниговский, казнённый... по приказу Батыя в 1246 году: это его били пяткой против сердца, — был не первой жертвой нового “порядка”, установленного на Руси (погиб отец А. Невского Ярослав Всеволодович, рязанские князья Роман Олегович, Иван Ярославич, Василий Константинович, тверские Михаил Ярославич, Дмитрий Михайлович Грозные Очи, Александр Михайлович и Фёдор Александрович... Ярослав Ярославич Суздальский и другие, и все эти жертвы приходятся на первые сто лет владычества над Русью — таков-то был на самом деле “симбиоз” между ними!» (Чивилихин, 645.)

Нет, не было во второй половине XIII века никакого единого «восточноевропейского» государства, не было

«симбиоза» и «тесного союза» Золотой Орды и Руси! Была у ордынских ханов обширнейшая средневековая колония с жестоким режимом грабежа и геноцида, управляемая через посредство русских феодалов...

«Первый удар пришёлся по политической линии — традиции Александра Невского, — продолжает Л. Н. Гумилёв в другом месте честить великого князя. — За легкомыслие князя расплатился народ гибелью тысяч русских людей на Куликовом поле. Не будь интриг Митяя и ссоры Дмитрия с Алексеем (Алексий к Куликовской битве уже два с половиной года как был мёртв. — *Р.Б.*), потери в войне были бы меньше, а результат больше. (какой ещё больше, если мы победили в битве? — *Р.Б.*). (Гумилёв, 492.)

Под традицией Александра Невского учёный разумеет союзнические отношения между Русью и Ордой.

Святой благоверный князь Александр ко времени Куликовской битвы был более ста лет мёртв. В мировой истории не наблюдается примеров, чтобы союзнические отношения продолжались так долго. Никаких документов о союзничестве нет.

Союзничество могло быть, но очень короткий период. Когда Александр Невский был нужен Батыю в борьбе за власть, возможно, какой-то отрезок времени между ним и Батыем (а не Ордой и Русью) было нечто похожее на союзнические отношения. Отношения эти, кстати, основываются на полном равноправии и общей цели, как правило, в борьбе с общим врагом. Но Русь была однозначно вассалом Орды, какое уж тут равноправие, только

подчинение. Вообще, о каком союзничестве может идти речь, если представитель Орды официально возводил великого князя на престол во Владимире?

Это всё равно как если бы Сталин съездил в США, посадил там Рузвельта на третий срок президентом, потом слетал в Лондон, прокатил там Черчилля на выборах в парламент, а потом говорил, что мы союзники. Ни Сталин, ни Рузвельт, ни Черчилль не имели никакого влияния на внутренние дела стран-союзниц, ордынские ханы имели самое прямое влияние (и вмешательство) в дела Руси. И хорош же союзник, который сначала посыпает с войском Бегича, чтобы наказать московского собрата по коалиции, а потом с этой же целью идёт походом сам!

Легкомыслie князя. Как язык поворачивается сказать такое. Это легкомыслie русский народ помнит более 600 лет.

И разве был когда-нибудь у нас с Ордой общий враг, если таким врагом была она сама.

Да ханы охотно участвовали в междоусобицах, помогая одним русским князьям бить других, но не больше. И это называется союзничеством?

Последний довод об отсутствии ига: не было дани. «Г. Губайдуллин и Х. Юнусова отрицают факт уплаты русскими дани Золотой Орде. Если бы было так, рассуждают они, то Монголия и Золотая Орда должны были стать богатыми и развитыми, но не стали. Следовательно, никакой дани не было». (Кучкин — 3, 24.)

Однако разве уж так редки факты, когда правители тратили на свои собственные нужды чудовищные суммы денег, а народу не перепадало ничего или перепадали какие-то ничтожные крохи.

Допустим, римский император Вителлий меньше чем за год спустил 900 миллионов сестерций на еду (Светоний, 323), а Калигула за тот же срок промотал 2 миллиарда 700 миллионов сестерций, которые накопил Тиберий (там же, 115). Что же получил римский плебс? Свои обычные раздачи хлеба и вина.

А в наше время, когда люди, получившие в свои руки заводы и фабрики, нефтяные месторождения, построенные трудом советского народа, покупают футбольные команды, океанские яхты и виллы на Лазурном Берегу, тогда как основная масса народа озабочена одной проблемой: как прожить от получки до получки. Чем же лучше были монгольские ханы распутных римских императоров или наших олигархов? Ханы возводили себе дворцы, ели и пили на золоте, а народ как жил в юртах, так и продолжал жить в них.

Но чем больше я собирал аргументов для опровержения вздорных версий, чем настойчивее вдумывался в них, тем яснее становилось, что спор о Дмитрии Донском уже давно не научный, а идеологический.

Хотя думается, какая может быть тут идеология? Проблемы, волновавшие Русь шестьсот лет назад, давно умерли. Оказывается, нет.

Почему всё это с нами происходит? Все эти разговоры, было ли иго, была ли битва и где, происходят от общего

падения культуры и потери исторического чувства в народе, а вовсе не от того, что сейчас появилась свобода и можно высказывать неожиданные точки зрения. Когда дух народа твёрд и чувство истории живо и действительно в сердцах, завиральные гипотезы элементарно не находят отклика и сразу угасают, а сейчас душа народная растревожена, ослаблена, происходит извращение исторического чувства, хочется чего-то такого, необычного, пусть нелепого и даже дикого, но нового. Эти измышления не забава, не досужие теории в узком кругу учёных.

Здесь всё серьёзней. Не было битвы. Не было благословения Сергия. Не было марша от Коломны. Не было поединка Пересвета и Челубея. Не было удара засадного полка. Не было стояния «на костях». Придумана битва. Придумана и вся история. Придуман и сам народ. Мы — не народ, фикция, туман исторический, который развеется и воспоминания о нём не останется.

Авторам нелепых версий отвечали серьёзные историки, занимающиеся этими вопросами со студенческой скамьи. Возражали аргументированно, разбивали их теории в пух и прах, но разве они читали эти опровержения, они плевать на них и то не хотели.

Ведь все их писания — это оружие информационной войны — пропаганда, а на неё не действуют доводы разума, логика и точная наука, каковой является история, в этих случаях бессильны. Они же не для этого пишут, не для истории, не в поисках истины. Перед людьми поставлена хорошо оплачиваемая задача, лишить наш народ

исторической памяти, подорвать его дух. Они эту задачу отрабатывают и кормятся этим.

По этому же чертежу происходит и кампания очернения народного подвига в Великой Отечественной войне. Авторы разные, а подход один. Не было Великой войны, была схватка двух одинаковых фашистских режимов, только имевших разные наименования. Не было подвигов, все они дутые, выдуманные. Не было великих полководцев, а были падкие до званий и наград маршалы-мясники, покорно исполнявшие злобную волю Сталина. Не было всенародного массового героизма, было тупое серое солдатское стадо, которое гнали в бой под автоматами заградотрядов.

Нас лишают родовой, исторической памяти, а ведь мы радуемся: да, да, всё это правда и о Дмитрии Донском (не было ига, не было битвы), и о Великой Победы (забросали немцев трупами)... Наконец-то, дожили мы до свободы слова, ура!

Спор о Дмитрии Донском продолжается. Это спор о России, но о России не XIV века, а о нынешней. Быть ли нам свободным, независимым народом или попасть в рабство, которое готовят нам «иных времён татары и монголы».

Куликовская битва продолжается за души нашего народа. На чьей стороне мы будем в этот раз? Под щитым шелками стягом великого князя с изображением Спаса или пересечём поле и встанем в чужие ряды?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. НЕГАСИМАЯ СВЕЧА

...чтоб не перестала память родителей наших
и наша, чтоб свеча не угасла.

Симеон Гордый

Всё изменилось за шесть с половиной веков. Войско Дмитрия Донского, потратившее не один день, чтобы дойти до Поля, сейчас могло быть переброшено туда за несколько часов на автомашинах, а ещё быстрее на самолётах.

Изменились оружие, приёмы боя.

Изменились города и деревни, леса и поля.

И мы изменились. Во многом. Но, несмотря ни на что, живёт в душе неистребимая частичка того чувства, с каким шли ратники великого князя на смертную битву с «силой тёмною, с проклятою Ордой».

Горит в душе огонёк памяти, и горит незримым светом на Красном холме видимая издалека негасимая свеча обелиска с православным крестом на вершине.

«В особо тяжёлые моменты исторического бытия народов, когда все средства преодолеть несчастье кажутся исчерпанными и людьми овладевает отчаяние, Бог воздвигает личности необычайного масштаба, сообщает им особые дарования, особую силу духа. На них Он возлагает миссию вывести своих соотечественников из бедственного положения. Для русского народа в XIV веке такими

избраниками были преподобный Сергий и святой благоверный князь Димитрий Донской». (Феофилакт.)

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ ИДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

12.10.1350 – родился в семье звенигородского князя Ивана Ивановича и княгини Александры, урождённой Вельяминовой.

Март 1353 – эпидемия чумы, умерли наследники великого князя Семёна Ивановича, сыновья Иван и Семён.

26.4.1353 – умер великий князь Семён Иванович (Симеон Гордый).

15.6.1353 – родился Владимир Андреевич, сын серпуховского князя Андрея Ивановича.

25.3.1355 – отец Дмитрия возведён на престол великого княжения.

1357 – начало «замятни» в Орде.

13.11. 1359 – смерть отца Дмитрия.

Весна – лето 1360 – поездка (неудачная) в Орду за ярлыком.

1361 – вновь поездка в Орду и вновь неудачная.

1362 – поездка послов (киличеев) в Орду, они привезли ярлык.

Зима 1362 – поход московских войск на Дмитрия Константиновича, нежелавшего уступить ярлык. Первый военный поход Дмитрия Ивановича.

6.1.1363 — Дмитрий Иванович посажен на Владимирский стол.

Первая половина 1363 — Дмитрий Иванович, приехав во Владимир, принимает ярлык от хана Абдуллаха (хан Мамаевой орды, а Миорид — сарайской).

Лето 1363 — Дмитрий Константинович вновь получает ярлык от Миорида, московское войско выгоняет его из Владимира.

Итоги 1363 — получил ярлык на великое княжение Владимирское, а также (видимо) Галицкое и Дмитровское княжества стали его вотчинными владениями.

23.10.1364 — умер брат Иван.

27. 12.1364 — умерла мать.

1365 — большой пожар в Москве, пострадал дубовый Кремль.

18.1. 1366 — женитьба Дмитрия Ивановича на дочери Дмитрия Константиновича Евдокии.

1365—1366 — построение белокаменного Кремля. Единственный каменный Кремль на северо-востоке Руси.

1366—1367 — обострение отношений с Новгородом, ушкуйники захватили Нижний Новгород, ограбили чужеземных и своих купцов.

1367 — родился сын Даниил.

1367 — мир с Новгородом, посольство в Москву с извинениями и дарами, освобождение Василия Даниловича.

1367 — обострение отношений с Тверью. Летом помочь Москвы князю Василию Кашинскому и клинскому

князю Еремею. Михаил Александрович уезжает за помощью в Литву.

27.10.1367 — Михаил Александрович вернулся из Литвы, восстановил свою власть в Твери.

Лето. 1368 — Михаил Александрович Тверской приезжает в Москву.

Лето 1368 — поход московского войска к Твери. Михаил Александрович бежит к Ольгерду.

Поздняя осень 1368 — первый поход Ольгерда на Москву.

21.11.1368 — поражение на р. Тросне московского сторожевого полка.

Ноябрь 1368 — приход Ольгерда под Москву, стоял три дня.

Конец 1368 — помощь Москвы Пскову и Новгороду в обороне против Тевтонского ордена.

1370 — поход московских воевод на Смоленское княжество.

Лето 1370 — предложение Михаила Александровича «любовь крепити», отказ Дмитрия Ивановича.

23.8.1370 — начало войны с Тверью.

7.9.1370 — взят и сожжён Зубцов.

Конец октября 1370 — Михаил Александрович едет к Мамаю получает ярлык на великое княжение, Дмитрий Иванович не пускает его во Владимир, Михаил Александрович бежит за помощью в Литву.

26.11.1370 — второй поход Ольгерда на Москву — безуспешная осада Ольгердом Волока Ламского.

6.12.1370 — приход Ольгерда под Москву, стоял 8 дней, заключили перемирие до 29.6.1371.

Весна 1371 — Михаил Александрович опять едет к Мамаю.

10.4.1371 — Михаил Александрович возвращается в Тверь с ярлыком и послом Сары-Ходжей. Дмитрий Иванович привел бояр города к крестоцелованию «не датися князю великому Михаилу». Михаила опять не пустили во Владимир.

15.6.1371 — Дмитрий Иванович едет в Орду к Мамаю и получает ярлык.

Лето 1371 — ушкуйники ограбили Кострому.

Конец 1371 — конфликт с Рязанью.

Начало 1372 — женитьба Владимира Андреевича Серпуховского на дочери Ольгерда Елене.

Начало апреля 1372 — Михаил Александрович захватил Дмитров, а литовская рать Кейстута и Андрея Полоцкого Переяславль.

31.5.1372 — Михаил Александрович разорил Торжок, принадлежащий союзнику Москвы Новгороду.

12.6.1372 — третий поход Ольгерда с Михаилом Александровичем. У Любутска заключён мир.

Ноябрь 1372 — из Орды привезён (киличеями) выкупленный за 10 тыс. рублей сын Михаила Александровича Иван.

1373 — умер сын Даниил.

Лето 1373 — поход Мамая на Рязанское княжество, захвачены города, убиты и пленены люди. Опасаясь перехода Оки татарами, Дмитрий Иванович встаёт с войском на её левом берегу.

16.1.1374 — соглашение с Тверью, Михаил Александрович уступил захваченные земли Владимирского княжества, Дмитрий Иванович за выкуп отпустил сына Ивана к отцу.

Лето 1374 — начало розыгрия с Ордой; возведена крепость Серпухов. В Переяславле (по случаю крестин) собрался съезд князей, на котором «Дмитрию удалось... создать внушительную коалицию против Мамая».

17.9.1374 — умер воспитатель Дмитрия Ивановича — сяцкий В.В. Вельяминов (в отсутствие князя замещал его в Москве).

Февраль 1375 — перебито татарское посольство в Нижнем Новгороде.

Февраль 1375 — И.В. Вельяминов и Некомат убегают в Тверь, а оттуда в Орду — просить для Михаила Александровича ярлык.

13.7.1375 — Некомат вернулся из Орды с ярлыком. Михаил Александрович расторг мир с Дмитрием Ивановичем и отправил войско на Торжок и Углич. Дмитрий Иванович собрал войско.

1.8.1475 — взят Микулин.

5.8.1375 — Дмитрий Иванович подошёл к Твери.

8.8.1375 — приступ московского войска (неудачный), город взят в осаду.

1.9.1375 — заключён договор с Тверью.

Осень 1375 — военные действия Орды и Литвы, воевавших западные волости Нижегородского княжества, Смоленское княжество.

2.12. 1375 — поставлен митрополит Киприан.

1376 — поп Митяй пострижен в монахи, возведён в сан архимандрита Спасского монастыря.

1376 — родился сын Андрей

Лето 1376 — поход Дмитрия Ивановича за Оку, остерегаясь рати татарской, но она не появилась.

1376 — неудачный поход Владимира Андреевича на Ржев.

Март 1377 — осада и взятие Булгар.

Лето 1377 — поход русского войска навстречу Арабшаху.

2.8.1377 — разгром на р. Пьяне, татарами захвачен и разграблен Нижний Новгород.

1377 — умер Ольгерд.

1377 — псковичи приняли брата Ягайло Андрея. Принял его и Дмитрий Иванович.

Зима 1378 — расправа над мордовскими князьями.

12.2.1378 — почил в бозе митрополит Алексий.

Май 1378 — попытка святителя Киприана приехать в Москву.

11.8.1378 — битва на р. Воже.

Осень 1378 — нашествие татар на Рязанское княжество.

1379 — отъезд Михаила (Митяя) из Москвы в Константинополь.

Декабрь 1379 — поход московского войска в Брянское княжество.

1370-е гг. — чеканка первой русской монеты.

Март 1380 — прибытие новгородского посольства в Москву. Дмитрий Иванович признан новгородским князем. Дмитрий Иванович принёс присягу соблюдать новгородскую старину.

1380 — смерть Михаила (Митяя).

Июнь 1380 — поставление митрополита Пимена.

Начало августа 1380 — первые известия о начале похода Мамая.

26—27.8.1380 — переправа русского войска через Оку.

6.9.1380 — столкновение передового отряда русских войск с конной татарской разведкой.

В ночь на 8.9.1380 — переправа русского войска через Дон.

8.9.1380 — Куликовская битва.

Сентябрь 1380 — возвращение русского войска в Москву

Осень 1380 — смерть Мамая.

1380—1381 — присоединение к Москве Белозерского княжества.

1381 — московско-рязанский договор. Олег признавал, что все его отношения с Ордой и Литвой должны быть согласованы с Дмитрием Ивановичем.

23.5.1381 — прибытие митрополита Киприана в Москву.

14.8.1382 — родился сын Андрей.

23.8.1382 — приход Тохтамыша к Москве.

26.8.1382 — разгром Тохтамышем Москвы.

Осень 1382 — отъезд Михаила Тверского в Орду вопреки договору 1375 г.

Осень 1382 — поход москвичей на Рязань.

5.7.1383 — смерть князя Дмитрия Константиновича, отца Евдокии.

Осень 1383 — отъезд в Орду сына Дмитрия Ивановича Василия.

1385 — захват Олегом Рязанским Коломны.

1385 — неудачный поход Владимира Андреевича против рязанцев.

Осень 1385 — приход преподобного Сергия в Рязань и разрешение конфликта.

Январь 1387 — поход Дмитрия Донского на Новгород.

1387 — замужество дочери Дмитрия Донского Софии и сына Олега рязанского Фёдора.

19.1.1388 — возвращение сына Дмитрия Донского Василия в Москву.

Февраль 1389 — ссора Дмитрия Донского и Владимира Андреевича.

25.2.1389 — примирение.

Весна 1389 — начало болезни Дмитрия Донского.

19.5.1389 — представление Дмитрия Донского.

7.7.1407 — преставилась княгиня Евдокия (в инокинях прп. Евфросиния).

1988 — прославление Дмитрия Ивановича Донского в лице святых.

Лето 2002 — обретение мощей преподобной Евфросинии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Азбелев С.Н. Новгородцы и Куликовская битва. Новгородский исторический сборник. СПб, 2008. Вып. 11(21).

Арциховский А.В. Оружие // Очерки русской культуры XIII — XV веков. Часть первая. М.: МГУ, 1968. Далее: Очерки...

Атлас всемирной истории. Ридерз дайджест, 2003.

Барятинский М.Б. Т- 34. Лучший танк Второй мировой. М.: Язуа, 2006.

Большая советская энциклопедия. 1-е изд. М.: ОГИЗ, 1935. Т. 22.

Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. М.: БСЭ, 1952. Т. 14.

Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. М.: БСЭ, 1972. Т. 8.

Борисов Н.С. Русские полководцы. М.: Просвещение, 1993.

Бородин С.П. Дмитрий Донской. М.: Советская Россия, 1977.

Брагин А.Е. Посреди России // Наш современник. 1980, № 9.

Бушин В.С. Измена: знаем всех поимённо. М.: Алгоритм, 2006.

Васильева О. С именем Дмитрия Донского // ЖМП.
1990. № 5.

Васин П. Игрушки русских рыцарей // Родина. 2003.
№ 11.

Веселовский С.Б. Московское государство: XV — XVII вв. М.: АИРО — XXI, 2008.

Викторов А.М., Звягинцев Л.И. Белый камень, М.: Наука, 1981.

Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1984.

Военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1995. Т. 3.

Вологодская икона. М.: Галарт, 1995.

Гальперин Ч. Вымышленное родство. М.: Родина. 2003.
№ 12.

Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды.
М.: Наука, 1975.

Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М.: Хранитель, 2006.

Гумилёв Л.Н. От Руси до России. М.: Хранитель, 2006.

Дементьев В.В. История Белозерского полка. Вологда, 2008.

Денисов Ю.М. Кто заказал татаро-монгольское нашествие? М.: Флинта; Наука, 2008.

Елевферий, архимандрит. Явление иконы святителя Николая великому князю Дмитрию Донскому // ЖМП.
1985. № 10.

Елхов Ю.А. Абыоли на Руси татаро-монгольское иго? М.: Астрель, 2008.

Емельянов Ю.В. Прибалтика. Почему они не любят бронзового солдата? М.: Издатель Быстров, 2007.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983.

История Ирана. М.: МГУ, 1977.

История русской литературы X — XVII веков. М.: Просвещение, 1980.

Карамзин Н.М. История государства Российского // Москва. 1988. № 9—10.

Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М.: Наука, 1980.

Каргалов В.В. Освободительная борьба Руси против монголо-татарского ига // Вопросы истории. 1969. № 2—4.

Карташов А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М.: Наука, 1991. Т. 1.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси. Л.: Наука, 1976.

Кирпичников А.Н. Куликовская битва. Л.: Наука, 1980.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 2. М.: Мысль, 1988.

Кнышевский П. Верой и правдой // ЖМП. 1990. № 5.

Корабли Российского Императорского флота: Энциклопедия. Минск: Харвест, 2000.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2008.

Косточкин В.В. Военно-оборонительные сооружения.

Кочетков И.А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая». ТОДРЛ. Т. XXXVIII. Л.: Наука, 1985.

Краткая литературная энциклопедия. М.: СЭ, 1964. Т. 2. С. 974.

Кучкин В.А. Дмитрий Донской // Вопросы истории, 1995, № 5.

Кучкин В.А. Дмитрий Донской // Большая Российская энциклопедия // М.: БРЭ. Т. 9. С. 131—132.

Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М.: Панорама, 1991.

Левинтон Г.А., Смирнов И.П. На поле Куликовом. А. Блок и памятники Куликовского цикла. ТОДРЛ. Т. XXXIV. Л.: Наука, 1979.

Литва. Краткая энциклопедия. Вильнюс, 1989.

Лихачёв Д.С. Русская культура и сражение на Куликовом поле за Доном // Звезда. 1980. № 9.

Лоцци Ю.М. Дмитрий Донской. М.: Изд-во ДОСААФ, 1989.

Макарий, архимандрит. Участие Русской Православной Церкви в освобождении Древнерусского государства от монголо-татарского игра // Богословские труды (БТ), сб. 28. М., 1987.

Махлаюк А., Негин А. Римские легионы в бою. М.: Яуза, 2009.

Музей-заповедник «Куликово поле». М.: Тула, 1999.

Мухин Ю.И. Антироссийская подлость. М.: Крымский мост, 2003.

Назаренко А.В. Русская Православная Церковь в X — первой трети XV в. // Православная энциклопедия.

Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005.

Никитин В.А. Слава и щит Руси // БТ, сб. 25, 26. М., 1984, 1985.

Никоновская летопись, ПСРЛ. Т. XI. М.: Языки русской культуры, 2000, репринт издания 1897 г.

Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Русь и Орда. М.: Астрель, 2007.

Отечественная история. М.: БРЭ, 1996. Т. 1, 2.

Повести о Куликовской битве. М.: АН СССР, 1959.

Поле Родины. М.: Молодая гвардия, 1980.

Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2000. Обзорный том.

Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2007. Т. XV.

Прохоров Г.М. Непонятый текст и письмо к заказчику в «Слове о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русскаго», ТОДРЛ, т. XL. л.: Наука, 1985.

Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Л.: Наука, 1978.

Пчелов Е.В., Чумаков В.Т. Правители России. М.: Гранть, 1999.

Разин Е.А. История военного искусства. М.: НКО, 1940.

Регулярная армия России (история создания и становления). М.: Церера, 2002.

Рыбаков Б.А. Военное искусство.

Рыбаков Б.А. О преодолении самообмана // Вопросы истории. 1971. № 3.

Сахаров А.М. Образование и развитие русского государства в XIV — XVII вв. М.: Высшая школа, 1969.

Сахаров А.М. Русь и её культура в XIII — XV вв.

Сахаров А.М. Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1.

Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1993.

Скрынников Р.Г. Куликовская битва // Звезда. 1980. № 9.

Советская историческая энциклопедия. М.: СЭ, 1964. Т. 5.

Советский энциклопедический словарь (СЭС). М.: БСЭ, 1953. т. 1.

Соловьёв С.М. Сочинения, книга II. М.: Мысль, 1988.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1950.

Тацит П.К. Анналы. М.: Ладомир. 2001.

Трофимов А.А. Небесная покровительница Москвы. М.: Паломник, 2007.

Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990.

Феофилакт, игумен. Благоверный князь Димитрий Донской // ЖМП. 1989. № 3—4.

Филюшин А. Защитный пояс Третьего Рима // Родина. 1998. № 4.

Хитров М. Святой благоверный князь Александр Ярославич Невский. М.: 1893.

Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI — XVI вв.). М.: МГУ, 1986.

Цезарь Г.Ю. Записки о Галльской войне. Книга 1—2. М.: Даръ, 1991.

Чивилихин В.А. Память. М.: Современник, 1983.

Шахмагонов Ф.Ф. На Куликовом поле. М.: Сов. Россия, 1980.

Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Шильник Л. А был ли мальчик? М.: Энас, 2008.

Энциклопедический музыкальный словарь. М.: БСЭ, 1959.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. СПБ, б/г. Т. 26. 2-е изд.

Яковлев М. Димитрий и Евдокия. М.: Даръ, 2007.

Оглавление

От автора.....	3
Глава первая. Рождение и детство	11
Глава вторая. Великий князь Московский.....	20
Глава третья. Горькое наследство.....	33
Глава четвёртая. Первые шаги	54
Глава пятая. Святитель.....	71
Глава шестая. Дела тверские	81
Глава седьмая. Дела литовские	102
Глава восьмая. Дела новгородские	115
Глава девятая. Рязанские дела	127
Глава десятая. Семья	133
Глава одиннадцатая. Война.....	142
Глава двенадцатая. Сражение	156
Глава тринадцатая. Передышка	199
Глава четырнадцатая. Тохтамыш	213
Глава пятнадцатая. Прочее время жития.....	233
Глава шестнадцатая. Кончина	248
Глава семнадцатая. Почитание	261
Глава восемнадцатая. Верна и после смерти.....	278
Глава девятнадцатая. «Щедрое» наследство.....	292
Глава двадцатая. Спор о Дмитрии	303
Глава двадцать первая. Негасимая свеча	319
Летопись жизни и деятельности благоверного князя Дмитрия Донского	320
Библиография	328